

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 5/2021

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, исполняющий обязанности
директора Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента
банковского дела и финансовых рынков Финансового университета
при Правительстве РФ

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Архипов А.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, первый заместитель
директора по научной работе Института экономики РАН

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Дорошенко М.Е.

доктор экономических наук, профессор, зам. зав. кафедрой
прикладной институциональной экономики экономического
факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономики инноваций экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
ВРИО директора Института научной информации по общественным
наукам (ИНИОН) РАН, профессор МГИМО МИД России

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, директор Института экономических
исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития
науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 5/2021

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки),
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам
деятельности) (экономические науки),
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),
08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций.

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 25.10.2021.
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 4096-21/18101

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2021

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Музычук В.Ю.**
Общественные организации в сфере культуры России: потенциал самоорганизации... 7
- Козлова С.В., Братченко С.А., Свирина Л.Н., Грибанова О.М.**
Эффективность и качество управления государственным имуществом в контексте национальных целей... 31
- Одинцова А.В.**
Городские агломерации: объективные основы формирования и проблемы институционализации в России... 57
- Жаринов И.О.**
Особенности внутрифирменных и межфирменных управленческих отношений на фабриках Индустрии 4.0... 80
- Сморodinская Н.В., Катуков Д.Д.**
Резильентность экономических систем в эпоху глобализации и внезапных шоков... 93

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Лобанов М.М., Звезданович Лобанова Е.**
Остановка по требованию: экономика стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы в условиях пандемии... 116
- Алиева А.А.к.**
Особенности въездного и выездного туризма в Азербайджане... 142

ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ

- Колотуша А.В.**
Поиск детерминант рациона питания как основы здоровья людей: образовательный аспект... 160

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Воейков М.И., Соболев Э.Н., Анисимова Г.В.**
Социальный императив Е.И. Капустина и современность (к столетию со дня рождения)... 188

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Muzychuk V.Yu.

Russian Third Sector Organizations in the Arts and Culture: Potential for Self-Organization..... 7

Kozlova S.V., Bratchenko S.A., Svirina L.N., Gribanova O.M.

Efficiency and Quality of Management of State Property in the Context of National Goals 31

Odintsova A.V.

Urban Agglomerations: Objective Bases for the Formation and Problems of Institutionalization in Russia 57

Zharinov I.O.

Specificities of Intra- and Inter-Company Management Relations in Industry Factories 4.0. 80

Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.

Resilience of Economic Systems in the Age of Globalization and Sudden Shocks. 93

WORLD ECONOMY

Lobanov M.M., Zvezdanović Lobanova J.

Request stop: Economies of Central-Eastern and South-Eastern European Countries during the Pandemic..... 116

Aliyeva A.A.q.

Specificities of Inbound and Outgoing Tourism in Azerbaijan..... 142

DEMOGRAPHY ISSUES

Kolotusha A.V.

Search for Diet Determinants as a Basis of Human Health: Educational Aspect..... 160

SCIENTIFIC LIFE

Voeykov M.I., Sobolev E.N., Anisimova G.V.

Social Imperative of E.I. Kapustin and Modernity (to the Centenary of Birth). 188

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

В.Ю. МУЗЫЧУК

доктор экономических наук,
заместитель директора ФГБУН Институт экономики РАН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ РОССИИ: ПОТЕНЦИАЛ САМООРГАНИЗАЦИИ...

В статье обобщен опыт функционирования общественных организаций в сфере культуры в рамках трех временных диапазонов: в Российской империи (со 2-й половины XIX в.), в Советском Союзе и современной России. По сути, речь идет о потенциале самоорганизации российского общества и его институциональных возможностях в проекции на сферу культуры. Причем общественные организации рассматриваются как антитеза государственным учреждениям и частным организациям. Особенности функционирования общественных организаций в сфере культуры характеризуют состояние гражданского общества и степень готовности людей к самоорганизации для достижения социально значимых целей. Определенные исторические параллели позволяют сделать вывод о том, что сворачивание политических и экономических свобод негативно отражается на функционировании общественных организаций в сфере культуры как в части отмирания отдельных финансово-экономических механизмов поддержки, так и вследствие идеологических установок, парализующих общественную инициативу.

Ключевые слова: самоорганизация, сфера культуры, общественные организации в сфере культуры, культурная политика, институты гражданского общества, творческие союзы, волонтерское движение.

JEL: Z1, Z11.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_7_30.

1. Вводные замечания

В культурной жизни современной России доминируют государственные (муниципальные) учреждения культуры, представляющие собой некоммерческий сегмент сферы культуры (театры, музеи, филармонии, библиотеки, дома культуры, детские школы искусств и пр.), учредителями которых выступают органы государственной власти и местного самоуправления. Их превалирование в культурном

пространстве России исторически обусловлено процессами демократизации культуры (*democratization of culture*) и широкомасштабным культурным строительством, инициированным советской властью с 20-х годов прошлого века в целях приобщения широких слоев населения к культурным ценностям, включая и формирование определенных идеологических установок общественного сознания.

Частный сегмент сферы культуры также активно развивается в нашей стране и представлен в большинстве своем организациями, относящимися к так называемым культурным индустриям (театральная антреприза, галерейный бизнес, выставочная деятельность, кинематография, издательская деятельность и проч.) или к сектору НКО. О состоянии частного сектора сферы культуры мало что известно. В отличие от государственных (муниципальных) учреждений культуры, которые участвуют в бюджетном процессе и обязаны заполнять формы федерального статистического наблюдения (например, 8-НК, 9-НК, 12-НК и проч.), частные организации культуры выпадают из регулярной статистической отчетности. Базы данных Налоговой службы РФ и Росреестра не синхронизированы между собой, поэтому определить реальное количество работающих частных организаций пока не представляется возможным. На примере театров ситуация выглядит следующим образом: по данным ГИВЦ Минкультуры России в 2020 г. всего в России функционировали 669 государственных (муниципальных) театров, из которых 638 театров – в системе Минкультуры России. По инициативе Союза театральных деятелей и Минкультуры России был создан Общероссийский реестр (перечень) частных театров, который на конец 2020 г. насчитывал 366 частных театров. Таким образом, соотношение государственного и частного сегмента в театральном пространстве России представлено как 2:1.

Однако в предметную область настоящего исследования попадают исключительно общественные организации, реализующие различные культурные инициативы. В данной статье предпринята попытка обобщить опыт функционирования общественных организаций в сфере культуры в рамках трех временных диапазонов: в Российской империи (со 2-ой половины XIX в.), в Советском Союзе и современной России, а также проследить, с одной стороны, преемственность развития общественных инициатив в сфере культуры, с другой – выявить особенности, возникающие в связи с изменением политического строя, экономических условий и установок общественного сознания. Особый интерес представляют процессы самоорганизации общества в проекции на сферу культуры как антитеза государственным учреждениям и частным компаниям.

Самоорганизация является неотъемлемым атрибутом развитого гражданского общества, характеризующая степень доверия, догово-

способности, желания и готовности людей к сотрудничеству на добровольной основе для реализации общественно значимых проектов. В научно-исследовательской литературе наряду с самоорганизацией и гражданским обществом принято использовать такие понятия, как третий сектор, некоммерческий сектор (сектор НКО), негосударственный сектор, добровольческий сектор, сектор благотворительности и др. Однако последние не являются субститутами друг друга и имеют вполне конкретное содержательное наполнение [24, pp. 13–20].

Понятие третьего сектора (*third sector*) в своем названии указывает на некую дистанцию от двух других секторов экономики: государства (*public sector*) и бизнеса (*private sector*), по сути являясь третьей составляющей в триаде «государство – бизнес – общество». В определенной степени можно говорить о третьем секторе, как о сегменте, который, в широком смысле, объединяет в своем пространстве: 1) некоммерческий субсектор, представленный организациями, чья деятельность не сводится к извлечению прибыли; 2) добровольческий субсектор, состоящий из благотворительных организаций и волонтерского движения; 3) негосударственный субсектор в той его части, которая не занимается коммерческой деятельностью и также задействована в реализации общественных инициатив. Таким образом, выбор подходящей терминологии определяется тем, под каким углом зрения рассматривается пространство третьего сектора: коммерческий/некоммерческий характер; формальное/неформальное участие; государственная/негосударственная инициатива и др. «Альтернативный подход состоит в том, чтобы рассматривать третий сектор как особую разновидность взаимодействия или коммуникации между различными секторами», что «даст возможность анализировать баланс социальных сил в обществе» [24, pp. 15, 18].

В данной работе из всего многообразия элементов третьего сектора сознательно выделяются только общественные организации и объединения, действующие в сфере культуры и искусства. В ситуации, когда сфера культуры попадает в область рыночных провалов, а также испытывает на себе негативные последствия дисфункций государственного управления, определенный интерес представляет собой попытка оценить потенциал институтов гражданского общества, самоорганизации общественности в сфере культуры, а также возможность их воздействия на выработку государственной культурной политики России.

2. Общественные организации в сфере культуры в императорской России

Расцвет культурной жизни в Центральной России в 1880–1910-х гг. ознаменовался невиданным доселе созданием объектов культурной инфраструктуры: музеев, театров, библиотек, изб-читален. В 1914 г.

в Российской империи функционировали 13,9 тыс. массовых библиотек, 0,2 тыс. клубных учреждений, 211 музеев, 172 театра, 1,5 тыс. киноустановок [13, с. 183]. Посещаемость культурных мероприятий составила в 1914 г.: музеев – 5 млн посещений, театров – 13 млн посещений, киносеансов – 106 млн посещений [13, с. 184]. В этот период активно формировалась культурная среда, появился устойчивый интерес к краеведению, изучению местных традиций, вовлечению все большего числа людей к занятию творчеством и приобщению к культурным ценностям. «За всем этим стояла провинциальная общественность, формировавшаяся из местной интеллигенции, дворянства, военных и заметно влиявшая на культурное и экономическое развитие провинции. Общественность активно участвовала в работе организаций, создаваемых по инициативе властей, позже стала сама инициировать создание обществ, оказавших влияние на культурную жизнь страны» [9, с. 40].

Активизация общественной инициативы ускорила во многом за счет облегчения процедуры создания общественных организаций и объединений: до реформ требовалось разрешение императора, в 1860-е годы утверждение уставов обществ осуществлялось министрами, а с середины 1890-х годов – губернаторами. Если в середине XIX в. их количество не превышало нескольких десятков, то в 1910 г. – более 5 тыс. [12, с. 122]. «До реформ 1860–1870-х годов податное городское население и крестьяне принудительно объединялись в социальные корпорации – приходы, сельские, слободские и посадские общины, цехи, мещанские и купеческие общества, купеческие гильдии и пр., а в добровольных объединениях, или ассоциациях, практически не участвовали. Напротив, неподатное население (дворянство, духовенство, разночинцы) не знало принудительных социальных корпораций, а начиная с последней трети XVIII в. стало создавать разного рода добровольные ассоциации – общества, клубы, салоны, ложи. Добровольной ассоциации свойственны три основные черты: 1) образована для защиты общих интересов ее членов; 2) не связана с местными или центральными государственными органами власти; 3) членство является добровольным [12, с. 122].

По мнению Б.Н. Миронова, возникновение добровольных обществ свидетельствовало о зарождении в России гражданского общества. Причем он выделяет семь видов общественных объединений в императорской России: ассоциации, связанные с церковью; общества взаимопомощи и экономические ассоциации; благотворительные и попечительские общества; общества в сфере искусства и культуры; научные, культурно-просветительские, краеведческие и ассоциации профессионального совершенствования; клубы и общества по проведению семейного досуга; тайные политические и религиозные организации [12, с. 122].

А.С. Туманова по-иному определяет три ключевые характеристики создаваемых общественных организаций и объединений: «добровольность объединения, наличие доверия между членами, приверженность их общей системе ценностей», что свидетельствовало о зарождении *гражданской культуры*, формировании общественности как носителя этой культуры, которая представляла собой «передовую образованную часть общества, мыслящую категориями общественного блага и прогресса, реализующую свою жизненную позицию в различных объединениях» [17, с. 9]. И далее: «добровольные, самоуправляющиеся и объединенные формальным членством ассоциации являлись своеобразной моделью самоорганизации российского общества, в которой, как в миниатюре, отражались идейные пристрастия и приверженность последнего к организованной самостоятельной деятельности, к выработке новых форм культурной и социальной жизни, а в конечном счете – к общественному переустройству [17, с. 218]. За период с 1906 по 1909 г. было образовано свыше 4800 обществ и союзов. В 1912 г. в Москве насчитывалось более 600 общественных организаций, а в Санкт-Петербурге накануне Октябрьской революции 1917 г. их было более 500 [17, с. 219].

В сфере культуры и искусства была создана целая палитра общественных организаций и объединений, различных как по целям создания, так и по масштабам деятельности, а также по источникам финансирования. В *художественной среде* следует отметить: Товарищество передвижных художественных выставок (Передвижники, 1870 г.), Союз русских художников (1903 г.), Санкт-Петербургское общество художников (1890 г.), Московское художественное общество (1843 г.), Московское общество любителей художеств (1860 г.), Общество искусства и литературы (1888 г.), Одесское общество изящных искусств (1864 г.) и др. В *исполнительских искусствах*: Русское театральное общество (с 1894 г.; с 1883 г. – Общество для пособия нуждающимся сценическим деятелям), Императорское русское музыкальное общество (1859 г.), Русское общество любителей пения и музыки (1896 г.), Русское музыкально-художественное общество им. М.И. Глинки (1905 г.), Общество изящных искусств. В *литературной среде*: Общество любителей древней письменности (1877 г.), Русское литературное общество (с 1888 г.; первоначально – Общество любителей сценического искусства (с 1879 г.)), Общество русских драматических писателей и оперных композиторов (1870 г.), Российское Пушкинское общество (1882 г.), Московский литературно-художественный кружок (1898 г.), Литературно-артистический кружок в Петербурге (1870 г.). В *области изучения старины*: Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (1909 г.), Новгородское общество любителей древности (1893 г.), Одесское общество истории и древностей (1839 г.) и др.

По мере ознакомления с уставами этих общественных организаций открывается широкая палитра возможностей самоорганизации в сфере культуры, включая разнообразие целевых ориентиров и механизмы финансового обеспечения.

Так, Императорское русское музыкальное общество было основано 27 января 1859 г. в Санкт-Петербурге. Отделения общества были открыты в Москве и многих других городах Российской империи. Результатом деятельности Общества было не только учреждение двух консерваторий в Санкт-Петербурге и Москве, но и создание 36 музыкальных учебных заведений. Первый устав Общества был утвержден 1 мая 1859 г. Согласно Уставу, Общество имело право (в редакции устава от 4 (16) июля 1873 г. с последними изменениями от 22 февраля (6 марта) 1891 г.):

- учреждать в разных городах России музыкальные классы, музыкальные училища и консерватории;
- учреждать конкурсы на музыкальные сочинения и присуждать по ним награды (медали, похвальные листы и денежные премии);
- учреждать пособия нуждающимся (сочинителям и исполнителям) и преподавателям своих заведений, вспомогательные кассы, равно назначать им пенсии и пособия из своих текущих доходов. По мере средств своих Общество может назначать стипендии и денежные пособия для своих учащихся;
- устраивать лотереи и открывать подписки в пользу своих музыкально-учебных заведений (ст. 2);

Общество могло приобретать движимое и недвижимое имущество посредством покупки, дара и по духовным завещаниям и владеть им на праве полной собственности (ст. 5).

Общество состояло из почетных членов (лица, обладающие особыми музыкальными достоинствами (сочинители, исполнители, преподаватели), и лиц, содействующих успеху музыкального искусства в России и материальному упрочению Общества) (ст. 11)), членосоревнователей, действительных членов и членов-посетителей (ст. 9). Почетные члены никаким обязательным взносам обществу не подлежали (ст. 12). Звание члена-соревнователя присваивалось лицам, вносящим ежегодно не менее 300 руб. (звание носят в течение года) или единовременно не менее 3000 руб. (пожизненное почетное звание) (ст. 14). Звание действительного члена присваивалось лицам, вносящим ежегодно плату согласно установлению местных отделений, или единовременно не меньше 1000 руб. (ст. 15). Звание членов-посетителей присваивалось лицам, вносящим ежегодную плату, устанавливаемую местными дирекциями (ст. 19). Члены-посетители, принимавшие участие в музыкальных собраниях, могли быть освобождены от установленной платы частично или полностью (ст. 20).

Помимо крупных столичных обществ с отделениями в разных губерниях и губернских городах большое количество общественных организаций создавалось на местах. Возможности местной культурной общественности были гораздо скромнее.

Например, 11 сентября 1885 г. было образовано Тобольское драматическое общество, которое создавалось для того, чтобы:

- доставлять своим членам возможность соединяться для исполнения на сцене, совокупными силами, различных произведений драматического искусства;
- знакомить публику с драматическими произведениями посредством исполнения таких произведений на сцене;
- способствовать развитию эстетического вкуса и сценических сил;
- содействовать целям благотворения.

Общество создавалось для организации драматических вечеров и показа спектаклей, причем как для увеличения средств общества, так и с благотворительной целью (п. 2). Общество могло учреждать библиотеку, а также приобретать движимое имущество (п. 3). Общество состояло из почетных (освобожденных от взносов) и действительных членов (членов исполнителей и членов посетителей). Члены-исполнители должны были участвовать в не менее двух дебютных драматических представлениях Общества и быть признанными дирекцией и режиссером в способностях к выполнению сценических представлений (п. 11). Члены-исполнители обязаны были вносить 3 руб. ежегодно, а члены-посетители – 5 руб. ежегодно или не менее 50 руб. единовременно. Режиссер, как и директор Общества, избирались общим собранием членов.

Дирекция перечисляла 20% от всех денежных поступлений в Фонд общества, образуя запасной капитал.

Из отчета Тобольского драматического общества за период с 1 сентября 1887 г. по 1 мая 1888 г. становится отчетливо видно, с какими трудностями сталкивались энтузиасты (причем сезон начался только с января «по случаю аренды зала Общественного собрания приезжею труппою актеров» в октябре и ноябре):

- было поставлено пять спектаклей и один литературно-музыкальный вечер с живыми картинами. Из них: два спектакля – в пользу Мариинской женской школы и бедных учеников местной гимназии; один спектакль – в пользу Общественного собрания; литературно-музыкальный вечер устраивался в пользу бедных студентов Тобольской губернии;
- в течение сезона поступило: 703 руб. 30 коп.: 33 руб. – членские взносы; 530 руб. 5 коп. – выручено за входные билеты; 14 руб. 58 коп. – запасной капитал; 125 руб. 76 коп. – остаток с прошлого отчетного периода (из них: 121 руб. 52 коп. – запасной капитал);

– в течение сезона было израсходовано: 50 руб. – за помещение в Собрании; 35 руб. – музыкантам; 12 руб. – суфлеру; 7 руб. – парикмахеру; 13 руб. – авторских; 11 руб. 90 коп. – переписка ролей; 11 руб. 16 коп. – афиши и билеты; 3 руб. 45 коп. – стеариновые свечи; 38 руб. 68 руб. – исправление и обзаведение декораций; 6 руб. – постановка сцены; 17 руб. 75 коп. – прислуге и полицейским; 26 руб. 3 коп. – чай, сахар, булки, косметика, извозчики и др. мелкие расходы; 30 руб. 86 коп. – постановка живых картин; 71 руб. 44 коп. – передано в Распорядительный комитет Общества вспомоществования студентам; 134 руб. 85 коп. – передано в кассу Общественного собрания; 21 руб. – выдано бесплатных билетов; 14 руб. 58 коп. – передано в запасной капитал.

Местные общественные организации оперировали гораздо меньшими средствами по сравнению со столичными обществами, а уж тем более Императорскими обществами, находящимися под патронажем императорской фамилии. Обращает на себя внимание тот факт, что они создавались не только для приобщения членов общества к культурным ценностям, но и в не меньшей степени – для вовлечения общественности в культурную деятельность на любительской основе.

По мере ознакомления с уставами разных обществ высвечивается ситуация с отношением государственного аппарата к самоорганизации общественности в сфере культуры. Если в уставах обществ периода 1860–1880-х годов оговаривается необходимость одобрения цензурой произведений, выбранных для публичного исполнения, то в уставах обществ после 1890-го г. появляется требование обязательного присутствия представителей полиции при публичном выступлении.

Так, в Уставе Общества любителей сценического искусства в г. Харькове (1893 г.) отдельно оговаривалось, что драматические произведения допускаются с разрешения местного полицейского начальства, причем пьесы должны быть одобрены драматической цензурой при главном управлении по делам печати, а также выделяется отдельное кресло в зале для представителя полиции (п. 2). Члены Общества делились на действительных (только лица, участвующие личным трудом в делах Общества), соревнователей (все желающие, разделяющие цели Общества) и почетных (лица, заявившие себя на поприще искусства или оказывающие особые услуги Обществу). Действительные члены были обязаны являться на все собрания и репетиции. Не явившиеся на три репетиции не допускались до исполнительного собрания, пропустив которое и вовсе лишались членства в Обществе, вернуть которое можно было только при голосовании действительных членов Общества и уплате штрафа в размере 25 руб. (п. 10–15). Финансовые поступления Общества состояли из: годичных взносов действительных членов по 6 руб.; ежегодных

взносов с членов соревнователей по 10 руб.; добровольных пожертвований; разовых взносов с посетителей (п. 40).

В Уставе Одесского Общества истории и древностей записано, что оно создавалось «для распространения исторических и археологических сведений о Южной России, преимущественно о Новороссийском крае и Бессарабии». Членство в Обществе состояло из: основателей, действительных и почетных членов, а также корреспондентов и соревнователей. Действительные члены вносили по 30 руб., а корреспонденты – по 15 руб. (глава 2, п. 17). «Особы, любящие историю и древности, оказавшие Обществу значительное вспомоществование единовременными или ежегодными денежными взносами, также принесением в дар Обществу книг, монет, планов и проч., именуются Соревнователями Общества» (глава 2, п. 14).

В Уставе музыкально-певческого общества «Лира» в г. Ревеле, созданного «для упражнений в музыке и пении, устройении певческих и музыкальных вечеров и публичных спектаклей, открытии библиотеки» действовала та же строгая цензура в отношении публичного показа. Посетители платных мероприятий Общества оплачивали благотворительный сбор марками ведомства учреждений Императрицы Марии в размере: 2 коп. – с билетов ценою менее 50 коп., 5 коп. – с билетов ценою от 50 коп. до 1 руб. и 10 коп. – с билетов стоимостью 1 руб. и выше. Члены Общества делились на почетных исполнителей и слушателей. Членство было выборное. Размер членского взноса устанавливался Общим собранием на год, поэтому конкретная цифра не была прописана в Уставе.

Активное создание региональных музеев на рубеже XIX–XX вв. также связано с деятельностью общественных организаций. Существовало два основных пути создания местных краеведческих музеев: одни создавались как результат деятельности учреждений, изучавших социально-экономические условия на местах (музеи при статистических комитетах, губернских земствах, ученых архивных комиссиях), другие – «на основе любительского труда местного населения в области изучения края» [16, с. 152]. Причем последние создавались трудами местных коллекционеров и исследователей-краеведов. Впоследствии многие из них стали называться губернскими или городскими общественными музеями, зачастую созданными по общественной подписке.

Например, Орловская ученая архивная комиссия была создана в рамках выполнения Положения Комитета министров и распоряжения Министерства внутренних дел от 13 апреля 1884 г. «с целью разыскания и разумного сохранения разного вида памятников старины». Деятельность ученой архивной комиссии, несмотря на подконтрольность МВД, рассматривалась властями как общественный институт, ее члены работали безвозмездно на добровольной основе. Музей при

Орловской ученой архивной комиссии сначала не предназначался для публичного показа, а только в 1895 г. было принято решение открыть коллекции для публики. В 1897 г. состоялось торжественное открытие музея. Причем за материальной поддержкой ученая комиссия обратилась к общественности: 200 руб. выделила сама комиссия на покупку витрин, 50 руб. пожертвовал губернатор, 62 руб. собрали другие члены комиссии, а для приобретения в музей обстановки и мебели была организована общественная подписка. Финансирование деятельности музея осуществлялось за счет сборов от чтения публичных лекций, добровольных пожертвований, помощи от Архивной комиссии, а также за счет средств, полученных от продажи экспонатов. Результатами деятельности архивной комиссии и музея стал возросший интерес к коллекционированию в среде разночинной интеллигенции, созданию усадебных музеев и коллекций на основе археологических изысканий [9, с. 40–41, 46–47, 49].

Исследователи подчеркивают, что активизация культурной жизни коснулась только образованного слоя граждан. «Причиной устойчивого безразличия широкой губернской общественности к деятельности архивной комиссии и музея являются особенности сословно-профессионального состава губернского населения, его преимущественно купеческо-мещанский характер» [9, с. 55].

Определенный интерес представляют собой исторические материалы по организации всероссийских общественных подписок на реализацию различных культурных инициатив.

Так, 16 ноября 1911 г. Министерство внутренних дел испропало у императора разрешение открыть всероссийскую подписку для сбора денег на создание в Архангельске «Музея русского севера имени Ломоносова» по ходатайству Архангельской городской думы в связи с 200-летием со дня рождения М.В. Ломоносова. Пензенская дума постановила 8 ноября 1911 г. ходатайствовать об открытии общественной подписки на сооружение памятника М.Ю. Лермонтову в Пензе¹ [8, с. 551–552].

По общественной подписке создавались не только губернские музеи, но и театры.

Например, в Омске и прилегающих к нему уездах по предложению губернатора в 1872 г. была проведена общественная подписка по сбору денег на строительство первого здания омского театра. В мае 1874 г. деревянное здание театра было построено, а в сентябре состоялся показ любительского спектакля. Следует отметить, что в Омске

¹ Из фонда Самарского уездного предводителя дворянства в Центральном государственном архиве Самарской области. Дело «О доставлении разных сведений и об открытии сбора пожертвований по подписным листам».

к тому времени существовали крепкие общественные инициативы в области исполнительских искусств: первый любительский театральный кружок появился в первой половине 1840-х годов, просуществовав до 1851 г., а 31 августа 1886 г. по ходатайству омской общественности было создано Омское драматическое общество. Из кружка любителей музыки, организованного по инициативе преподавателя гимназии Л.С. Буланже, устраивавшего публичные концерты, квартетные вечера, был организован хор и любительский оркестр, а в декабре 1870 г. на базе этого кружка было создано Омское общество любителей музыки (весной 1876 г. реорганизованное в Омское отделение Русского императорского музыкального общества) [1, с. 45-46].

Отдельного внимания заслуживает деятельность профессиональных союзов творческих работников. По переписи населения 1897 г. в России в области культуры трудились 262 695 человек, из них 21 550 человек относились к творческим профессиям: художники, музыканты, актеры, литераторы (или 11,8 %) [14, с. 17]. Причем труд творческих работников не считался престижным в обществе, а жизненный уровень не слишком отличался от среднего уровня промышленных рабочих. Так, в 1916 г. годовая средняя оплата труда актеров частных петроградских театров составляла 700 руб. в год, в то время как у рабочих – 809 руб., причем работать приходилось по 11–13 часов [14, с. 19, 17]. В этой связи стали возникать добровольные объединения представителей творческих профессий для защиты своих профессиональных интересов: улучшения условий труда и повышения материального обеспечения.

Первые профсоюзные объединения в сфере культуры появились в конце XIX в.: в 1883 г. было создано общество нуждающихся сценических деятелей, в 1886 г. – общество вспомоществования русских актеров, в 1893 г. – общество оркестровых музыкантов и др. Однако всплеск профсоюзного движения в сфере культуры пришелся на 1905 г., когда были созданы: Всероссийский профессиональный союз сценических деятелей (большинства) (20 октября 1905 г.), Всероссийский профессиональный союз сценических деятелей (меньшинства) (30 октября 1905 г.), Профессиональный союз оркестровых музыкантов (2 ноября 1905 г.), Профессиональный союз музыкантов увеселительных заведений (27 ноября 1905 г.), Союз работников графических искусств (12 ноября 1905 г.), Московский комитет защиты интересов работников балета (9 декабря 1905 г.), Профессионально-политический союз художников (14 декабря 1905 г.), Профсоюз церковных живописцев (15 декабря 1905 г.), Всероссийский союз суфлеров (9 декабря 1905 г.), Всероссийский союз изящных искусств (12 ноября 1905 г.), Союз российских писателей (26 декабря 1905 г.) [14, с. 17–18].

Помимо улучшения материальных условий труда профсоюзы работников культуры создавали бюро по трудоустройству.

Подводя итог краткому обзору деятельности общественных организаций в сфере культуры в императорской России со 2-ой половины XIX в., следует подчеркнуть, что активизация общественных инициатив пришлась на два четко выраженных периода: I – после «великих реформ» Александра II, а II – после Манифеста 17 октября 1905 г., даровавшего гражданские свободы. Эти периоды сопровождалась и ростом экономики, что благоприятно влияло на расширение общественной благотворительности.

3. Общественные организации в сфере культуры в советский период

После Октябрьской революции 1917 г. подавляющая часть общественных организаций в сфере культуры прекратила свою работу или в сильно переформатированном виде просуществовала до начала 1930-х годов. Создавались и новые организации (например, Пролеткульт (1917–1932 гг.); Русское общество друзей книги (1920–1930 гг.)).

Большевиками велась активная работа по созданию новой нормативной правовой базы для деятельности общественных организаций. Так, 6 февраля 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли». После Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», 10 июня 1932 г. СНК СССР принял «Положение о добровольных обществах и союзах» [10, с. 83]. Следует отметить, что для утверждения устава общества заявление должно было подаваться с приложением проекта устава в Совет Министров СССР или советы министров союзных республик. Другими словами, государственные органы определяли целесообразность существования того или иного общественного объединения. Поэтому «...к началу 30-х годов общественные организации переходят под полный партийный контроль и огосударствляются. Возникает квазидемократическая форма общественного самоуправления. Взяв на себя функции экономической поддержки культуры, государство предельно ограничило другие возможные источники ее финансирования и держало под контролем все разрешенные каналы поступления средств» [3, с. 102].

Впоследствии в СССР существовало шесть творческих союзов общесоюзного значения: *Союз художников СССР* (1957 г.; 14538 членов (1976 г.)); *Союз писателей СССР* (1934 г.; 7850 членов (1976 г.)); *Союз композиторов СССР* (1932–1940 – организации СК СССР в столичных городах; 1939 г. – создан Оргкомитет СК СССР; 1948 г. – утвержден Устав; 1936 членов (1976 г.)); *Союз кинематографистов СССР* (1957 г. – создан Оргкомитет, 1965 г. – утвержден Устав; 5199 членов (1976 г.)); *Союз журналистов СССР* (1959 г.; более 63 тыс. членов (1976 г.)); *Союз архи-*

текторов СССР (в 1932-1955 гг. – Союз советских архитекторов, создан в 1932 г., Устав утвержден в 1937 г.; 13418 членов (1976 г.)).

Деятельность ВТО (после 1917 г. – РТО – Российское театральное общество, с 1932 г. – Всероссийское театральное общество; с 1986 г. – Союз театральных деятелей России; около 28 тыс. членов (1976 г.)) осуществлялась на территории РСФСР, но аналогичные театральные общества действовали в союзных республиках (около 50 тыс. членов суммарно с ВТО (1976 г.)).

Несмотря на то, что в уставах творческих союзов декларировалось добровольное членство, в действительности оно становилось привилегией и давало возможность заниматься профессиональной деятельностью, а также иметь соответствующее материальное обеспечение. Не будучи «прикрепленным» к какому-либо творческому союзу, советский человек не имел шансов состояться в выбранной профессии на ниве культуры.

Институциональное оформление деятельности творческих союзов включало в себя комплекс хозяйственно-экономических механизмов. Так, при Союзе писателей СССР, Союзе композиторов СССР и Союзе художников были созданы специальные фонды: соответственно, Литературный фонд (Литфонд), Музыкальный фонд (Музфонд), Художественный фонд (Художфонд). В соответствии с уставами этих фондов, творческие союзы передавали им часть своих полномочий, связанных преимущественно с улучшением материально-бытовых условий жизни творческих работников. Деятельность творческих союзов была освобождена от уплаты налогов, а подведомственные им хозяйственные предприятия имели существенные налоговые льготы. В правление фондов входили представители творческих союзов.

Союз писателей СССР и Союз художников СССР вели собственное жилищное строительство для своих членов из средств своих фондов, тогда как Союз композиторов СССР мог позволить себе только долевое строительство. Решение жилищных проблем творческих работников осуществлялось также и за счет создания кооперативов. Причем члены союзов получали долгосрочные возвратные ссуды для уплаты взносов в размере от 10 до 15 тыс. руб. из средств фондов. Кроме жилья особо ценные члены творческих союзов могли получать собственные мастерские для работы.

Творческие союзы организовывали выездные мероприятия в рамках культурно-массовой работы с населением, оплачивая гонорар и командировочные расходы своим членам. Кроме того, члены союзов получали творческие путевки, позволявшие заниматься профессиональной деятельностью в домах творчества. Путевки были как бесплатные, так и платные (по фактической или заниженной стоимости), но каждый случай решался в индивидуальном порядке.

Творческие союзы решали вопросы медицинского обслуживания своих членов и их семей: имелись либо собственные медицинские учреждения, либо существовала практика прикрепления к поликлиникам других ведомств.

Уделялось внимание и детям творческих работников. Для этих целей строились детские сады и пионерские лагеря. В тех творческих союзах, у которых не было собственных детских учреждений, выплачивали пособия своим членам на оплату пребывания их детей в детских садах и пионерских лагерях.

Творческие союзы оказывали и прямую финансовую поддержку в виде «творческой помощи» (на создание художественного или музыкального произведения), возвратные ссуды или материальную помощь [23, с. 164–171].

Союз писателей СССР был создан в 1934 г. на Первом съезде писателей СССР, организованном в соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. Союз заменил все существовавшие до того организации писателей, объединив культурно-идеологическую повестку с вопросами материального вспомоществования. Союз писателей имел свои представительства в республиках СССР в лице региональных писательских организаций.

Чуть ранее, в июле 1934 г., Постановлением СНК СССР был образован Литературный фонд СССР в целях «улучшения культурно-бытового обслуживания и материального положения» советских писателей. Литфонд СССР аккумулировал следующие доходы: отчисления в размере 10% от суммы гонорара издательств за издание книг, отчисления от валового сбора зрелищных предприятий (2% от спектаклей большой формы и 0,5% от спектаклей малых форм), отчисления в размере 1% от исполнения песен, членские взносы, ежегодные государственные ассигнования в размере 25% от общей суммы поступлений из других источников, а также доходы от имущества и деятельности собственных хозяйственных предприятий. В функции Литфонда входило обеспечение писателей жильем, санаторно-курортное обслуживание и медицинское лечение, обслуживание дачных поселков, оказание бытовых услуг, снабжение товарами длительного пользования и продуктами питания и пр. (в зависимости от занимаемого положения в писательской иерархии).

Творческие союзы помимо решения культурных, творческих и идеологических задач распоряжались огромной собственностью. Так, в системе Всероссийского театрального общества находились дома актера в Москве, Ленинграде и других городах РСФСР, Центральная научная библиотека в Москве и ее филиалы в 72 местных отделениях, музей-заповедник А.Н. Островского «Щельково» (Костромская область), студия звукозаписи, фабрики по производству театральной продукции.

При Союзе художников СССР существовал Художественный фонд СССР (создан в феврале 1940 г.), в собственности которого находились производственные предприятия (заводы, фабрики, мастерские и т. п.), салоны-магазины, дома творчества, мастерские для художников.

Кроме творческих союзов создавались добровольные общества в области культуры и досуга. В 1957 г. было создано Всероссийское хоровое общество, в 1966 г. – Всесоюзное общество филателистов и Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), в 1974 г. – Всесоюзное общество книголюбов (ВОК).

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) было создано согласно Постановлению Совета Министров РСФСР № 882 от 23 июля 1965 г. Следует отметить, что членство в обществе было не только индивидуальное, но и коллективное. Признавая огромную пользу и колоссальные масштабы деятельности Общества по сохранению культурного наследия, следует кратко остановиться на его уникальной хозяйственной системе, без которой многие инициативы не смогли бы воплотиться в жизнь.

В 1990 г. в системе ВООПИиКа была производственная база, состоящая из двух цехов комбината «Русский сувенир», на базе которых был создан творческо-производственный комбинат, завода «Сибирский сувенир» (Иркутск) и магазина «Русские узоры» (Москва).

В 1990 г. доходы ВООПИиК составили 15,1 млн руб., из них: 5,5 млн руб. – остаток средств на начало года; 3,1 млн руб. – индивидуальные взносы (64% от запланированного объема); 4,1 млн руб. – коллективные взносы (от организаций; 164% от запланированного объема); 3,7 млн руб. – целевые отчисления на реставрацию памятников от предприятий и граждан; 2,3 млн руб. – прибыль от производственно-хозяйственной деятельности; 1,2 млн руб. – прибыль от проведения лотерей; 0,6 млн. руб. – доходы от проведения лекций, выставок, экскурсий, от реализации печатных изданий; 92 тыс. руб. – добровольные взносы от культовых (религиозных) организаций; 3 тыс. руб. – прочие доходы [7].

Следует отметить, что Обществу было разрешено организовать и провести лотерею для увеличения своей доходной базы.

Если в статусе ВООПИиК как общественной организации можно усомниться, то деятельность подшефного ей реставрационного добровольческого движения в полном смысле этого слова является образцом самоорганизации и общественной инициативы в деле сохранения историко-культурного наследия. Речь идет о молодежных реставрационно-строительных отрядах. Первый такой добровольный отряд отправился в 1967 г. на Соловки для реставрации Соловецкой крепости. В 1968 г. работало уже 7 московских отрядов. В 1969 г. такие отряды были организованы в Архангельске, Новгороде, Пскове, Нижнем Новгороде, Смоленске и др. городах. Реставрационные отряды

работали по заказу Министерства культуры РСФСР или по договору с сельсоветами, а Ростреставрация следила за ходом реставрационных работ. Молодежь не только расчищала завалы, ремонтировала объекты, приводила в порядок дороги, но и вела культурно-просветительскую работу среди населения, рассказывая об уникальности культурного наследия и необходимости заботиться о его сохранности [5]. «Общая численность реставрационно-строительных отрядов в 1971 г. превысила 1000 человек, ими велись работы по реставрации около 40 памятников архитектуры»². К концу 80-х годов это движение стало постепенно обособляться от ВООПИиК в сторону создания собственных реставрационных организаций.

Подводя краткий итог советскому периоду в деятельности общественных организаций в сфере культуры, вне всяких сомнений следует отметить тот факт, что государство создало совершенно уникальную систему экономических отношений, в которых функционировали, по крайней мере, творческие союзы. В этой связи возникают вполне резонные сомнения относительно статуса этих организаций как общественных. Более правильно их назвать квазиобщественными организациями. Тем не менее следует признать, что вопросы хозяйственной деятельности творческих союзов и других общественных организаций в сфере культуры остаются открытыми и требуют дальнейшего изучения.

4. Общественные организации в сфере культуры в современной России

Из-за распада Советского Союза и вступления России в рыночные отношения творческие союзы и общественные организации в сфере культуры оказались в сложной ситуации. Хотя справедливости ради следует отметить, что распад творческих союзов и общественных объединений начался раньше, в период перестройки, когда была предпринята попытка перехода к новым условиям хозяйствования. С освобождением от идеологического воздействия творческие работники требовали от государства полностью отказаться от государственного регулирования сферы культуры и перейти на многоканальную систему финансирования культуры. Выстроенная система организации хозяйственной жизни творческих союзов стала разрушаться. Все чаще возникали скандалы по поводу дележа имущества творческих союзов из-за их распада или дробления на более мелкие организации. Какие-то организации остались исключительно на бумаге.

² <https://hraniteli-nasledia.com/articles/knigi/volontery-naslediya-ot-voopik-do-arkhnadzora>.

Среди творческих объединений, пожалуй, только Союзу театраль-ных деятелей удалось максимально сохранить тот имущественный задел, который у него сформировался в советский период, за исключе-нием лишь фабрики по производству театральной продукции. Отказ от производственных мощностей произошел в обмен на субсидию из бюджета, которая весьма заметна в общей сумме финансовых посту-плений СТД в настоящее время. Постоянную субсидию из бюджета также получает Союз кинематографистов России. Самое большое число скандалов было отмечено вокруг Союза писателей. Прочие творческие союзы не получают субсидии из бюджета, аккумулируют членские взносы и доходы от сдачи в аренду оставшегося имущества. Некоторым объединениям удается периодически получать грантовую поддержку от государства или от частных меценатов. В итоге, «не пре-одолена, а усугублена унаследованная от социализма дискредитация общественных организаций и общественной деятельности. <...> цивилизованной самоорганизации творческих деятелей с целью отста-ивания групповых интересов не происходит. Да и разобщенность, а то и откровенная враждебность союзов по отношению друг к другу в немалой степени этому способствуют» [3, с. 107].

Напротив, среди общественных инициатив современного периода заслуживает особого внимания самоорганизация общественности, свя-занная с волонтерским движением. Причем государство осознает необ-ходимость использования его потенциала в сфере культуры, поэтому в 2019 г. была разработана программа «Волонтеры культуры» в рамках федерального проекта «Творческие люди» нацпроекта «Культура» для поддержки добровольческих движений. Министерство культуры РФ на реализацию этой программы планирует выделять по 100 млн руб. ежегодно до 2024 г.

По информации Минкультуры России, в рамках программы:

- создана и обновляется база данных «Волонтеры культуры»;
- 29 проектов с численностью участников свыше 3000 человек полу-чили поддержку на организацию и проведение мероприятий по сохранению наследия;
- проведен Всероссийский конкурс лучших волонтерских проектов;
- в 2019 г. волонтеры провели работы по благоустройству на 981 объекте культурного наследия, расположенных в 35 субъектах РФ;
- в пяти городах России (Печоры, Москва, Санкт-Петербург, Казань и Симферополь) реализован проект «Школа волонтеров насле-дия»;
- в 2020 г. сформированы региональные сообщества, определены 65 общественных координаторов в регионах;
- 12 марта 2019 г. была создана Дирекция общественного движе-ния «Волонтеры культуры» на базе Ассоциации волонтерских

центров. В настоящее время работает информационный портал «Волонтеры культуры», интегрированный с платформой «DOBRO.RU».

В 2020 г. по заказу ВООПИиК было проведено исследование с целью выявления потребностей музеев-заповедников в привлечении волонтерского сообщества. 87% участников опроса заявили, что не располагают своими волонтерскими службами. Только 10% музеев-заповедников уже обзавелись своими волонтерами (корпус, отряд, центр), 3% заявили, что работают в этом направлении.

Для музеев-заповедников преимущества работы с волонтерскими командами заключаются: для 8,2% респондентов – в расширении перечня услуг; для 4,1% – в повышении качества обслуживания посетителей; для 5,8% – в реализации новых и имеющихся проектов; для 3,2% – в реализации социальной миссии музея-заповедника.

Для волонтеров сотрудничество с музеем-заповедником дает возможность почувствовать свою сопричастность к культурным событиям: для 29,2% респондентов – внести свой вклад в сохранение культурного наследия; 22,8% – реализовать возможность участия в интересных проектах, а 2,3% – самореализации; 19,3% – приобрести новые знания и опыт; 10,9% – познакомиться с новыми людьми; 0,6% – расширить кругозор.

Музеи-заповедники привлекают волонтеров для выполнения: хозяйственных работ – 52%, исследовательской деятельности – 22%, рекламной деятельности – 33%, приема посетителей и помощь администраторам – 44%, организационные работы – 52%, фандрайзинг – 15%, ремонтные работы – 4%, музеефикация объектов культурного наследия – 7%.

Стимулами для участия в добровольческом движении для волонтеров являются: запись в волонтерскую книжку – 5,6%, знакомство с музейными коллекциями – 5,6%, получение сувенира – 11,5%, благодарственные письма/памятные дипломы – 26,1%, квесты – 3,8%, проведение бесплатных экскурсий – 15,2%, бесплатное или со скидкой посещение музея – 21%, сама возможность участия в проектах музея – 5,6% [6, с. 32–40].

Помимо волонтерского движения заслуживают внимания общественные инициативы, которые осуществляют свою деятельность, не пытаясь попасть под государственное крыло.

Одним из таких общественных движений является Архнадзор, созданный в феврале 2009 г. в Москве. Девизом общественного движения является: «Счастлив, кто имеет мужество защищать то, что любит». «Архнадзор» – добровольное объединение граждан, желающих способствовать сохранению исторических памятников, ландшафтов и видов города Москвы. Основными направлениями работы являются:

- выявление и изучение московских памятников, содействие их постановке на государственную охрану;
- общественный мониторинг состояния и использования объектов исторической недвижимости;
- общественная огласка фактов нарушения правил охраны и использования культурного наследия г. Москвы;
- экспертная деятельность.

Еще одним образцом общественного объединения является «Том Соьер Фест» – фестиваль восстановления исторической среды российской провинции – «фестиваль для тех, кто хочет сделать город лучше, перейти от слов к делу, выбрать и привести в порядок внешний вид города, обратить внимание на ценность исторической среды и объединить городских активистов в деятельное сообщество». По сути, это возвращение в отечественную практику опыта молодежных реставрационных отрядов.

Инициатива «Том Соьер Фест» появилась в 2014 г. в Самаре. В 2015–2016 гг. силами волонтеров были восстановлены фасады семи домов конца XIX – начала XX вв. и созданы элементы благоустройства. Восстановительные работы велись на основе консультаций профессиональных реставраторов за счет грантовых и благотворительных средств. Около 200 волонтеров из Самары, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Томска приняли участие в мероприятиях «Том Соьер Феста». В 2016 г. были проведены работы на 8 объектах в Казани и Бузулуке. В 2017 г. фестиваль проходил в 11 городах, а в работе находились 17 объектов. В 2018 г. география фестиваля расширилась: 26 городов и 26 объектов. В 2020 г. из-за коронавируса активная и видимая деятельность «Том Соьер Феста» была приостановлена. В 2021 г. в Нижнем Новгороде прошел всероссийский съезд.

Вместе с тем на повестке дня очень остро стоит вопрос об институциональном оформлении участия общественных организаций в реализации культурной политики. Так, в Указе Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» одним из принципов государственной культурной политики является «делегирование государством части полномочий по управлению сферой культуры общественным институтам». Таким образом, де-юре общественные организации в сфере культуры признаются субъектами реализации государственной культурной политики наравне с органами государственной власти и местного самоуправления. В этой связи особую актуальность представляет собой разработка методологии делегирования части полномочий общественным организациям в сфере культуры, а также содержательное наполнение этих полномочий, в том числе в контексте разных видов культурной деятельности. За истекшие почти 7 лет с момента

утверждения Основ государственной культурной политики ничего подобного не было сделано.

Следует отметить, что в проекте Концепции долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2030 г. (в редакции СТД от декабря 2019 г.) была предпринята попытка зафиксировать отдельные полномочия СТД в области театрального дела: «Определить и утвердить на законодательном уровне формы и объемы делегирования государством части полномочий по управлению театральным делом Общероссийской общественной организации «Союз театральных деятелей Российской Федерации (Всероссийское театральное общество)» и другим театральным общественным институтам в части *права совещательного характера и/или консультативных процедур* по вопросам форм, размеров и условий бюджетного финансирования театральной деятельности; назначения/увольнения художественных и/или административных руководителей государственных (муниципальных) театров, назначаемых учредителем; ликвидации / слияния / укрупнения / реорганизации государственных (муниципальных) театров и др.» (п. 83, раздел 8). Однако возникают большие сомнения, что в утвержденной Концепции останутся такие положения.

Современный период характеризуется большой неоднородностью и поляризацией в развитии общественных инициатив. По мнению известного отечественного философа и культуролога В.М. Межуева, «...гражданское общество, о котором сейчас так много говорят и пишут, не стало еще в России повседневной реальностью, не втянуло в себя всю массу населения. <...> И сегодня <...> не все деятели культуры осознают себя гражданами, предпочитая строить свои отношения с государством на традиционной основе принятия и признания любой власти в обмен на ее покровительство» [11, с. 207–208].

Кроме того, активизация общественных инициатив сдерживается в настоящее время неблагоприятной экономической ситуацией (усиленной коронавирусом), низким уровнем жизни основной массы населения, неразвитой низовой благотворительностью, в том числе по причине отсутствия благоприятной институциональной среды и стагнации реальных доходов граждан на уровне 2011 г. В сфере культуры прослойка общественных организаций и неформальных объединений очень тонка. Зарубежный опыт и российская дореволюционная практика свидетельствуют о том, что процессы самоорганизации запускаются в условиях гражданских свобод и связанного с ними роста экономики.

* * *

В подведение итогов следует отметить, что история России продемонстрировала яркие примеры небывалой самоорганизации российского общества на ниве культуры.

Советский период характеризуется ситуацией, при которой общественные организации и объединения носили квазиобщественный характер, так как создавались под чутким руководством партии и правительства, а не в рамках низовой общественной инициативы. Хотя самиздат, андеграунд вполне можно назвать неформальной общественной инициативой советских творческих работников.

Вместе с тем нельзя не отметить, что со второй декады XXI в. прослеживается четкая тенденция к сворачиванию подлинно общественных инициатив. Здесь сказывается как ухудшение экономической конъюнктуры, так и атомизация, разобщенность российского общества. С одной стороны, присутствуют инфантилизм, нежелание взять на себя ответственность, оставшиеся в наследство от советского периода, с другой – апатия, отсутствие веры в завтрашний день, проявившиеся в общественном сознании в условиях насаждения оголтелого рыночного фундаментализма.

«Есть два типа социального капитала, которые влияют на дальнейшую жизнь очень по-разному. Первый называется бондингом, от английского слова «bond» – «связь». Это своего рода огораживание внутри одной группы людей: я доверяю, но только своим. <...> Но есть и другой тип капитала, бриджинговый, от английского слова «bridge» – «мост». Он в гораздо большей степени способствует экономическому росту, потому что позволяет выстроить связи между разными группами людей. <...> Единственный мост, который ведет в России через реку, находится под охраной кремлевских курсантов. Государство становится ключевым элементом общественной и экономической жизни, потому что в обществе накоплены только бондинговые капиталы» [2, с. 83–84]. В сфере культуры очень важен бриджинговый капитал, а он может быть накоплен только при активизации общественной инициативы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алисов Д.А. Культурный облик города Омска: от уездного центра до столицы Степного края (1804–1880-е гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2016. № 20. С. 41–53.
2. Аузан А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
3. Бутенко И.А. Судьба творческих союзов // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 101–110.
4. Генкель Г. Что такое народный университет? Его история, задачи и организация. СПб.: Издание Санкт-Петербургского общества народных университетов, 1908.
5. Горлова Н.И. Волонтерские и общественные объединения в деле сохранения культурного наследия России: история и современность // Вестник научных конференций. 2017. № 6–3 (22). С. 38–43.
6. Губина А.В., Горлова Н.И., Шульгин П.М. Создание модели международного волонтерского кампуса по сохранению объектов культурного наследия. М.: ВООПИиК, 2020.

7. Делегатам VI съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Редактор-составитель Л.М. Волконская. М.: ВООПИиК, 1991.
8. *Забараускас А.С.* Благотворительные акции по Самарской губернии в 1911–1914 годах (по материалам фонда Самарского уездного предводителя дворянства). В сб.: Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы. Материалы III Всероссийского научно-методологического семинара. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2015. С. 550–555.
9. *Калякина А.В.* Региональные музеи и общество // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 40–56.
10. *Коровин В.В., Белозеров Д.А.* Особенности правового регулирования статуса общественных организаций в СССР // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2013. № 2. С. 83–88.
11. *Межуев В.М.* История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011.
12. *Мионов Б.Н.* Развитие гражданского общества в России в XIX – начале XX века // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 110–126.
13. *Муzychук В.Ю.* Государственная поддержка культуры: институты, механизмы, ресурсы. СПб.: Нестор-История, 2013.
14. От союзов – к Профсоюзу. История и современный этап развития. М.: Издательский дом «АТИСО», 2010.
15. Отчет Дирекции Тобольского драматического общества... [Тобольск]: Тип. Тоб. губерн. правления, [1888]. <https://www.prlib.ru/item/817258>.
16. *Ракович Д.А.* Музеи местного края во второй половине XIX – начале XX века (1861–1917 гг.). В кн.: Очерки истории музейного дела в России. Выпуск II. М.: Издательство «Советская Россия», 1960. С. 145–223.
17. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А.С. Туманова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
18. Устав Императорского Русского музыкального общества. [С.-Петербург]: Тип. В.В. Берк, 1897. <https://www.prlib.ru/item/1113578>.
19. Устав музыкально-певческого общества “Лира” в гор. Ревеле: [Утв. 2 авг. 1896 г.]. Ревель: печ. в тип. г. Матизена, 1897. Текст парал. на рус., нем. и эст. яз. <https://www.prlib.ru/item/459943>.
20. Устав Общества любителей сценического искусства в г. Харькове: [Утв. 20 июня 1886 г.]. Харьков, 1893. <https://www.prlib.ru/item/713183>.
21. Устав Одесского общества истории и древностей. Одесса: в Городской тип., 1839. <http://rarebook.onu.edu.ua:8081/handle/store/2314>.
22. Устав Тобольского драматического общества... [Тобольск]: Тип. Тоб. губерн. музея, [1885]. <https://www.prlib.ru/item/817469>.
23. *Фетюков А.Б.* Роль художественных фондов в осуществлении культурной политики в хрущевский период (по материалам Ленинградских отделений) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 164–171.
24. *Corry O.* Defining and Theorizing the Third Sector. In book: Third Sector Research / ed. R.Taylor. Springer, New York, NY, 2010.

REFERENCES

1. *Alisov D.A.* Cultural image of the city of Omsk from the county center to the capital of the steppe region (1804-1880). // News of the Omsk State Museum of Local History. 2016. №20. Pp. 41–53. (In Russ.).
2. *Auzan A.A.* The economy of everything. As institutions define our lives. – 3rd of M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2017. (In Russ.).
3. *Butenko I.A.* Fate of creative unions. // Sociological research. 2002. №9. Pp. 101–110. (In Russ.).
4. *Genkel G.* What is a people's university? Its history, mission and organization. SPB.: Publication of the Saint Petersburg Society of People's Universities, 1908. (In Russ.).
5. *Gorlova N.I.* Voluntary and voluntary associations for the preservation of the cultural heritage of Russia: history and modernity // Journal of Scientific Conferences. 2017. 6-3 (22). С. 38–43. (In Russ.).
6. *Gubina A.V., Gorlova N.I., Shulgin P.M.* Creation of a model of an international volunteer campus for the preservation of cultural heritage. M.: VOOPliK, 2020. (In Russ.).
7. Delegates of the VI Congress of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments. L.M. Volkonskaya, ed. M.: VOOPliK, 1991. (In Russ.).
8. *Zabarauskas A.S.* Charitable actions in Samara Province in 1911–1914 (based on the materials of the Samara District Chief of Nobility Foundation). In: Cultural and historical research in the Volga region: problems and perspectives. Materials of the III All-Russian Scientific and Methodological Seminar. Samara: Samara State Institute of Culture, 2015. Pp. 55–555. (In Russ.).
9. *Kalyakina A.V.* Regional museums and society // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication. 2008. №2. С. 40–56. (In Russ.).
10. *Korovin V.V., Belozеров D.A.* Special features of the legal regulation of the status of public organizations in the USSR // Izvestiya Yugo-Zapadnogo UGosudarstvennogo Universiteta. Series «History and Law». 2013. №2. Pp. 83–88. (In Russ.).
11. *Mezhuev B.M.* History, Civilization, Culture: Experience of Philosophical Interpretation. SPB.: SPBGUP, 2011. (In Russ.).
12. *Mironov B.N.* Development of civil society in Russia in the 19th – early 20th century // Social sciences and modernity. 2009. №1. Pp. 110–126. (In Russ.).
13. *Muzichuk V.Yu.* State support for culture: institutions, mechanisms, resources. SPB.: Nestor-History, 2013. (In Russ.).
14. From unions to the Trade Union. History and modern stage of development. M.: Publishing house «ATISO», 2010. (In Russ.).
15. Report of the Directorate of the Tobolsk Drama Society... [Tobolsk]: Type. Tobolsk County Board, [1888]. <https://www.prlib.ru/item/817258>. (In Russ.).
16. *Rakovich D.A.* Museums of the local region in the second half of XIX – early XX century (1861-1917). In: Sketches of the history of museum affairs in Russia. Issue II. M.: Publishing house «Soviet Russia», 1960. Pp. 145–223. (In Russ.).
17. Self-organization of the Russian public in the last third of XVIII – the beginning of XX in. / ed. A.S. Tumanova. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2011. (In Russ.).
18. Charter of the Imperial Russian Musical Society. [S.-Petersburg]: Printing house of V.V. Burke, 1897. <https://www.prlib.ru/item/1113578>. (In Russ.).

19. Charter of the musical singing society "Lira" in Revel: [Conf. on 2 Aug. 1896]. Revel: Matizen Printing house, 1897. Paral text. in Rus., German an Estonian Languages. <https://www.prlib.ru/item/459943>. (In Russ.)
20. Charter of the Society of Amateurs of Stage Art in Kharkiv. [Conf. on 20 June 1886]. Kharkov, 1893. <https://www.prlib.ru/item/713183>. (In Russ.).
21. Charter of the Odessa Society of History and Antiquities. Odessa: City printing house. 1839. <http://rarebook.onu.edu.ua:8081/handle/store/2314>. (In Russ.).
22. Charter of the Tobolsk Drama Society... [Tobolsk]: Tobolsk region museum printing house. [1885]. <https://www.prlib.ru/item/817469>. (In Russ.).
23. *Fetyukov A.B.* The role of art funds in the implementation of cultural policy in the Khrushchev period (according to materials of Leningrad branches) // Notes by the Kazan University. Humanities. 2011. Vol. 153. №. 3. Pp. 164–171. (In Russ.).
24. *Corry O.* Defining and Theorizing the Third Sector. In book: *Third Sector Research* / ed. R. Taylor. Springer, New York, NY, 2010.

ABOUT THE AUTHOR

Muzychuk Valentina Yurievna – Doctor of Economic Sciences, Deputy Director for Science of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
vm-instecon@yandex.ru

RUSSIAN THIRD SECTOR ORGANIZATIONS IN THE ARTS AND CULTURE: POTENTIAL FOR SELF-ORGANIZATION...

The article presents an attempt to generalize the experience of the functioning of Russian third sector organizations in the arts and culture in three time ranges: in the Russian Empire (from the 2nd half of XIX cent.), in the Soviet Union and in modern Russia. In fact, it concerns the potential for self-organization of Russian society and its institutional capabilities in projecting into the cultural sphere. Third sector organizations are regarded as an antithesis of public institutions and private companies. The features of the functioning of third sector organizations in the arts and culture characterize the condition of civil society and the degree of people's readiness for self-organization in order to achieve socially significant goals. Certain historical parallels lead to the conclusion that the constriction of political and economic freedoms has a negative impact on the functioning of third sector organizations in the cultural sphere: as it relates to the dissolution of certain financial and economic support mechanisms, and as a result of ideological attitudes paralyses public initiative.

Keywords: *self-organization, third sector organizations, arts and culture, cultural policy, civil society institutions, labor unions, volunteer movement.*

JEL: Z1, Z11.

С.В. КОЗЛОВА

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник,
зав. сектором ФГБУН Институт экономики РАН

С.А. БРАТЧЕНКО

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

Л.Н. СВИРИНА

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

О.М. ГРИБАНОВА

научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ЭФФЕКТИВНОСТЬ И КАЧЕСТВО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Достижение национальных целей в настоящее время является центральной и первостепенной задачей государственного управления, которая заставляет по-новому взглянуть на все остальные задачи государственного управления, в частности, на управление государственным имуществом. В этой связи приобретает особую значимость эффективность и качество государственного управления. Анализ эффективности управления государственным имуществом в контексте качества управления достижением национальных целей и явился предметом настоящей статьи. Задача заключалась в том, чтобы проанализировать достижения в этой области, а также выявить самые критичные факторы, препятствующие повышению эффективности и качества управления. В работе было показано, что для повышения эффективности управления государственным имуществом самым важным является продолжение работы по совершенствованию системы показателей эффективности, в большей степени ориентируя их на достижение национальных целей. При этом не менее важными задачами являются прозрачность учета и завершение инвентаризации государственного имущества, включая государственную казну. Для повышения качества управления процессом реализации Единого плана по достижению национальных целей критически важно кардинально снизить число показателей, уделив особое внимание разработке стратегии для достижения каждой цели, а также тому, чтобы значения целевых индикаторов были не только желательны, но и достижимы. Как эффективность, так и качество управления в значительной степени зависят от профессионализма кадров, в связи с чем предлагается большее внимание уделять компетентностному подходу в кадровой политике, а также увязке задач, которые ставятся перед сотрудниками госаппарата, с задачами, которые стоят перед страной.

Ключевые слова: качество государственного управления, эффективность управления государственным имуществом, ключевые показатели эффективности, национальные цели, Единый план по достижению национальных целей развития РФ, кадровая политика, компетентностный подход.

JEL: D78, E02, E60, E61, H50, H82, H83, L32, L33, L38.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_31_56.

Введение

Качество государственного управления, эффективность управления государственным имуществом, масштабы государственного сектора и степень влияния его на экономику, эффективность кадровой политики в сфере госслужбы – эти и другие актуальные вопросы не сходят с повестки дня ни одной научной площадки, в той или иной мере связанной с различными аспектами государственного управления.

Тридцать лет российских реформ убедительно показали, что один рынок, какими бы развитыми ни были рыночные отношения, не может решить все социальные, экономические, общественно-политические и др. проблемы страны. Государство, а следовательно, и институты государственного управления, в жизни общества и экономики играли и продолжают играть важную роль. (Особенно это касается нашей страны, учитывая, что менталитет значительной части ее населения сформирован на исторической памяти социалистического патернализма, а переход к рынку осуществлялся при отсутствии опыта построения капитализма, накопленного на протяжении веков в западных странах).

Есть целый ряд объективных причин для существования госсектора, например, наличие таких сфер национальной экономики, которые, как правило, непривлекательны вообще или же привлекательны не в полной мере для бизнес-структур. К таким сферам деятельности можно отнести: обеспечение экономической безопасности государства; выполнение собственно государственных функций, таких как обеспечение национального суверенитета и общественной безопасности и др.; производство общественных благ (деятельность в сфере образования и здравоохранения, развитие общественной инфраструктуры, сохранение окружающей природной среды и т. д.); оказание различных видов социальных услуг населению (социальная поддержка малоимущих, нетрудоспособных, малолетних и нуждающихся в помощи граждан, предоставление населению социальной защиты, выполнение государственных гарантий и т. д.).

Президент Российской Федерации Владимир Путин 21 июля 2020 г. подписал Указ № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – Указ № 474). Этим документом внесены коррективы в долгосрочные целевые ориентиры, утвержденные Указом Президента от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (Указ № 204), определен перечень национальных целей развития Российской Федерации, а также увеличен горизонт планирования до 2030 года. Такой маневр дает возможность правительству Российской Федерации учесть опыт реализации Указа № 204 и в текущих сложных социально-экономических условиях сфокуси-

роваться на меньшем количестве национальных целей, совершенствуя при этом старые и создавая новые инструменты для их достижения.

Реализация этих целей деятельности требует со стороны государства значительного финансирования из государственного бюджета и мощной материальной базы в форме государственного имущества различного вида¹. Однако на сегодняшний день управление государственным имуществом не дало тех результатов, какие ожидалось в начале перестройки и какие можно было бы получить от использования государственных материальных и финансовых активов, в первую очередь для повышения благосостояния всего населения нашей страны, улучшения качества человеческого капитала и для решения многочисленных социальных проблем. А эти задачи сегодня выходят на первый план в обеспечении развития Российской Федерации на длительную перспективу.

Проблема повышения эффективности управления государственным имуществом неразрывно связана с переходом к новому качеству государственного управления, которое мы рассматриваем как способность института государственного управления формулировать и обеспечивать достижение таких целей, которые позволят государству эффективно реализовывать свои функции и решать государственные проблемы. Это находится в русле общего определения категории эффективности, которое сформулировал в 1989 г. Е.З. Майминас: «Эффективность обычно связана с поиском и выбором в множестве допустимых структур «наилучшей» по заданным критериям структуры и обеспечением ее функционирования. (Лишь в частном случае, при наличии единственного критерия оценки альтернатив и других известных условиях, речь может идти об оптимизации в строгом смысле слова). По существу, в рамках этой установки остается и задача построения наилучшей структуры, реализующей заданные функции системы» [1, с. 194]. Определение целей государственного управления и критериев их выполнения – это взаимосвязанные задачи любой модели государственного управления. При этом «Формирование эффективной структуры объекта, так же как и критериев ее оценки, становится «естественным» продуктом деятельности самой системы управления. Эта деятельность начинается с прогнозирования условий функционирования объекта, что позволяет своевременно и согласованно определять и изменять как цели, так и способы их эффективной реализации» [1, с. 196].

¹ В целях данного исследования, говоря о государственном имуществе, мы не разделяем его строго, согласно Гражданскому кодексу РФ, на государственное и муниципальное, подразумевая, что все проблемы, которые мы здесь освещаем, практически в равной степени относятся к обоим его разновидностям. При этом мы отдаем себе отчет в том, что управление муниципальным имуществом со стороны муниципальных органов власти может иметь свои особенности.

Тактически правильный подход к решению проблем повышения качества государственного управления в целом и эффективности управления государственным имуществом в их неразрывной связи ознаменовал начало нового, современного периода трансформации государственного управления. И это не случайно, а обусловлено существенными изменениями, произошедшими за несколько последних десятилетий во всей мировой социально-экономической системе, ее усложнением и цифровой трансформацией, становлением экономики сетевых отношений, ускорением процессов, возрастанием рисков и размеров возможных их негативных последствий. При росте общей нестабильности социально-экономической ситуации, особенно проявившейся в кризисном 2020 г., при отсутствии явных успехов, в первую очередь в реализации социальных функций, существующей модели управления, государством, в лице президента и правительства РФ, был принят целый ряд документов в области государственного управления, направленных на обеспечение поступательного развития российской экономики и поддержание ее устойчивого функционирования.

Новая реальность требует разработки новых институтов и инструментов управления, новых методологических подходов к оценке их эффективности, а также совершенствования всей институциональной среды. Эти задачи находятся в центре внимания в связи с возникновением новых вызовов, непредсказуемых шоков, с процессом глобализации мировой экономики, а также с отсутствием прорывных драйверов в российской экономике.

Постановка проблемы

Таким образом, в настоящий момент качество государственного управления является одним из ключевых факторов, от которого зависит достижение национальных целей развития российской экономики до 2030 г. При этом вся система государственного управления должна быть «заточена» на это и адекватна сложности решаемых задач. «В числе базовых принципов эффективности в теории управления центральное место принадлежит принципу иерархической соподчиненности в деятельности систем и подсистем различных уровней. Приоритетными являются цели, задачи, критерии функционирования главной системы... Успешность, качество, эффективность работы систем более низких уровней иерархии, в том числе обеспечивающих подсистем, определяется мерой их содействия достижению целей и решению задач главной системы» [2, с. 2].

Критерии эффективности в системе управления государственным имуществом должны разрабатываться в соответствии с заданными

национальными целями развития России и позволять отслеживать ход процесса их достижения. Это может дать большой положительный результат с точки зрения эффективности управления государственным имуществом и, соответственно, получаемых от этого общественных эффектов. В рамках существующей на сегодня модели государственного управления это является новым шагом в решении вопросов повышения эффективности и качества государственного управления.

Одновременно с этим появление и развитие новых механизмов государственного управления требует исследований, всестороннего анализа, постоянного мониторинга результатов и ошибок, так как цена ошибок в управлении государственным имуществом может быть чрезвычайно велика для экономики.

На наш взгляд, именно сейчас необходимо оценить как новые потенциальные возможности повышения качества госуправления за счет увязки стратегических целей развития страны с критериями эффективности использования госимущества, так и те риски и методологические недоработки, которые могут снизить качество государственного управления, в том числе и в области имущественных отношений. В данной работе мы остановимся на проблемах, связанных с управлением государственным имуществом и являющихся результатом как концептуальных, так и методологических недочетов в управлении; проанализируем проблемы декомпозиции национальных целей, предполагающей огромный набор показателей, что несет в себе потенциально много рисков невыполнения обозначенных целей. Также рассмотрим управленческо-организационные вопросы самой системы госуправления. Ведь для повышения качества государственного управления развитием российской экономики особое значение имеет *эффективность кадровой политики на всех уровнях, а также качественное управление персоналом*. Все эти вопросы должны рассматриваться комплексно, с позиций системного подхода и с учетом намеченных национальных целей.

Управление государственным имуществом: краткий анализ проблем и результатов

Основные принципы государственной политики Российской Федерации в области имущественных отношений были заложены в Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 сентября 1999 г. № 1024 и в Федеральном законе от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества». Приоритетными целями

управления государственным имуществом были заявлены: повышение доходов бюджета на основе более эффективного управления; оптимизация структуры собственности для обеспечения предпосылок экономического роста; использование государственных активов для привлечения инвестиций в реальный сектор экономики.

Начиная с 1990-х годов на протяжении всего этапа построения новой рыночной экономической системы вопросы управления государственным имуществом решались с переменным успехом. Соответственно и результаты, полученные от использования государственных активов на разных этапах развития, были разными, о чем свидетельствуют и материалы проверок, проводимых Счетной палатой РФ, и выводы научных исследований в данной области.

Результаты этапа так называемой массовой приватизации 1990-х годов нельзя назвать однозначно успешными для развития российской экономики. По мнению руководителя Счетной палаты РФ, выраженному в аналитической записке 2004 г., «...российская приватизация существенно отличалась от классических форм «перевернутой логикой» своих этапов и мероприятий. Зарубежная практика свидетельствует, что массовой распродаже государственной собственности должны предшествовать этапы, связанные с реструктуризацией предприятий и отраслей, повышением прозрачности их финансово-хозяйственной деятельности и т. п. В России же сначала произошел массовый переход государственных активов в частные руки, а затем – реструктуризация. Это существенно замедлило процесс формирования эффективных собственников и ограничило возможности привлечения инвестиций... Начиная с 1994 г. «истинной» целью приватизации стало получение доходов в бюджет. Однако эта задача в целом решалась недостаточно эффективно, поскольку недооценка, а порой и намеренное занижение стоимости продаваемых активов, в сочетании с незначительным превышением итоговой цены над стартовой ценой, приводили к недополучению средств от приватизации в бюджеты всех уровней...» [3, с. 173].

Приватизация – широкомасштабный процесс, который был закономерным в тот период, так как переход к рыночной экономике в качестве необходимого условия требовал передачу «общенародной» социалистической собственности в частные руки. Однако разгосударствление и распад значительной части государственного сектора крайне усложнили выполнение государством его функций. Концептуальные ошибки приватизационной политики накладывались на ошибки и недоработки учета и контроля, что очень важно в управлении государственными активами.

Так, в отчете, утвержденном Коллегией 14 декабря 2012 г., но опубликованном только в 2021 г. в рамках проекта «Цифровой архив

Счетной палаты», указаны основные из таких ошибок². Коротко обозначим некоторые из них. В рамках проверки выявлены существенные расхождения в стоимости имущества казны Российской Федерации, в бюджетной отчетности Росимущества и в Реестре федерального имущества за 2011 г. В общей сложности они составили 2,2 трлн руб.: в том числе 1944,0 млрд руб. в части учета нефинансовых активов имущества казны и 262,0 млрд руб. в части учета акций и иных форм участия в капитале. Как следствие, Счетная палата РФ делает вывод, что «из-за названных ошибок невозможно использование аналитических показателей (включая стоимостные, рассчитанных на основе данных Реестра федерального имущества), для принятия адекватных управленческих решений. Недостоверны даже простейшие, например, средние показатели» [4, с. 16].

Также важны выводы проверяющих относительно эффективности управления федеральным имуществом. Они указывают на то, что «...в целом деятельность государственных органов власти по управлению государственной собственностью не может быть признана эффективной, как в силу имевших место нарушений нормативно-правовых требований, так и из-за невыполнения принципа эффективности управления, который заключается в достижении цели управления (определенного результата деятельности или состояния объекта управления) при максимальной экономии ресурсов... До настоящего времени не сформированы показатели, характеризующие эффективность деятельности федеральных органов исполнительной власти в сфере управления имуществом; не предусмотрена ответственность руководителей ФОИВ за полный и достоверный учет федерального имущества. Это создает предпосылки для неэффективного использования государственной собственности, а также для возникновения высоких коррупционных рисков...» [4]. В связи с этим Счетной палатой были внесены предложения федеральным органам государственной власти определить показатели оценки эффективности управления имуществом, находящимся в государственной собственности.

В середине 2000-х начинается переход к программно-целевому управлению госимуществом – принята первая версия государственной программы об управлении федеральным имуществом. Позднее, 21 марта 2015 г. правительством РФ принято Распоряжение № 481-р «О мероприятиях в целях повышения эффективности управления

² Отчет, утвержденный Коллегией 14 декабря 2012 г., опубликован в 2021 г. в рамках проекта «Цифровой архив Счетной палаты». <https://ach.gov.ru/checks/analiz-effektivnosti-upravleniya-gosudarstvennoy-sobstvennostyu-i-kompaniyami-s-gosudarstvennym-ucha>.

государственной собственностью³. Данным распоряжением утверждены новые индикаторы, характеризующие эффективность деятельности федеральных органов исполнительной власти в сфере управления федеральным имуществом.

Рассмотрим результаты управления государственным имуществом в разрезе принятых статистических индикаторов мониторинга эффективности и индикаторов выполнения целей и задач госпрограммы. Согласно данным Счетной палаты РФ, за период 2017–2019 гг. поступления от АО с государственным участием составили 251,3 млрд руб., 312,6 млрд руб., 441,6 млрд руб. соответственно. Поступления от ФГУП были в меньших объемах, но также с ростом: 5,8 млрд руб. в 2017 г., 6,1 млрд руб. в 2018 г. и 7,6 млрд руб. в 2019 г. В то же время Счетная палата РФ отмечает проблемы по группе индикаторов управленческого характера: «Нет полноценной информации и о результатах финансовой деятельности организаций с госучастием... только о деятельности 10 крупнейших АО. Это всего 1% от их общего количества. В результате более 90% АО находятся в «серой зоне», и их деятельность никак не анализируется. При этом выборочный анализ материалов по этим АО показал, что многие из них нестабильны или имеют отрицательную динамику» [5, с. 8].

Что касается эффективности управления федеральными государственными унитарными предприятиями и акционерными обществами с государственным участием, то в своем отчете Счетная палата указывает на то, что в целом в 2017–2019 гг. поступления в федеральный бюджет от прибыли и дивидендов организаций с госучастием росли: по ФГУП они увеличились на 30,4% за три года, по АО – на 75,7%. При этом доходы от АО многократно превышают доходы от ФГУП – 1 трлн руб. против 19,5 млрд руб. за три года. Анализ показал, что большую часть поступлений дивидендов (97% совокупного размера) обеспечивают только 20 АО, то есть всего 2% от их общего количества. В то же время свыше 500 компаний в 2017–2019 гг. вообще не перечисляли дивиденды в доход бюджета [5].

Таким образом, данные Счетной палаты РФ показывают, что, по состоянию на начало 2020 г., накопилось критическое количество проблем в области управления государственным имуществом, которые, если их не разрешать, могут перерасти в качественное ухудшение государственного управления. А это уже является угрозой экономической безопасности страны.

Основными причинами неудач являются в первую очередь ошибки концептуального характера. Как мы писали ранее, «Проведенный ана-

³ Утратило силу на основании Распоряжения Правительства Российской Федерации от 12 октября 2020 г. № 2645-р.

лиз основных институтов (институт приватизации) и инструментов (государственная программа) управления государственным имуществом показал, что заложенные в них принципы, по сути, это трансформация концептуальных подходов перманентной государственной приватизационной политики. За годы российских реформ провалы в концептуальных подходах в области управления государственным имуществом трансформировались в институциональные *ограничения*, приняв устойчивую форму и тем самым препятствуя *повышению качества государственного управления* в данной сфере» [6, с. 46].

Кроме того, сдерживающим фактором здесь явилось отсутствие четко заданных критериев эффективности, сопоставленных с целями развития экономики и общества, к которым следует стремиться при использовании тех или иных типов государственного имущества.

Новации 2020 года по отношению к понятию эффективности управления государственным имуществом

2020 г. явился началом нового этапа в трансформации концептуальных подходов к управлению государственным и муниципальным имуществом. Выделим основные новации современного официального методологического подхода по отношению к управлению государственным имуществом в контексте достижения национальных целей развития страны. Первый и очень важный аспект нового методологического подхода заключается в том, что эффективность использования различных видов государственного имущества предлагается оценивать по разным критериям, что коррелирует с результатами многих научных изысканий в данной области. Этот методологический подход является управленческим ответом на теоретические разработки данного вопроса. Так, еще в 2008 г. М.М. Соловьев и Л.И. Кошкин писали о том, что «...исследуя проблему эффективного управления государственной собственностью (или, более конкретно, различными видами объектов государственной собственности), ориентируясь на базовые принципы общей теории управления, относящиеся к эффективности, при их адаптации следует учитывать особенности государственного управления и специфические свойства различных видов объектов государственной собственности» [2 с. 32]. В 2018 г. С.А. Братченко, развивая эту мысль, отмечала, что «над решением каждой проблемы следует методично работать с тем, чтобы максимально повысить отдачу от государственной собственности. В каких-то случаях (например, при управлении рядом государственных корпораций) стремление к повышению прибыли вполне соответствует государственным интересам. А в других случаях судить об успехе управления государственным предприятием

исключительно на основании коммерческих критериев эффективности означает провоцировать очередной «провал государства»» [7, с. 76].

Вторым важным аспектом является то, что среди выделенных категорий имущества государство определило для себя стратегически важную их часть. Более того, конкретизировало ее до отдельных объектов, эффективность управления которыми оценивается в том числе по индикаторам, встроенным в план по достижению национальных целей. Общий же принцип управления всеми категориями государственного и муниципального имущества состоит в следующем: каждый используемый объект государственного имущества должен в процессе своей деятельности достичь определенного результата (отраженного в показателях), который оценивается в баллах. Если набранные баллы меньше установленного порогового значения, то необходимо принимать определенные меры по отношению к данному объекту государственного управления (забирать имущество, передавать в частные руки и т. п.)⁴.

Рассмотрим некоторые принципиальные аспекты (новации) подробнее.

1. Разные критерии оценки эффективности для различных типов имущества.

Итак, методика предусматривает систему показателей оценки оптимальности состава и эффективности использования имущества, находящегося в собственности публично-правовых образований, за исключением имущества, сведения о котором отнесены к государственной тайне, по следующим категориям государственного и муниципального имущества:

а) акции (доли) хозяйственных обществ, находящиеся в собственности публично-правовых образований (ППО);

б) недвижимое имущество, закрепленное за государственными (муниципальными) унитарными предприятиями;

в) недвижимое имущество, закрепленное за государственными (муниципальными) учреждениями;

г) недвижимое имущество казны публично-правовых образований.

Более того, государственное имущество разделено на два принципиально разных (с точки зрения критериев эффективности управления) типа: 1) акции хозяйственных обществ, принадлежащие ППО, и недвижимое имущество, закрепленное за государственными (муниципальными) унитарными предприятиями; 2) недвижимое имущество, закрепленное за государственными (муниципальными) учрежде-

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 12 октября 2020 г. № 2645-р «Об утверждении методики определения критериев оптимальности состава государственного и муниципального имущества и показателей эффективности управления и распоряжения им».

ниями и недвижимое имущество казны ППО. С точки зрения нашего исследования особую важность представляет имущество первого типа, так как оценку эффективности его управления связывают посредством индикаторов (ключевых показателей эффективности) с национальными целями развития⁵.

Выполнение ключевых показателей эффективности хозяйственного общества (в котором более 50% участия государства) начиная с 2019 г. оценивалось в соответствии с Распоряжением Правительства РФ № 1388-р⁶, в котором речь еще не шла о показателях, увязанных с выполнением национальных целей. Появление в декабре 2020 г. Распоряжения Правительства РФ № 3579-р ввело принципиальные изменения в оценку работы некоторых хозяйственных обществ с участием государства: распоряжение № 1388-р перестало применяться в отношении организаций, указанных в приложении к методическим рекомендациям, утвержденным распоряжением № 3579-р. К этим организациям применяются теперь свои рекомендации по формированию и применению ключевых показателей эффективности⁷.

2. Управление акциями хозяйственных обществ, принадлежащих ППО, оценивается в контексте национальных целей (оценка эффективности деятельности государственных предприятий).

Принципиальным моментом, который возник вместе с Распоряжением № 3579-р, является выделение государственных компаний, в которых государство является акционером-собственником, для оценки деятельности которых применяются в том числе ключевые показатели, разработанные для достижения национальных целей. Пожалуй, впервые на современном этапе развития экономики страны сделана попытка с помощью индикативного метода оценить в совокупности как финансовую эффективность управления хозяйственными обществами с госу-

⁵ Показатели установлены в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 июня 2019 г. № 1388-р. Для хозяйственных обществ, которым ключевые показатели эффективности не установлены, в аналогичном порядке рассчитывается показатель выполнения программы деятельности на отчетный год, утвержденной советом директоров (наблюдательным советом) хозяйственного общества.

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 27 июня 2019 г. № 1388-р «Об утверждении методических рекомендаций по применению ключевых показателей эффективности деятельности хозяйственных обществ, в уставных капиталах которых доля участия РФ или субъекта РФ превышает 50 процентов, и показателей деятельности государственных унитарных предприятий в целях определения размера вознаграждения их руководящего состава» (с изменениями и дополнениями).

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2020 г. № 3579-р «О методических рекомендациях по формированию и применению ключевых показателей эффективности деятельности акционерных обществ, акции которых находятся в собственности РФ, и отдельных некоммерческих организаций в целях определения размера вознаграждения их руководящего состава».

дарственным участием, являющимися игроками на экономическом пространстве, так и результаты их деятельности с точки зрения общественных эффектов, сопряженных с национальными целями развития (список таких предприятий указан в приложении к Распоряжению № 1388-р).

Введено понятие «ключевые показатели эффективности» (КПЭ), которые по содержанию можно разделить на две группы: финансовые, характеризующие финансово-хозяйственную деятельность предприятий, и показатели, увязанные с национальными целями развития: «ключевые показатели эффективности, направленные на достижение национальных целей» – показатели, характеризующие вклад организации в достижение национальных целей и целей отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации в соответствии с отраслевой спецификой направлений деятельности организаций⁸. Сюда же относятся «отраслевые ключевые показатели эффективности» – показатели, характеризующие эффективность деятельности организации в соответствующей отрасли, включающие в себя ключевые показатели эффективности, направленные на достижение национальных целей, и специализированные ключевые показатели эффективности.

К финансовой группе индикаторов рекомендуется отнести коэффициенты рентабельности инвестированного или собственного капитала, динамику выручки, доход акционеров, ко второй группе – количество созданных рабочих мест, объем привлеченных инвестиций, вклад в несырьевой неэнергетический экспорт и бюджетную эффективность. В эту группу также разрешается включать специализированные КПЭ, в их числе, например, бесперебойность и безопасность предоставления услуг.

Все компании, в зависимости от специфики их деятельности, распределены по четырем категориям: действующие на конкурентном рынке, естественные монополии и инфраструктурные компании, финансовые организации, институты развития. Такая разбивка поможет лучше рассчитать КПЭ для каждой структуры в отдельности⁹.

⁸ При этом четко указано, что «национальные цели» – это национальные цели, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

⁹ От их достижения также будет зависеть уровень вознаграждения топ-менеджеров. Это относится к государственным корпорациям, государственным компаниям, публично-правовым компаниям и отдельным некоммерческим организациям, указанным в Приложении № 1 к методическим рекомендациям: рекомендовать руководствоваться методическими рекомендациями и распространить методические рекомендации на дочерние общества, все голосующие акции (доли) которых находятся под прямым или косвенным контролем Российской Федерации и (или) государственных корпораций, государственных компаний, публично-правовых компаний, с учетом специфики их деятельности.

Цель преобразований – сделать эти структуры более эффективными и переориентировать их на достижение национальных целей развития. Насколько это достижимо – покажет время. Однако уже сейчас необходимо исследовать методологические вопросы, положенные в основу новых преобразований механизмов и институтов повышения эффективности и качества государственного управления. При этом проблему дальнейшего совершенствования государственного управления развитием национальной экономики следует решать только системно.

Анализ документов, принятых в последние два года правительством РФ о направлениях и национальных целях развития РФ до 2030 г., показал, что предложения по повышению эффективности государственного управления принадлежащими государству активами и по повышению качества государственного управления в целом направлены на решение стоящих перед национальной экономикой задач. Следует особо подчеркнуть системный подход органов государственного управления к решению давно назревших и актуальных проблем нашей страны.

В то же время оценка потенциальных рисков функционирования новых инструментов необходима сейчас, на стадии их введения.

Единый план как основной инструмент достижения национальных целей: оценка рисков с позиций качества госуправления

Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – Указ № 474) определены пять национальных целей развития Российской Федерации:

- а) сохранение населения, здоровье и благополучие людей;
- б) возможности для самореализации и развития талантов;
- в) комфортная и безопасная среда для жизни;
- г) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство;
- д) цифровая трансформация.

Для достижения данной системы целей сформирован и утвержден Распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р «Единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года» (далее – Единый план). Таким образом, Единый план выступает важнейшим инструментом достижения национальных целей. Он аккумулирует усилия правительства и средства федерального и региональных бюджетов, частные средства для решения ключевых социально-экономических задач России. Представляется чрезвычайно важным проанализировать этот документ.

Единый план опирается на совокупность государственных программ, национальных и федеральных проектов, государственных концепций (например, на Концепцию государственной миграционной политики РФ на 2019-2025 годы) и стратегий (например, на Стратегию развития физической культуры и спорта в РФ до 2030 года), иных документов государственного регулирования (например, на План законопроектной деятельности Правительства РФ). Таким образом, Единый план, будучи сам достаточно объемным документом (308 с.), интегрирует в себе содержание еще 46 госпрограмм, 14 национальных и 75 федеральных проектов, 42 стратегических инициатив и иных документов. Только государственные программы содержат более 2000 подлежащих исполнению и мониторингу индикаторов. Для исполнения Единого плана необходимо будет организовать и отследить исполнение многих тысяч показателей (данных о выполнении мероприятий), а также профинансировать этот процесс, что на практике может оказаться весьма проблематичным и, по нашему мнению, служить препятствием для эффективной реализации намеченного Единого плана. Подобная проблема уже имела место в практике государственного управления при выполнении госпрограмм и национальных проектов. Однако для достижения национальных целей разработчики решили пойти по «проторенному пути».

Следует отметить, что механизм управления достижением национальных целей значительно – и в лучшую сторону – отличается от механизма управления госпрограммами. Согласно п. 72 Постановления Правительства РФ от 26 мая 2021 г. № 786 «О системе управления государственными программами РФ», если реализация госпрограммы в истекшем году признана неэффективной, правительство РФ может принять решение о сокращении бюджетных ассигнований на реализацию ГП или о досрочном прекращении реализации ГП. То есть госпрограмма будет прекращена, несмотря на то, что цели госпрограммы сохранили свою актуальность, а неудачной оказалась лишь предпринятая попытка ее реализации. Механизм управления достижением национальных целей представляет собой огромный шаг вперед, поскольку, в случае выявленных отклонений от намеченной цели, предполагается не только анализировать его причины, но и предпринимать своевременные меры по корректировке способов достижения целей¹⁰.

Однако анализ ситуации и выявление причин отклонения от заданной цели или ее недостижения на практике может оказаться весьма затруднительным: так как, согласно изложенному выше, управление программой предполагает мониторинг нескольких тысяч показате-

¹⁰ Единый план, с. 12.

лей. Осуществлять мониторинг, то есть техническое наблюдение за соответствием (или несоответствием) фактических значений нескольких тысяч индикаторов их плановым значениям возможно, но осмысленно управлять, то есть выявлять и анализировать причинно-следственные связи при наличии такого огромного количества показателей, невозможно. Таким образом, механизм управления достижением национальных целей в действительности оказывается трудно реализуемым. *Подмена управления мониторингом заведомо означает существенное снижение качества управления.*

Рассмотрим инструментарий Единого плана: каким образом в Едином плане предполагается обеспечить достижение национальных целей? Единый план во многом унаследовал ранее разработанную методологию государственных программ и национальных проектов. *Для каждой национальной цели предлагается ее декомпозиция на ряд более мелких целей, при этом предполагается, что достижение этих подцелей обеспечит достижение главной (национальной) цели.* В Едином плане утверждается, что «Совокупность факторов для каждого целевого показателя отвечает критерию полноты, то есть описывает все основные направления, по которым правительство обеспечивает достижение этого целевого показателя»¹¹.

Характер национальных целей закономерно амбициозен и предполагает кардинальные подвижки в социально-экономическом развитии страны. Они настолько значительны, что достижение многих из них невозможно без институциональных сдвигов, без перемены в общественном сознании людей, а также без реформирования системы государственного управления. Предложенные подцели (в Едином плане они называются факторами¹²) преимущественно могут быть охарактеризованы как система мероприятий – а это задачи уже совсем другого уровня (преимущественно «организационные»). Они не предполагают серьезного институционального воздействия, методология управления достижением национальных целей в целом копирует практику управления госпрограммами и нацпроектами (за редкими не очень значительными исключениями).

Рассмотрим данный тезис на примере цели «Увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70 процентов». Эта цель предполагает не просто изменение отношения людей к занятиям спортом, но и изменение образа жизни. Для людей старше 60 лет доля лиц, занимающихся спортом, должна вырасти в 4 раза – с 12,6% в 2020 г. до 45% в 2030 г. Между тем люди преклонного возраста – это люди с устоявшимся образом жизни и привычками,

¹¹ Там же, с. 11.

¹² Там же.

часто весьма консервативные и не желающие ничего менять в своей жизни, ментально не готовые начать заниматься спортом. Более того, часть из них объективно не способна к занятиям спортом в силу состояния своего здоровья, например, потому, что они уже серьезно больны, часть из них относятся к так называемым «лежачим больным».

Что конкретно предлагается сделать для того, чтобы привлечь пожилых к занятиям спортом? Согласно Единому плану, это: поддержка развития системы негосударственных организаций, в том числе клубов по месту жительства и в сельской местности; развитие системы общероссийских физкультурно-спортивных обществ и клубов, в том числе ЦСКА, Спартак, Динамо; пропаганда физической культуры и спорта; приведение в нормативное состояние объектов спорта; создание спортивной инфраструктуры массового спорта, в том числе шаговой доступности, включая инфраструктуру в сельской местности; создание механизма налогового стимулирования занятия спортом.

Остальные мероприятия, предусмотренные Единым планом, имеют своими целевыми аудиториями людей других возрастных категорий. Вышеперечисленные меры действительно весьма полезны для развития спорта и являются необходимыми условиями для того, чтобы больше наших сограждан занималось спортом. Однако эти меры представляются совершенно недостаточными для того, чтобы убедить людей преклонного возраста, никогда не занимавшихся спортом, вдруг прийти в спортивные секции. То есть *реализацией набора предложенных мероприятий намеченную цель вряд ли удастся достичь*. Цифра 45% выглядит заведомо завышенной, нереалистичной для данной возрастной категории. То есть *проблема адекватного реалистичного целеполагания существует, так как часть предложенных целей заведомо нереалистична*. Еще Н.Д. Кондратьев предупреждал о неприемлемости построения планов, ориентируясь исключительно на желаемые социально-экономические цели: «цели и устремления могут быть принципиально правильными... Но ... мы должны строить осуществимые перспективы» [8, с. 572–573].

Но повысить долю пожилых, занимающихся спортом, можно. А для того чтобы люди преклонного возраста пришли в спортивные секции, должна быть проведена большая работа, не только организационная, но и «идеологическая» -- по переубеждению, по изменению менталитета. В частности, например, необходимо: организовать группы и секции «по интересам» специально для пожилых людей (как это уже сделано, например, в Москве); продумать вопрос о том, как люди будут добираться в секции (в особенности это актуально для населенных пунктов с частной, то есть рассредоточенной застройкой, в сельской местности), организовать специальные маршруты наподобие «школьных автобусов», привозящих людей к началу секции и развозящих их по домам

после занятий; «рекламировать» занятия спортом для пожилых и их пользу для здоровья в СМИ (преимущественно по телевидению); осуществить персональную «агитацию», проводимую, например, врачами и социальными работниками; заинтересовать финансовыми бонусами людей, посещающих секции (прибавка к пенсии?) и т. п.

Учитывая беспрецедентно высокое значение целевого показателя – 70% (каждые двое из трех граждан должны систематически заниматься физической культурой и спортом), несомненно, потребуется корректировка национального проекта «Демография» и входящего в него федерального проекта «Спорт – норма жизни». Также требуется корректировка методики расчета показателя, в которой, с одной стороны, не исключает двойного учета граждан, занимающихся в нескольких спортивных организациях (секциях), а с другой – не используются данные о гражданах, занимающихся физической культурой и спортом самостоятельно. И это лишь один пример.

Анализ ряда сформулированных национальных целей и системы мероприятий (факторов), предлагаемых для их достижения, показал, что комплекс предложенных мероприятий представляется необходимым, но не достаточным для достижения соответствующих национальных целей. Соответственно, и реализация указанных мероприятий вряд ли приведет к достижению указанных целей. Тот факт, что Единый план был принят и утвержден в существующем виде, когда для целого ряда целей предложенный комплекс мероприятий не в состоянии обеспечить их достижение, означает, что система предложенных мероприятий не проверялась по критерию достаточности и по критерию достижимости ни составителями Единого плана, ни ответственными лицами, принимавших решение об утверждении данного плана.

Единый план является документом стратегического государственного регулирования. Термин «стратегический» в данном контексте означает не только временной горизонт документа, предполагающий долгосрочный горизонт управления, но и (непренменно!) наличие стратегии для достижения намеченных целей, то есть пути, способа достижения данных целей. Как было показано, характер национальных целей требует системного подхода, а также кардинального повышения качества государственного управления, по сути, реформирования системы государственного управления, а также значительных институциональных подвижек, например, – в массовом менталитете. Без стратегии такие задачи не решить.

Только отсутствием стратегического видения можно объяснить реверсивную траекторию развития нашего здравоохранения, в частности, в отношении фельдшерско-аптечных пунктов (ФАПов), а также сельских амбулаторий, поликлиник и больниц. Сначала средства государственного бюджета были потрачены на «реорганизацию системы здравоохранения», подразумевающую массовое закрытие ФАПов, сель-

ских амбулаторий, поликлиник и больниц, а теперь требуются огромные средства для того, чтобы найти, отремонтировать (или построить) и оборудовать новые помещения для медицинских нужд. Гораздо более сложной задачей является обеспечение восстанавливаемых ФАПов, амбулаторий, поликлиник и больниц, открывающихся в российской глубинке, квалифицированными медицинскими кадрами. Многие ранее работавшие там медики были вынуждены уехать или сумели переквалифицироваться и нашли новую «жизненную нишу», а в наше прагматичное время желающих стать «сельским доктором» гораздо меньше числа открываемых вакансий. Однако основные негативные последствия такой непоследовательной политики отнюдь не сводятся к организационным сложностям и дополнительным бюджетным издержкам. Снижение доступности медицинской помощи из-за сокращения числа медицинских учреждений прежде всего сказалось на здоровье населения. А ведь именно люди являются главным достоянием, стратегическим ресурсом любой страны, основой ее национальной и экономической безопасности.

Весьма отрадно, что президент и правительство способны признавать, что некоторые ранее принятые решения оказались неоптимальными и их необходимо корректировать, подтверждение чему мы наблюдаем сейчас в отношении восстановления ранее закрытых медицинских учреждений.

Рассмотренные в качестве примеров «погрешности» Единого плана весьма существенны, поскольку все они носят методологический характер. И заведомо неуправляемая конструкция из многих тысяч индикаторов и мероприятий, и подмена управления мониторингом, и нереалистичное целеполагание, и отказ от разработки стратегий, и отсутствие проверки Единого плана при его составлении и утверждении по критерию достаточности подцелей для достижения национальных целей – все это вопросы методологии управления. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что *методология управления, используемая в Едином плане, не способствует повышению качества госуправления и требует дальнейшей доработки.*

Управленческо-организационные аспекты повышения качества государственного управления и эффективности работы исполнительной власти

Эффективность управления тем или иным объектом напрямую зависит от эффективности функционирования самой системы управления в целом, при этом интересы и цели развития объекта и субъекта управления играют важнейшую роль. Как отмечают специалисты в области госуправления, «...в рамках ведущих национальных эконо-

мик сохраняется основное противоречие социумов, а именно: между деятельностью (интересами) субъектов управления (управляющих систем макро-, мезо-, микроуровня) и функционированием объектов управления в лице совокупности организаций, производств, процессов исполнительского характера, отдельных социальных групп. Противоречия управленческих отношений могут иметь вполне конструктивное разрешение, когда при общности целей и интересов их субъектов и объектов между ними ведется транспарентный диалог по поводу выработки оптимальной стратегии совместных действий (реализуется институционально установленный механизм согласования управленческих решений). И, наоборот, антагонизм данных отношений вполне реален в случаях разбалансированности ценностей и интересов управляющих и исполнительских подсистем социума. Что касается отечественного госменеджмента, то последние годы лишь подтверждали его явно недостаточную результативность...» [9, с. 6].

Последовательная работа в этом направлении ведется уже много лет. Среди последних инициатив нельзя не вспомнить о реформе госаппарата, предпринятой в конце 2020 г., согласно Постановлений Правительства от 16 ноября 2020 г. № 1829, № 1830¹³.

При реализации данной реформы представляется особенно важным *акцентировать внимание на компетентностном аспекте*: именно рост компетенции является важным резервом для повышения результативности деятельности сотрудников госаппарата. «Требования, предъявляемые к профессиональным качествам компетентного сотрудника, прежде всего относятся к его возможностям результативной деятельности по достижению поставленных целей, выполнению задач и реализации планов, в полном объеме, с требуемым качеством, в установленный срок, при оптимальном использовании организационных, кадровых, финансовых, информационных и других типов ресурсов, имеющихся в распоряжении государственного органа» [10, с. 26–27].

¹³ Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1829 «О структуре центральных аппаратов федеральных министерств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных служб и федеральных агентств, подведомственных этим федеральным министерствам, федеральным служб и федеральным агентств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации», Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1830 «Об оптимизации структуры и численности федеральных государственных гражданских служащих и работников, замещающих должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы, федеральных министерств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных служб и федеральных агентств, подведомственных этим федеральным министерствам, федеральных служб и федеральных агентств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации».

Повышение компетенции должно сказаться на качестве управленческих решений, что, в свою очередь, может повысить качество выпускаемых документов, в том числе тех, которые направлены на достижение национальных целей (очевидно, что Единый план является основным, но далеко не единственным документом, регламентирующим достижение национальных целей. Работа по достижению национальных целей потребует разработки еще многих и многих документов и их принятия). Поэтому уровень компетенции должен стать одним из важнейших критериев в кадровой работе в государственном аппарате.

Необходимы глубинные преобразования по совершенствованию кадровой политики, в частности, осуществление обучения, аттестации, назначения на должность, оценки результативности работы служащего в соответствии с квалификационными требованиями профессиональных стандартов.

Другим важнейшим фактором повышения эффективности работы исполнительной власти является увязка задач, которые ставятся перед сотрудниками госаппарата, с задачами, которые стоят перед страной. В настоящее время эти задачи в наиболее концентрированном виде выражены в национальных целях. Предлагаемая увязка, как видится, состоит из двух звеньев:

1. Цели, стоящие перед каждой государственной организацией, должны быть четко сформулированы; они должны соответствовать национальным целям.

2. Для каждого сотрудника должны быть сформулированы четкие, конкретные задачи; эти задачи должны соответствовать целям, стоящим перед организацией и поэтому, в конечном счете, национальным целям. Таким образом, каждый сотрудник своим трудом должен вносить вклад в достижение целей организации и, следовательно, в достижение национальных целей.

В этой связи важно отметить следующие моменты.

Работа по формулированию целей организаций, в том числе в виде КПЭ, которые представляют собой сквозную систему конкретных измеримых индикаторов для каждого сотрудника, отдела и организации в целом¹⁴, активно продолжается уже в течение порядка десяти лет.

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2020 г. № 3579-р «О методических рекомендациях по формированию и применению ключевых показателей эффективности деятельности акционерных обществ, акции которых находятся в собственности РФ, и отдельных некоммерческих организаций в целях определения размера вознаграждения их руководящего состава»; Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2447 «Об утверждении требований к форме и содержанию отчетов о выполнении программ деятельности государственных корпораций (компаний), публично-правовых компаний, а также требований к форме и содержанию

В результате все большее число организаций имеют четкие ориентиры для своего развития. При этом не просто увеличивается число организаций, но качественно меняется уровень ответственности сотрудников таких организаций. Помимо компаний с государственным участием и институтов развития к формулированию системы целей своей деятельности переходят органы государственного управления. При этом следует учесть, что оценка результатов управленческой деятельности отличается особой сложностью, поскольку их невозможно непосредственно измерить в вещественной, в материальной или в финансовой форме [10, с. 32]. Примером органа государственного управления, четко сформулировавшего свои цели, является Министерство финансов, которое планирование своей текущей и перспективной деятельности осуществляет на базе КПЭ¹⁵. С другой стороны, Счетная палата РФ, проанализировав целевые показатели Федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) за 2017–2019 гг., выявила, что «В планы деятельности ФОИВ включено только 26 % показателей госпрограмм и подпрограмм, за которые они отвечают. Из показателей национальных и федеральных проектов в планах учтено 55%... Методики оценки влияния деятельности ФОИВ на реализацию показателей нацпроектов не разработаны» [11, с. 7].

Таким образом, для эффективного управления кадрами государственной организации недостаточно набрать компетентных сотрудников, выстроить «внутреннюю» систему распределения ответственности, делегирования полномочий и «работающую» мотивацию – требуется согласовать рабочие цели каждого сотрудника с национальными целями страны. Работа объемная, но многообещающая, с точки зрения повышения качества государственного управления.

Заключение

Новая реальность, в которой мы продолжаем жить, требует мобилизации всех активов государства, главным из которых является человеческий капитал. На повышение его уровня направлены принятые в соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» пять главных целей: сохранение населения и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный

отчетов о достижении ключевых показателей эффективности деятельности государственных корпораций (компаний), публично-правовых компаний».

¹⁵ Сведения о целях и показателях (индикаторах) плана деятельности Министерства приведены на сайте Министерства: <https://minfin.gov.ru/ru/ministry/planMF/kpi>.

труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация. Их реализация потребует повышения эффективности и качества государственного управления, разработки новых механизмов управления, адекватных сложности самого объекта управления, оптимизации использования государственных финансовых и материальных активов казны и активов государственных предприятий, где государство является акционером-собственником.

Отсутствие поступательной динамики экономического роста и положительных результатов в социальной сфере, с учетом новых вызовов, вынуждает государство искать новые модели и сочетать рыночные и плановые инструменты управления социально-экономическими процессами. Правительством РФ были разработаны критерии эффективности госуправления разными категориями государственного имущества, соотнесенные с национальными целями развития России, а также система ключевых показателей для государственных предприятий и обществ с государственным участием. Разработан Единый план, аккумулирующий усилия правительства и средства федерального и региональных бюджетов, частные средства для решения ключевых социально-экономических задач России.

Однако принятие новых документов не означает автоматического повышения качества государственного управления. Возросшие риски недостижения заданных целей развития и параметров в условиях нестабильности мировой экономики и институциональной среды внутри страны требуют поиска новых показателей, адекватных сложности объекта управления.

Принципиально важным является тот факт, что старые методы управления уже не смогут обеспечить стабильность системы в быстро меняющемся мире. В этих условиях возрастает ответственность разных уровней власти за недостижение поставленных целей развития из-за возникших внешних и внутренних угроз или реализовавшихся рисков, а также и за подмену самих целей, осознанную или не осознанную. В контексте вышесказанного становится понятным возросшее значение *разработки адекватных современным вызовам критериев оценки эффективности, результативности и качества функционирования системы государственного управления на всех ее уровнях, а также используемых для оценки эффективности ее работы/функционирования индикаторов.*

Большим шагом вперед следует признать Распоряжение Правительства РФ от 12 октября 2020 г. № 2545-р «Об утверждении методики определения критериев оптимальности состава государственного и муниципального имущества и показателей эффективности управления и распоряжения им», разделившим государственное и муниципальное имущество на категории и определившим критерии эффек-

тивности основных типов этого имущества. Представляется весьма продуктивным продолжить работу в этом направлении, совершенствуя систему показателей эффективности, в большей степени нацеливая их на достижение национальных целей.

Необходимым исходным условием эффективной системы управления государственным имуществом является наличие полной и корректной информации об этом имуществе. В связи с этим представляется критически важным с кратчайшие сроки продолжить и завершить работу по инвентаризации государственного имущества, включая государственную казну.

Единый план по достижению национальных целей утвержден совсем недавно – 1 октября 2021 г., его корректировку предполагается осуществлять один раз год. Тем не менее уже сейчас, на основании предпринятого анализа, можно говорить о желательных направлениях этой будущей корректировки. Важно, чтобы эта корректировка включала не только изменение целевых значений ряда индикаторов или добавление/удаление отдельных индикаторов или мероприятий. Представляется полезным кардинально снизить число показателей, чтобы мониторинг Единого плана стал не технической, а содержательной задачей, чтобы его реализация стала действительно управляемым процессом. Важно, чтобы показатели Единого плана отражали не только желательное состояние российского общества и отечественной экономики, но и были реально достижимы.

Для достижения каждой национальной цели желательно разработать стратегию ее достижения с тем, чтобы предлагаемые мероприятия и соответствующие результирующие индикаторы не только вносили какой-то вклад в достижение этой цели, но чтобы их совокупность обеспечивала бы ее достижение. Как было показано выше, в настоящем Едином плане это требование не соблюдается.

При реализации кадровой политики для нужд государственного управления одним из ключевых моментов представляется развитие компетентного подхода. Другим важнейшим фактором повышения эффективности работы исполнительной власти является увязка задач, которые ставятся перед сотрудниками госаппарата, с задачами, которые стоят перед страной.

Реализация вышеизложенных предложений в практике государственного управления должна содействовать повышению качества государственного управления, в том числе управления государственным имуществом, а также достижению национальных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майминас Е.З. Социально-экономический генотип общества // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2016. № 4. С. 186–204.
2. Соловьев М.М., Кошкин Л.И. Проблемы оценки эффективности управления государственной собственностью // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. № 4. С. 32–46.
3. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы – Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин // М.: Издательство «Олита», 2004.
4. Горелад В.П. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности управления государственной собственностью и компаниями с государственным участием». <https://ach.gov.ru/checks/analiz-effektivnosti-upravleniya-gosudarstvennoy-sobstvennostyu-i-kompaniyami-s-gosudarstvennym-ucha>.
5. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ практики формирования и реализации в 2017–2018 годах и истекшем периоде 2019 года дивидендной политики при осуществлении от имени Российской Федерации прав акционера (участника) хозяйственных обществ, акции (доли) в уставных (складочных) капиталах которых находятся в федеральной собственности, и полномочий собственника имущества федеральных государственных унитарных предприятий при определении направлений распределения прибыли, остающейся после уплаты налогов и иных обязательных платежей федеральных государственных унитарных предприятий» // Бюллетень Счетной палаты РФ. Управление федеральным имуществом. 2020. № 8 (273).
6. Козлова С.В., Братченко С.А., Звягинцев П.С. Управление государственным имуществом в современной России: эволюция концепций, инструментов, механизмов: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2019.
7. Братченко С.А. Методологические подходы к определению цели управления предприятием // Менеджмент и бизнес администрирование. 2018. №4. С. 63–78.
8. Кондратьев Н.Д. План и предвидение. (К вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности) В кн.: Кондратьев Н.Д., Яковец Ю.В., Абалкин Л.И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика. 2002.
9. Винслав Ю.В. О противоречиях, ценностях и стимулах государственного управления // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2020. № 3. С. 4–22.
10. Свирина Л.Н. К вопросу оценки сущности и действенности мероприятий и инструментария реформирования госаппарата и институтов развития с целью повышения уровня их эффективности // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2021. №1. С. 25–33.
11. Блинова Т.В. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Стратегический аудит формирования и достижения показателей деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в 2017–2018 годах и истекшем периоде 2019 года» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2020. № 1. С. 5–37.

REFERENCES

1. *Mayminas E.Z.* Social and Economic Genotype of Society // Bulletin of Moscow University. Ser. 6. Economy. 2016. №4. Pp. 186–204. (In Russ.).
2. *Soloviyev M.M., Koshkin L.I.* Problems of assessing the efficiency of the management of state property // Management in Russia and abroad. 2008. №4. Pp. 32–46. (In Russ.).
3. Analysis of the processes of privatization of State property in the Russian Federation for the period 1993–2003 (expert-analytical event) / Head of the working group – Chairman of the Accounting Chamber of the Russian Federation S.V. Stepashin // M.: Publishing house «Olita», 2004. (In Russ.).
4. *Goreglyad V.P.* Report on the results of the expert-analytical event “Analysis of the efficiency of management of State property and companies with State participation”. <https://ach.gov.ru/checks/analiz-effektivnosti-upravleniya-gosudarstvennoy-sobstvennostyu-i-kompaniyami-s-gosudarstvennym-ucha>. (In Russ.).
5. Report on the results of the expert-analytical event «Analysis of the practice of formation and realization in 2017–2018 and the last period of 2019 of the dividend policy in the exercise of the rights of shareholder (participant) of economic companies on behalf of the Russian Federation, shares (shares) in the charter (stockholder) capital of which are federally owned and the powers of the owner of the property of the federal state unitary enterprises in determining the direction of distribution of profits, remaining after payment of taxes and other mandatory payments of federal unitary state enterprises» // Bulletin of the Accounting Chamber of the Russian Federation. Federal Property Administration. 2020. 8 (273). (In Russ.).
6. *Kozlova S.V., Bratchenko C.A., Zvyagintsev P.S.* State property management in modern Russia: evolution of concepts, instruments, mechanisms: Report. M.: Institute of Economics, RAS, 2019. (In Russ.).
7. *Bratchenko S.A.* Methodological approaches to defining the goal of enterprise management // Management and business administration. 2018. №4. Pp. 63–78. (In Russ.).
8. *Kondratiev N.D.* Plan and Foresight. (On the question of methods of preparing forward-looking plans for the development of the national economy and agriculture in particular). In: *Kondratiev N.D., Yakovec Y.V., Abalkin L.I.* The Great Cycles of Conjunction and the Theory of Foresight. Selected Works. M.: Economics. 2002. (In Russ.).
9. *Vinslav Y.V.* On contradictions, values and incentives of public administration // Management and business administration. 2020. №3. Pp. 4–22.
10. *Svirina L.N.* To the question of the evaluation of the essence and efficiency of the measures and tools of the reform of the state apparatus and development institutions with a view to increasing their efficiency // Management and business administration. 2021. №1. Pp. 25–33. (In Russ.).
11. *Blinova T.V.* Report on the results of the expert-analytical event «Strategic audit of the formation and achievement of the performance indicators of the Federal Executive Authorities, directed by the Government of the Russian Federation, in 2017–2018 and the past period of 2019» // Bulletin of the Accounting Chamber of the Russian Federation. 2020. №1. Pp. 5–37. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHORS

Kozlova Svetlana Vyacheslavovna – Doctor of Economic Sciences, Leading Scientific Associate, Head of Sector of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
svk1020@mail.ru

Bratchenko Svetlana Anatolievna – Candidate of Economic Sciences, Senior Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
svetlana.bratchenko@gmail.com

Svirina Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Economic Sciences, Senior Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
ludasvirina@mail.ru

Gribanova Olga Mikhaylovna – Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
erast707@gmail.com

EFFICIENCY AND QUALITY OF MANAGEMENT OF STATE PROPERTY IN THE CONTEXT OF NATIONAL GOALS

The achievement of national goals is now a central and primary objective of state governance, which calls for a fresh look at all other tasks of the governance, in particular, at the management of state owned property. In this regard, the efficiency and quality of state governance becomes particularly significant. The analysis of the effectiveness of the management of public property in the context of (the quality) of the management of national goals is the subject of this article. The objective is to take stock of the progress made in this area and to identify the most critical constraints to improved management efficiency and quality. The work shows that, the most important thing to improve the management of state property is to improve the system of performance indicators of state property, focusing them on achieving national goals. At the same time, transparency in the recording and completion of the inventory of state property, including the state treasury, are also important. In order to improve the quality of management of the Single Plan for Achieving National Goals, it is critical to drastically reduce the number of indicators, with a focus on developing a strategy for achieving each goal. The values of the target indicators should be not only desirable but also achievable. Both the efficiency and the quality of management depend to a large extent on the professionalism of the staff, so in personnel policies greater emphasis should be placed on competency, as well as on the alignment of the tasks assigned to the government employees, with the challenges facing the country.

Keywords: *quality of state governance, efficiency of state property management, key performance indicators, national goals, Unified Plan for achievement of national development goals of the Russian Federation, personnel policy, competency approach.*

JEL: D78, E02, E60, E61, H50, H82, H83, L32, L33, L38.

А.В. ОДИНЦОВА

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ГОРОДСКИЕ АГЛОМЕРАЦИИ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ В РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы развития агломераций в Российской Федерации. На основе анализа мирового опыта этой формы пространственной организации формулируются и оцениваются основные проблемы институционализации городских агломераций в России. Рассматривается практический опыт ряда регионов страны в формировании и развитии агломераций. Делается вывод о том, что городские агломерации, являясь формой межмуниципального сотрудничества, часто рассматриваются в качестве еще одного уровня общей системы публичной власти. Выделены основные этапы, связанные с попыткой нормативного регулирования развития агломераций. Предлагается рассматривать городские агломерации в качестве одной из форм межмуниципального сотрудничества, что требует принятия соответствующего закона.

Ключевые слова: *городские агломерации, крупные городские агломерации, межмуниципальное сотрудничество, пространственное развитие, регион.*

JEL: H70, R11, R58.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_57_79.

Последние десятилетия были отмечены резким увеличением как количества агломераций, так и численности проживающего на их территории населения, что позволяет говорить о превращении агломераций в один из определяющих элементов пространственной организации в жизни современного общества. Городские агломерации, став важнейшей составляющей пространственной архитектуры многих стран, являются институтом, определяющим эффективность не только пространственного, но и социально-экономического развития в целом.

Эта тенденция не обошла и Российскую Федерацию. На сегодняшний день в стране насчитывается свыше 40 крупных и крупнейших городских агломераций. В большинстве из этих агломераций наблюдается стабильная тенденция увеличения численности населения, которая устойчиво возрастает с начала 2000-х годов, и в настоя-

щее время превысила 73 млн человек¹. Исключение составляет лишь 2020, «коронакризисный», год: из 17 городов-миллионников прирост населения был отмечен только в шести – в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Ростове-на-Дону и Краснодаре².

Социально-экономической основой формирования агломераций является общемировая тенденция расширения и усиления связей крупных населенных пунктов (городов) с прилегающими к ним населенными пунктами. Эти связи упрочились до такой степени, что их игнорирование не позволяет адекватно оценить роль данных территорий в социально-экономическом развитии страны.

Реформы территориального управления, прошедшие в большинстве стран мирового сообщества, за несколько десятилетий изменили их территориальную архитектуру. На сегодняшний день законы, регулирующие развитие института агломераций (хотя он и имеет разное содержание), действуют во многих странах. В этом отношении Россия представляет исключение. Несмотря на то что исследователи уже давно отмечают агломерационные тенденции и, более того, на территории страны уже существует несколько агломераций, имеющих свои стратегии, федерального закона или каких-либо других нормативных актов, регулирующих процесс формирования и функционирования института агломераций, до сих пор нет.

Отсутствие федерального законодательного регулирования развития агломераций имеет множество отрицательных последствий. Одним из основных является невозможность выработки на федеральном уровне единого подхода не только к определению агломераций, но и к институционализации единого и непротиворечивого подхода в рамках общефедеральной политики, в результате чего невозможно сформировать механизмы поддержки (в т. ч. финансовой) этого современного для пространственной организации института.

Анализ мирового опыта институционализации агломераций показывает, что в большинстве стран данный институт представляет собой одну из форм межмуниципального взаимодействия (сотрудничества). В России же агломерации в большинстве случаев, по сути,

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года / Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

² Полагаем, что основной причиной здесь (помимо увеличения коэффициента смертности в условиях ковида) стало снижение рождаемости, что подтверждает и статистика зарубежных стран. Так, заметное снижение коэффициента рождаемости зафиксировано в Италии – 9,1% по сравнению с прогнозами на основе показателей прошлых лет. «Антирекорды» по количеству рождений зафиксированы в Венгрии (–8,5%), Испании (–8,4%), Португалии (–6,6%). В США рождаемость уменьшилась на 7,1% по сравнению с 2019 г. [1].

являются институционализацией еще одного уровня государственного управления.

Не является исключением здесь и подход, предложенный в Стратегии пространственного развития Российской Федерации. Так, несмотря на то что агломерации определяются в ней как перспективная форма межмуниципального сотрудничества, из текста Стратегии становится очевидным, что в развитии агломераций определяющую роль играют региональные и федеральные органы государственной власти.

Определенные надежды связаны с внесением в 2021 г. в Правительство Российской Федерации проекта федерального закона о городских агломерациях³. На основе обобщения имеющегося мирового и российского опыта законопроект фиксирует совокупность целевых установок в развитии этой формы пространственной организации. По информации Минэкономразвития России, подготовлены еще 2 законопроекта, которые корректируют смежные законы и вносят изменения в ГК РФ в связи с развитием межмуниципального сотрудничества в агломерациях. Законопроекты конкретизируют положения о порядке и содержании межмуниципальных соглашений, а также предусматривают особенности учреждения и управления деятельностью межмуниципальных хозяйственных организаций [2].

Остановимся более подробно на вышеуказанных проблемах. Рассмотрим, что представляют собой городские агломерации, какие преимущества для пространственного развития они несут, каких ошибок следует избегать при определении механизмов их формирования и развития.

Городские агломерации как современный институт пространственного развития

Предпосылкой формирования агломераций являются общие процессы урбанизации, результатом которых стал рост количества городов (в т. ч. крупных и сверхкрупных). Вызванное промышленной революцией распространение фабричного производства и развитие промышленности привело и к увеличению притока рабочей силы в города, а затем и к неизбежному сближению городов и пригородных населенных пунктов, к формированию и развитию необходимой для этого инфраструктуры.

Этот процесс к середине XX в. превратился в общемировую тенденцию, каковой остается и в настоящее время. Так, по мнению экспер-

³ Проект Федерального Закона «О городских агломерациях», подготовлен Минэкономразвития России от 04.09.2020. <https://base.garant.ru/56845457> (дата обращения: 20.09.2021).

тов McKinsey, «Урбанизация станет одной из крупнейших движущих сил глобального экономического роста в этом столетии» [3]. По их прогнозам, уже сейчас на долю 600 крупнейших городов приходится больше половины мирового ВВП, или \$30 трлн. Ожидается, что с 2007 по 2025 г. совокупный объем ВВП 600 городов увеличится на \$34 трлн, что обеспечит более 60% прироста глобального ВВП.

На современном этапе концентрация населения в крупных городах привела к появлению городских агломераций. По мнению тех же экспертов, в ближайшие годы самыми продуктивными будут топ-100 городов, на которые придется 35% роста мирового ВВП (и 38% объема мирового ВВП). К 2030 г. в мире будет 41 мегаполис, в котором будет жить 720 млн человек. Наиболее показательным примером здесь может служить Япония, где в столичной агломерации с центром в г. Токио сегодня проживает около 38 млн человек или треть населения страны.

Та же тенденция отмечается и в России, где 42% населения проживают в городах, насчитывающих свыше 250 тыс. жителей, и еще 17% – в зонах функционального влияния этих городов. То есть около 60% общего числа жителей страны сосредоточены на этих высокоурбанизированных территориях [4].

Несмотря на то что агломерации стали значимым институтом в пространственном развитии современных государств лишь со второй половины XX в., сам термин «агломерация» был введен в оборот еще в 1899 г. Его «автором» стала А. Феррин, которая в работе «Рост городов в XIX столетии» дала глубокий анализ целой совокупности проблем концентрации населения в разных городах мира. В качестве факторов этой концентрации А. Феррин выделила технический прогресс, развитие торговли, углубление территориального разделения труда и др. [5].

Среди ученых, исследовавших процесс формирования и развития агломераций в XX в., следует выделить М. Руже. Рассматривая данный институт с позиций расселения, французский географ особо указывал на роль концентрации городских видов деятельности в качестве важнейшей предпосылки формирования агломераций. На определенном этапе и при определенных условиях эта концентрация выходит за пределы административных границ и распространяется за соседние населенные пункты [6]. Это, по мнению М. Руже, и становится важнейшей предпосылкой формирования агломераций как новой формы расселения и размещения экономической деятельности.

Нельзя не отметить и роль в разработке этого вопроса исследований А. Маршалла. Несомненно, именно он впервые обосновал наличие агломерационных эффектов от концентрации экономической деятельности, выделив важнейшие внешние эффекты агломерации:

взаимодействие на рынке труда; связи между поставщиками и потребителями; обмен знаниями и опытом и др.

Таким образом, концентрация населения и экономической деятельности вокруг городов наблюдается уже в течение нескольких веков. Однако за последние 100, а особенно за 50 лет, этот процесс резко усилился как в количественном, так и в качественном отношении. В настоящее время нельзя говорить о городе в том смысле, в каком он был определен в концепции Вебера – в качестве территориально-интегрированной социально-экономической системы. Природа города трансформировалась, и сегодня все чаще говорят не просто о городах, а об агломерациях.

В настоящее время можно выделить несколько подходов к определению сути агломерации, каждый из которых основан на разных ценностных категориях (демократия, эффективность, равенство, конкурентоспособность). Так, одни исследователи считают, что агломерация должна обеспечивать перераспределение богатства и благ среди населения (принцип равенства), другие (примером может служить школа общественного выбора) придерживаются позиции, согласно которой агломерации не являются пространством реализации общего блага; последнее, по их мнению, может быть реализовано лишь на муниципальном уровне. Сторонники данного подхода исходят из того, что фундаментальной ценностью в данном отношении являются небольшие размеры муниципалитета: именно здесь население имеет возможность выбирать место жительства в соответствии с услугами, оказываемыми муниципалитетом, оплачивать получаемые услуги и голосовать в соответствии с уровнем удовлетворенности своих потребностей [7].

Наконец, новый регионализм придерживается промежуточной позиции, согласно которой агломерация рассматривается в качестве такого пространства, где должно быть обеспечено устойчивое и жизнеспособное развитие всех его составляющих. При этом агломерация рассматривается в определенной степени как самостоятельное и независимое от государства пространство, важнейшей целью которого является обеспечение своей конкурентоспособности по отношению к другим агломерациям и метрополиям [7]. Приведенные различия, скорее, относятся к нормативным высказываниям и представляют собой попытку формирования неких теоретико-методологических подходов к анализу агломерационных тенденций. Однако ограничение анализа лишь нормативными суждениями в экономике, как правило, приводит к выводам, которые неадекватно отражают реальные социально-экономические процессы. Не является исключением здесь и вопрос о развитии агломераций.

При разных подходах к сути агломерации в разных странах используются и разные понятия, отражающие пространственные единицы, границы которых выходят за рамки административных границ отдельного города (муниципального образования). Разнятся и показатели

количества населения, позволяющие отнести ту или иную пространственную единицу к подобным образованиям.

Так, например, в Канаде используется понятие «метрополитенский район» (*région métropolitaine*), в США – «метрополитенский ареал» (*metropolitan area*); в Великобритании – «городские ареалы» (*Urban areas*), во Франции, – урбанистическое сообщество (*communauté urbaine*) для агломераций с численностью населения более 500 тыс. и «агломерационное сообщество» (*communautés d'agglomération*) для территорий, где проживает более 50 тыс. жителей⁴. Помимо различий в названиях отсутствуют и единые критерии для определения не только состава, но и границ данных пространственных образований.

Вместе с тем, несмотря на все эти различия, общим является то, что анализ агломераций связан с выделением территорий и населенных пунктов, взаимосвязанных в результате установления устойчивых и многосторонних (социальных, экономических, хозяйственных) связей и имеющих общую инфраструктуру. Все это дает нам основание при анализе названных тенденций объединить их в понятие «институт агломерации».

Анализ процесса формирования и развития агломераций показывает, что агломерации (или мегагорода, как их иногда называют) различаются по своей природе и содержанию. В случае, когда речь идет о столице государства, их лидерство в иерархической иерархии очевидно. Так, например, в каждом из таких городов-агломераций, как Лондон, Париж, Мехико, Сеул, Бангкок, Тегеран и др., сосредоточено от 15 до 20% населения страны, и еще значительно большая доля от общей численности городского населения. Некоторые мегагорода хотя и не являются столицами, но включены в достаточно широкую и иерархизированную национальную городскую структуру. В данном случае можно привести пример Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло в Бразилии, Нью-Йорк и Лос-Анжелес в США. Наконец, к третьему варианту относятся агломерации, сформированные изначально в результате расширения и углубления связей с периферией, с крупными густонаселенными сельскими территориями, объединяющими население всей соответствующей территории, с последующей в дальнейшем институционализацией отношений.

Какую бы форму агломераций мы ни взяли, можно выделить некоторые общие моменты, позволяющие рассматривать их в качестве особого пространственного института.

Прежде всего, агломерации являются результатом и фактором расширения внутреннего рынка отдельных территорий, роста каче-

⁴ Далее, для выявления основных тенденций рассматриваемой формы пространственного развития мы будем применять понятия «агломерация» или «агломерационное сообщество».

ства человеческого капитала, формирования современной городской среды. Агломерации предполагают и обеспечивают развитие современной и качественной социальной и инженерной инфраструктуры, способствуют привлечению инновационного потенциала, росту предпринимательской активности. Все это не только способствует ускоренному развитию территории конкретной агломерации, но становится важнейшим фактором повышения общенациональных темпов социально-экономического развития, в том числе, и прежде всего, – высокотехнологичных и наукоемких отраслей обрабатывающей промышленности и сферы услуг по сравнению с остальными территориями [8]. В свою очередь возможность получить более высокий уровень жизни становится дополнительным фактором притяжения населения, причем не только с соседних, но и с более отдаленных территорий страны.

Таким образом, формирование и развитие агломераций оказывает существенное воздействие на пространственное развитие государства. Прежде всего речь идет о том, что в рамках данного института ограничивается конкуренция между его центром и примыкающими к нему муниципальными образованиями. Наличие общей стратегии развития агломерации (в случае, если она разрабатывается) заставляет все входящие в нее территориальные составляющие работать на единый результат, задействуя все потенциальные возможности агломерационного развития.

Следует отметить и то, что при объединении муниципальных образований в рамках агломерации, при сохранении их самостоятельности в рамках закрепленных за ними полномочий, происходит, в определенной степени, стирание или преодоление ранее установленных жестких формальных административных границ. Это, облегчая миграцию капитала, способствует и более эффективному размещению производительных сил субъектов экономики и касается как предприятий, производящих продукцию на основе использования конкурентных преимуществ конкретной территории, так и объектов инфраструктуры. В современных условиях инфраструктура является важнейшим фактором, обеспечивающим формирование социально-экономических предпосылок воспроизводства рабочей силы и проживающего на данной территории населения в целом.

Подобное размывание административных границ обуславливает собой и расширение социально-экономической основы пространственного стратегирования. Появляется возможность реализации крупных межмуниципальных проектов на основе совместного (межмуниципального) финансирования. Речь, прежде всего, идет об объектах социальной, транспортной и производственной инфраструктуры. Реализация таких проектов на межмуниципальной основе создает

предпосылки для повышения эффективности бюджетного планирования, более сбалансированного развития всех поселений, входящих в агломерацию, способствуя сокращению дифференциации в социально-экономическом развитии отдельных территорий (в том числе муниципальных образований) страны. Это, безусловно, способствует эффективному решению вопросов развития городской среды и многих вопросов социального характера. В рамках агломерации формируется единое кадровое и трудовое пространства, что несомненно, оказывает позитивное влияние на трудоустройство населения.

Отличительной особенностью городских агломераций, определяющих их специфику относительно традиционных форм расселения, является подвижность их границ. Фактором этой мобильности является расстояние ежедневной миграции (передвижения) населения, вынужденного преодолевать его для того, чтобы добраться от места жительства до рабочего места. Это расстояние не является неизменным, оно связано как с историческими, так и социально-экономическими условиями страны. При этом здесь важнейшим, определяющим фактором, является скорость транспорта, развитие интернета и пр. Дальность расстояния миграции и пр. передвижений населения увеличивается вместе с увеличением скорости транспорта.

Говоря об объективности процесса формирования и развития института агломерации, следует отметить, как позитивные, так и негативные экстерналии, обусловленные общим процессом урбанизации. Так, наряду с несомненно позитивными моментами (такими как снижение издержек, кумулятивные эффекты, создание и распространение инноваций и пр.) наблюдаются и негативные экстерналии (например, отток населения из периферийных территорий региона, ухудшение экологической составляющей развития агломерации, транспортные проблемы и т. д.).

Институт агломераций имеет последствия не только моноцентричного характера. Агломерации, обуславливая рост потребления потребительских товаров и производственных ресурсов, создают благоприятные условия как для развития внутриагломерационного рынка, так и для расширения товарооборота с другими территориями и регионами. Ведь, очевидно, что спрос в рамках отдельной агломерации не может быть удовлетворен исключительно товарами, производимыми на территории самой агломерации. Часть спроса удовлетворяется за счет товаров, производимых на территории других регионов. А значит развитие крупных агломераций приводит и к увеличению рабочих мест в других регионах. Так, например, Московская агломерация, благодаря значительному торговому обороту с регионами РФ (38,9 млрд долл. США), обеспечивает создание почти 3,5 млн рабочих мест по всей России [9].

Мировой опыт формирования и развития городских агломераций: опыт Франции

Анализ мирового опыта формирования и развития рассматриваемой формы пространственной организации указывает еще на один важный момент, учет которого представляется важным для процесса институционализации городских агломераций в России.

Городские агломерации во многих странах рассматриваются в качестве одной из форм межмуниципального сотрудничества, обеспечивающей взаимодействие муниципальных образований в экономической, политической, социальной, инфраструктурной и пр. областях. Как и в случае других форм межмуниципального сотрудничества, здесь используются как ассоциативные и договорные формы, так и, что особенно важно, хозяйственные.

Остановимся в этой связи на опыте Франции. Эта страна имеет богатый исторический опыт межкоммунального взаимодействия. Более того, здесь существуют не только крупные и крупнейшие агломерации, но и агломерации средние и достаточно мелкие. Так, законом предусмотрена возможность формирования агломерационных сообществ, урбанистических сообществ и метрополий. Остановимся коротко на специфике каждой из этих форм.

Агломерационные сообщества отличаются относительно небольшими размерами (они объединяет территории с численностью более 50 тыс. жителей). Часть компетенций агломерационные сообщества реализуют самостоятельно, часть – совместно с входящими в них коммунами. Речь идет о таких вопросах, как создание хозяйственных обществ, о туризме, о политике урбанизма, снабжении питьевой водой и пр.

Урбанистические сообщества представляют собой объединения коммун с численностью населения более 250 тыс. жителей. Эта агломерационная форма межкоммунального сотрудничества выполняет более широкий круг обязательных компетенций, нежели агломерационное сообщество. Для реализации своих полномочий они получают от государства дополнительные дотации (в среднем в размере 5–6 млн евро).

Наиболее молодой формой рассматриваемого института являются метрополии, статус которых был введен в 2014 г. в ходе очередной реформы территориального управления. Подобный статус был присвоен 22 городам с прилегающими к ним муниципальными образованиями. Целью проводимой в то время реформы территориального управления стало повышение эффективности деятельности публичных органов власти и ее большая адаптация к потребностям населения. Для выполнения этой двойной задачи на метрополии были

возложены более широкие полномочия, некоторые из которых они выполняют совместно с департаментами (в сфере социального развития, и в частности, – высшего образования) и районами (в сфере экономического развития).

Подобная множественность форм агломерационного межмуниципального сотрудничества никоим образом не понижает статуса муниципальных образований. Именно они остаются тем институтом, к которому обращаются граждане для решения своих повседневных проблем.

Заслуживает внимания тот факт, что ориентация пространственного развития на современные агломерационные формы пространственного развития не оставляет без внимания и судьбу малых и средних городов.

На сегодняшний день во Франции в средних городах (от 10 000 до 100 000 тыс. жителей) проживает около четверти населения страны. Показатели безработицы в 82% средних городов превышают средние показатели по стране. Более детальный анализ положения средних городов позволяет выделить среди них 3 группы. Так, одни из них имеют возможность интегрироваться в процессе метрополизации вследствие их близости к какой-либо метрополии (центру агломерации). Другие – имеют возможность черпать ресурсы для своего развития из близлежащих сельских территорий, в определенной степени опустошая их (как в плане природных ресурсов, так и в отношении рабочей силы). Наконец, в городах третьей группы отчетливо проявляются последствия деиндустриализации, и именно здесь возникают самые серьезные проблемы.

Очевидно, что средним городам гораздо сложнее адаптироваться к кризисным условиям. Однако предпринимаемые в стране шаги дают определенные результаты. В 2011 г. сформирована Федерация средних городов. Помощь средним городам оказывается и со стороны государства.

Одной из значимых программ стала запущенная в 2017 г. государством Программа «Сердце города», в которой участвует 222 города страны. Реализация данной программы предполагает участие в ней не только профильного министерства, но и, что заслуживает особого внимания, Министерства культуры (в плане сохранения архитектуры и наследия), а также трех национальных финансовых институтов (Территориального банка, Национального агентства по жилищному строительству и Банка недвижимости). Программа направлена на создание благоприятных условий для разработки и реализации инновационных проектов городского развития, адаптированных к рыночным условиям и местным потребностям, способствующих решению экологических проблем и социальной интеграции. При этом особое зна-

чение уделяется сохранению архитектурного наследия и природного равновесия [10]. Среди важнейших задач Программы: побудить субъекты в сфере жилищного строительства, торговли и политики городского развития реинвестировать в развитие средних городов, создавать благоприятные условия для поддержки различных видов экономической деятельности в центре городов, а также и для улучшения условий жизни в средних городах в целом. На реализацию программы было выделено 5 млрд евро сроком на 5 лет.

Иначе говоря, речь идет о том, чтобы, ориентируясь в целом на агломерационные формы пространственной организации, уделять необходимое внимание и средним городам, не ущемляя их и сохраняя их природное и архитектурное наследие.

Агломерации в России: проблемы и противоречия

Россию не обошла стороной тенденция распространения городских агломераций. На сегодняшний день в России их насчитывается свыше 40. Выделяются 6 агломераций-миллионников (это центры макрорегионов, опорные точки развития страны; 29 агломераций регионального значения, где ядром являются города – центры субъектов Российской Федерации; и наконец, 10 агломераций внутрирегионального (локального) значения, где ядром являются города, не являющиеся центрами субъектов Российской Федерации) [11]. Таким образом, на территории некоторых субъектов Федерации (например, в Новосибирской области) встречаются не только крупные, но и более мелкие агломерационные образования.

Более того, в ряде регионов уже утверждены концепции развития агломераций, приняты региональные законы, регулирующие эту форму пространственного развития. Идет процесс подписания муниципальных соглашений о взаимодействии, направленных на расширение базы агломерационного развития.

Так, региональные законы об агломерациях уже действуют в Белгородской, Нижегородской, Новосибирской, Томской, Челябинской областях, Приморском крае. Однако существующие региональные законы, в своем большинстве, недостаточно проработаны, их основная цель – заострить внимание на проблеме агломераций. В определенной степени выделяется на общем фоне Нижегородская область, где имеется не только региональный закон, но действует и соответствующее министерство.

В некоторых субъектах РФ, в отсутствие региональных (и федерального) законов, агломерационная проблематика отражена в их стратегиях социально-экономического развития. В данном случае примерами могут служить стратегии Удмуртской, Чувашской республик,

Республик Татарстан, Дагестан, Кировской, Волгоградской, Ярославской, Ульяновской, Белгородской, Нижегородской, Ростовской, Свердловской, Новосибирской, Томской, Самарской, Челябинской областей, Краснодарского, Приморского, Красноярского, Ставропольского, Алтайского краев, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [12].

Несмотря на накопленный многими регионами опыт институционализации агломераций, отсутствие общенационального закона приводит к определенной двойственности и противоречивости. Причем эта двойственность проявляется как в вопросе определения природы агломераций, так и в выработке механизмов их формирования и развития.

С одной стороны, в соответствии с общемировыми тенденциями природа агломераций связывается с практикой межмуниципального сотрудничества. Для примера можно привести Закон Белгородской области о развитии агломераций, в ст. 2 которого отмечается, что «Определение границ агломерации осуществляется органами местного самоуправления муниципальных образований в договорах (соглашениях), заключаемых ими в рамках осуществления межмуниципального сотрудничества. ... Органы государственной власти Белгородской области содействуют развитию межмуниципального сотрудничества, оказывают поддержку агломерациям...»⁵.

С другой стороны, просматривается желание превратить агломерации в дополнительный уровень государственного управления. В том же Законе отмечается, что в целях развития агломераций органы государственной власти Белгородской области осуществляют разработку и реализацию стратегии социально-экономического развития агломерации. Все это позволяет сделать вывод о том, что определение целей развития агломераций, их стратегий в значительной степени находится в компетенции региональных органов публичной власти. Перечень полномочий этих органов также работает на этот вывод. Так, среди таких полномочий выделяются: создание уполномоченного органа по развитию агломераций; координационных, совещательных органов в сфере развития; агломераций; разработка и утверждение государственных программ; прогноза социально-экономического развития; стратегии социально-экономического развития соответствующих субъектов РФ в сфере развития агломераций.

В Нижегородской области, где, как отмечалось, помимо закона об агломерации создано и Министерство градостроительной деятельности и развития агломераций Нижегородской области, на законода-

⁵ Закон Белгородской области о развитии агломераций в Белгородской области. Принят Белгородской областной Думой 18 февраля 2016 г.

тельном уровне предусматривается, что в сфере градостроительства, региональное правительство забирает часть полномочий органов МСУ по градостроительному зонированию, по планировке территорий, архитектурно-строительному проектированию, строительству и реконструкции объектов капитального строительства. Также правительство берет на себя полномочия в сфере земельных отношений по утверждению схемы расположения земельных участков и государственности, которые не разграничены и не отражены в кадастровом плане. За органами самоуправления остаются лишь полномочия по предоставлению права развития застроенных территорий.

Анализ существующих региональных законов о развитии агломераций позволяет сделать вывод о том, что власти субъектов РФ рассматривают данный институт в качестве еще одного уровня (агломерационного) государственного управления, что, несомненно, ограничивает полномочия местного самоуправления [13].

Ущемление прав местного самоуправления в сфере развития агломераций можно проследить, анализируя состав координационных советов (КС), которые уже созданы в ряде субъектов РФ⁶. Большинство в этих органах, как правило, принадлежит представителям региональных органов публичной власти (исключение – КС по развитию Новосибирской агломерации).

Например, координационный совет по развитию Саратовской агломерации состоит из 19 человек, 10 из которых представляют органы государственной власти⁷, 9 – органы местного самоуправления, и 4 – прочие участники. Сопредседательный орган Барабинско-Куйбышевской агломерации состоит из 28 человек, 18 из которых представляют региональные органы власти, 9 – органы местного самоуправления и 1 – прочие.

Аналогичный подход просматривается и в подготовленном Минэкономразвития РФ Проекте Федерального Закона «О городских агломерациях». В соответствии со ст. 6 Проекта к полномочиям органов местного самоуправления в сфере развития городских агломераций относится лишь *участие* (выделено нами) органов местного самоуправления в формировании межмуниципальных координационных советов, создаваемых в целях координации развития городских агло-

⁶ Такие КС созданы, например, в Ростовской, Новосибирской, Старооскольско-Губкинской, Барабинско-Куйбышевской, Владивостокской, Саратовской, Самарско-Тольяттинской, Белгородской, Ульяновско-Димитровградской, Челябинской агломерациях.

⁷ Так, в состав Совета входит заместитель руководителя аппарата губернатора области, Министр природных ресурсов и экологии области, Министр экономического развития области, министр транспорта и дорожного хозяйства и др.

мераций⁸. Никакой гарантии того, что степень этого участия позволит представителям муниципальных образований хоть как-то влиять на принимаемые решения, нет.

Подобная ситуация во многом порождена отсутствием четко выработанной позиции относительно природы агломераций. К тому же в разных странах используются разные критерии их институционализации. Как отмечает А.Н. Швецов, среди общепринятых подобных критериев можно выделить: непосредственное примыкание густонаселенных территорий (городов, поселков, поселений) к основному городу (ядру города) без существенных разрывов в застройке; площадь застроенных (урбанизированных) территорий в агломерации превышает площадь сельскохозяйственных угодий и лесов; массовые трудовые, учебные, бытовые, культурные и рекреационные поездки (маятниковые миграции) охватывают заметную (не менее 10–15%) часть трудоспособного населения, проживающего в городах и поселениях агломерации. Несколько иные критерии предлагает Е.Н. Перцик. По его мнению [15], важнейшими критериями являются: плотность городского населения и непрерывность застройки; наличие большого города-центра (как правило, с населением не менее 100 тыс. человек); интенсивность и дальность трудовых и культурно-бытовых поездок; удельный вес несельскохозяйственных рабочих; доля работающего населения вне места жительства; количество городских поселений-спутников и интенсивность их связей с городом-центром; число телефонных разговоров с центром; производственные связи; связи по социально-бытовой и технической инфраструктуре (единые инженерные системы водоснабжения, энергоснабжения, канализации, транспорта и пр.).

Без сомнения, многие из выделенных критериев важны. Однако в большинстве случаев игнорируется один, весьма важный с социально-экономической точки зрения фактор. Как было отмечено выше, городская агломерация представляет собой одну из форм межмуниципального сотрудничества. Об этом говорит нам мировой опыт, это, в определенной степени, стараются учесть и в своей нормативно-законодательной деятельности субъекты РФ.

В этом отношении, заслуживает внимания позиция А.Н. Швецова, согласно которой важнейшей особенностью городских агломераций, как объектов управления, является то, что они одновременно являются объектом управленческих воздействий как органов местного самоуправления, так и органов государственного управления [16]. С одной стороны, агломерацию образуют муниципальные образования (это касается как крупных городов, так и небольших посе-

⁸ Проект Федерального закона «О городских агломерациях». Подготовлен Минэкономразвития России // www.consultant.ru

лений). С другой стороны, агломерация представляет собой более сложный объект управления, нежели отдельные (даже объединенные) муниципалитеты, она предполагает и возможность ее включения в крупные региональные и федеральные инфраструктурные проекты. А значит для их эффективного развития требуется и более масштабное ресурсное и административное обеспечения, которое часто не под силу уровню муниципальной публичной власти. И в этом, несомненно, – объективная основа федерального вмешательства и участия в их деятельности.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что городская агломерация представляет собой сложный объект управления, что неизбежно требует объединения ресурсов и полномочий нескольких уровней публичной власти: местного самоуправления, регионального и федерального уровней.

Проблемы нормативно-правового регулирования развития городских агломераций в России

На сегодняшний день в России накоплен достаточно широкий практический опыт в формировании и развитии городских агломераций. На этом фоне процесс их институционализации на федеральном уровне явно запаздывает.

По сути, вопрос о развитии агломераций ставится лишь в Стратегии пространственного развития Российской Федерации (далее - Стратегия)⁹. Вопрос о необходимости урегулирования правового статуса городских агломераций неоднократно ставился Общероссийским конгрессом муниципальных образований. По словам председателя Конгресса В. Кидяева, «нам нужен закон, дающий возможность создавать агломерации и управлять ими на межмуниципально-договорной основе. Нужно сделать агломерации магнитом для притяжения экономических проектов не только в Центре, а на всей территории» [17]. В текущем году в Минэкономразвития России разработан проект федерального закона о городских агломерациях.

Оценивая Стратегию пространственного развития РФ с точки зрения отражения в ней необходимых моментов институционализации городских агломераций, отметим, что хотя развитие агломераций и представлено в Стратегии в качестве ключевого приоритета государственной региональной политики, однако внимание сконцентри-

⁹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 год. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. <http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf>.

ровано исключительно на роли в пространственном развитии страны крупных и крупнейших агломераций.

Вместе с тем, как показывает не только мировой опыт, но и накопленная практика нашей страны, объективные тенденции современного пространственного развития приводят к появлению как крупных и крупнейших агломераций, так и более мелких, требующих к себе отнюдь не меньшего внимания. Иначе говоря, необходим дифференцированный подход, позволяющий выделить несколько типов агломераций с соответствующими каждому типу механизмами формирования, регулирования и управления.

Подобная позиция встречается и на федеральном уровне. Так, первый зампредела Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера А. Шевченко заявил о недопустимости приписывания роли главных драйверов пространственного развития страны лишь крупным и крупнейшим городским агломерациям. По его словам, «для более равномерного и эффективного развития нашей страны с учетом ее огромной территории и демографических особенностей, сложившейся системы расселения, необходимо развивать и агломерации с населением менее 500 тысяч человек. Следует закрепить в Стратегии пространственного развития понятия и критерии для средних городских агломераций с общей численностью населения менее 500 тысяч человек и малых – 100–250 тысяч» [18].

Впервые проблема необходимости развития городских агломераций была обозначена в 2008 г. в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 г., где было зафиксировано, что «...важнейшее значение будет иметь «инфраструктурный эффект» формирования городских агломераций, связанный с реализацией проектов строительства новых энергомошностей, крупных транспортных комплексов, мультимодальных логистических центров и информационных узлов, образовательной и инновационной инфраструктуры»¹⁰.

Следующий этап связан с Прогнозом долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г., разработанным Минэкономразвития России в 2013 г. В документе отмечалось, что «базовой тенденцией пространственного развития России является усиление концентрации человеческого капитала, инфраструктуры, ресурсов будущего в крупных городах и формирование 20 агломераций с численностью населения более 1 млн человек. Данные

¹⁰ Концепция долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // СЗ Российской Федерации. 2008. № 47. Ст. 5489.

агломерации будут способны выполнять специализированные интернациональные функции в мировом разделении труда, станут локомотивами роста, развивая новые инновационные кластеры»¹¹. В то время речь шла главным образом о Московской и Санкт-Петербургской агломерациях. Однако планировалось и создание дополнительных стимулов к развитию агломерационных образований, обеспечив при этом усиление самостоятельности (в т. ч. бюджетной) органов местного самоуправления.

Наконец, в 2019 г. была утверждена Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, где зафиксировано, что концентрация населения и экономики в крупнейших формах расселения, среди которых важнейшее место занимают крупнейшие агломерации, относится к важнейшим общемировым тенденциям. Концентрация научной, научно-технической и инновационной деятельности в крупных городских агломерациях и крупнейших городских агломерациях отнесена в Стратегии к наиболее существенным изменениям в пространственной организации российской экономики. Одновременно низкий уровень комфортности городской среды, предпринимательской активности, несбалансированное пространственное развитие большинства крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций признается в качестве одной из основных проблем пространственного развития страны.

В Стратегии поднимается вопрос и об агломерациях в качестве одной из форм межмуниципального сотрудничества. Подобное положение, казалось бы, должно разрешить вопрос о разграничении компетенций между Федерацией, регионами и местным самоуправлением. Однако далее в Стратегии отмечается, что обеспечение сбалансированного пространственного развития территорий, входящих в состав городских агломераций, предполагается за счет содействия межмуниципальному взаимодействию в целях формирования документов стратегического планирования, формирования единой градостроительной политики, решения общих социально-экономических проблем, в том числе инфраструктурных и экологических. И это в целом верно. Вопрос вызывает своеобразный логический «переворот». Действительно, важнейшим фактором сбалансированного пространственного развития является содействие межмуниципальному сотрудничеству. Но то что сбалансированное развитие является средством формирования документов стратегического планирования, формирования единой градостроительной политики и т. п., звучит, по

¹¹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России). <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf>.

крайней мере, странно. Полагаем, что здесь нарушена логика. Именно стратегическое планирование совместно с градостроительной политикой представляет собой институт, способствующий сбалансированному развитию территорий различного уровня, в том числе и муниципальных образований.

Следующий вопрос, который, на наш взгляд напрашивается из текста Стратегии: почему, зафиксировав в качестве важнейшей цели сокращение разрыва в уровнях социально-экономического развития различных территорий, Стратегии сосредоточена на развитии крупных и крупнейших агломераций? Ведь крупные и крупнейшие агломерации, которые рассматриваются в Стратегии в качестве точек роста, и так являются центрами притяжения населения, инвестиций, экономической активности. Политика пространственного развития, нацеленная на их развитие и процветание, приведет лишь к дальнейшей, еще более глубокой дифференциации территорий.

В настоящее время в России насчитывается более 1 тыс. городов, из которых больше половины – это малые города с численностью населения до 50 тыс. человек [19]. Как известно, важнейшей тенденцией последних десятилетий стала миграция населения малых и средних городов в более крупные города. А значит в Стратегию пространственного развития необходимо включить и совокупность механизмов, стимулирующих развитие малых, средних, а также моногородов России.

Оценим с этих позиций содержание предложенного Минэкономразвития проекта закона об агломерациях. В пояснительной записке к названному закону справедливо отмечается, что «в настоящее время возможности для развития городских агломераций ограничены в силу правовой неурегулированности вопросов их формирования и функционирования. Отсутствует единообразный подход к определению понятия и критериев городской агломерации. Это ведет к неопределенности правоприменения и снижению эффективности управления городскими территориями» [20]. Несомненно, положительной стороной названного законопроекта является то, что в нем предложено узаконить понятие «городская агломерация», которая рассматривается в качестве территории городского округа или города федерального значения, объединенная с территориями других муниципальных образований устойчивыми социальными, экономическими и хозяйственными связями.

Как считают разработчики законопроекта, его принятие позволит сформировать необходимую правовую основу для объединения ресурсов муниципальных образований, Российской Федерации и субъектов РФ, например, при реализации крупных инфраструктурных проектов, строительства и эксплуатации новых социально-культурных и бытовых объектов для населения.

Так, согласно ст. 6 указанного законопроекта, к полномочиям органов местного самоуправления в сфере развития городских агломераций относятся:

- 1) участие в совместном решении вопросов местного значения муниципальных образований, входящих в состав территории городской агломерации;
- 2) участие в подготовке проектов межмуниципальных соглашений;
- 3) участие в создании (учреждении) межмуниципальных компаний и управлении их деятельностью;
- 4) участие в формировании межмуниципальных координационных советов, создаваемых в целях координации развития городских агломераций;
- 5) иные полномочия, предусмотренные настоящим федеральным законом, иными федеральными законами и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

При этом, как указывается в пояснительной записке к документу, должны учитываться численность, плотность населения, а также транспортная доступность административного центра агломерации (у жителей должна быть возможность съездить туда и обратно в течение рабочего дня).

И еще один вопрос, который представляется крайне важным для институционализации агломераций в России. Как уже отмечалось, агломерации представляют собой одну из форм межмуниципального сотрудничества, а это означает, что их эффективное встраивание в пространственную архитектуру невозможно, с одной стороны, без сильных, экономически самостоятельных муниципальных образований, которые их образуют; а, с другой – без формирования мотивации к объединению, делающей выгодным для муниципальных образований формирование тех или иных институтов межмуниципального сотрудничества. А это лишний раз доказывает необходимость внимания как ко всем муниципальным образованиям (независимо от их размеров), так и к формированию условий и нормативно-правовых основ для различных форм межмуниципального сотрудничества, а не только городских агломераций.

Таким образом, формирование нормативно-правовой базы, обеспечивающей развитие городских агломераций, – это не изолированный процесс. Это формирование должно быть составной частью более комплексного процесса разработки соответствующих основ межмуниципального сотрудничества в целом, одной из форм которого они (городские агломерации) должны стать. Подобных взглядов сегодня придерживаются многие исследователи и эксперты [21].

Полагаем, что отсутствие в России единого подхода и нормативной базы межмуниципального сотрудничества в целом, на наш взгляд, будет отражаться на всех документах, касающихся развития как агломераций, так и местного самоуправления.

Выводы

Основные проблемы развития агломераций носят институциональный характер. При наличии достаточно широкого опыта, накопленного в регионах, нормативно-правовая база формирования и развития агломераций пока не создана. Положения Стратегии пространственного развития РФ, касающиеся городских агломераций, относятся исключительно к крупным и крупнейшим городским агломерациям, что ставит в заведомо неблагоприятных условиях средние и малые города России, на территории которых проживает значительная доля населения страны.

Как показывает мировой опыт, городские агломерации, с одной стороны, представляют собой одну из форм межмуниципального сотрудничества, а значит при их формировании следует учитывать мнение проживающего на соответствующей территории населения. С другой стороны, крупные агломерации, несомненно, требуют внимания со стороны государства, поскольку являются важнейшими проводниками общенациональной стратегии пространственного развития.

Тот факт, что агломерации представляют собой форму межмуниципального сотрудничества, предполагает, что к разработке соответствующих законов (и особенно стратегий) должны привлекаться представители населения, местного бизнеса, всех, кто реально заинтересован в развитии и процветании соответствующей «объединенной» территории. К сожалению, это положение, основанное на мировом опыте, пока что практически не учитывается в российской практике развития агломераций.

Эффективная институционализация агломераций предполагает рассмотрение их в качестве одной из форм межмуниципального сотрудничества, что, в свою очередь, требует разработки закона по межмуниципальному сотрудничеству.

Определенные надежды в этом отношении вселяет законопроект, разработанный Минэкономразвития России, где прописаны полномочия органов местного самоуправления в формировании и развитии агломераций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пандемия сократила рождаемость в странах «золотого миллиарда» // Медновости. 01.09.2021. <https://medportal.ru/mednovosti/pandemiya-sokratila-rozhdaemost-v-stranah-zolotogo-milliarda>.
2. Материалы к заседанию на тему «Межмуниципальное сотрудничество: эффективные практики, проблемы и перспективы развития». М.: Совет по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2020.

3. *Алешкина Т.* Будущее в городах. <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2017/05/24/691328-budushee-gorodah>.
4. *Райсих А.* Определение границ городских агломераций России: создание модели и результаты // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 54–96.
5. *Вебер А.Ф.* Рост городов в 19 столетии / пер. с англ. А.Н. Котельникова. Спб.: Изд. Е.Д. Кусковой, 1903.
6. *Шугрина Е.С., Миронова Г.В.* Общая характеристика российских агломераций: соотношение de jure и de facto // Местное право. 2018. № 1. С. 3–24.
7. *Tomàs M.* Penser métropolitain? L'institutionnalisation des pratiques de coopération dans la région métropolitaine de Montréal. P. 18. <http://espace.inrs.ca/id/eprint/110>.
8. *Ускова Т.В.* О потенциале развития российских территорий // Проблемы развития территории. 2018. № 5. С. 7–17.
9. Первый глобальный рэнкинг агломераций // PWC? 2017. С. 10. <https://www.pwc.ru/ru/assets/agglomerations-rus-full.pdf>.
10. Site du Ministère de la Cohésion des territoires et des Relations avec les collectivités territoriales // Programme action cœur de ville. <https://www.cohesion-territoires.gouv.fr/programme-action-coeur-de-ville>.
11. Экономика российских городов и городских агломераций. Выпуск 5: крупнейшие городские агломерации России в глобальной экономике. М.: Фонд «Институт экономики города», 2020. https://www.urbanomics.ru/sites/default/files/vypusk_5_rossiiskie_aglomeracii_v_globalnoi_ekonomike.pdf.
12. Анализ документов стратегического планирования и программных документов регионального и межмуниципального уровней на предмет отражения в них вопросов развития городских агломераций // фонд «Институт экономики города». М., 2018. С. 10–17.
13. *Одинцова А.В.* Проблемы развития агломераций в России // Федерализм. 2021. № 2. С. 65–83.
14. *Швецов А.Н.* Поляризация урбанистического пространства: особенности российского процесса в контексте мировых тенденций // Регионалистика. 2017. Т. 4 № 5. С. 22–24.
15. *Перцик Е.Н.* География городов (Геоурбанистика). М.: Высшая школа, 1991. С. 136. Цит. по *Волчкова И.В. Минаев Н.Н.* Теория и практика управления развитием агломераций. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2014. С. 17–18.
16. *Швецов А.Н.* Зачем и как следует управлять городскими агломерациями // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 7. С. 65–75.
17. В России нужен закон о городских агломерациях, считает депутат / Парламентская газета. 20.05.2021. <https://www.pnp.ru/politics/v-rossii-nuzhen-zakon-o-gorodskikh-aglomeraciyakh-schitaet-deputat.html>.
18. Рабочая группа Совфеда предложит меры по развитию малых и средних агломераций // Парламентская газета. 25.02.2021. <https://www.pnp.ru/economics/rabochaya-gruppa-sovfeda-predlozhit-mery-po-razvitiyu-malykh-i-srednikh-aglomeraciy.html>.
19. Росстат: в 16 городах-миллионниках проживает четверть населения РФ. <https://regnum.ru/news/society/2768515.html>.
20. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О городских агломерациях». https://op.admhmao.ru/upload/iblock/27d/Poyasn-zapiska_-O-gor-aglomeratsiyakh.pdf.

21. Эксперт клуба Михаил Чернышов дал интервью portalу «Кавказский узел» по итогам обсуждения доклада «Агломерационное развитие Республики Дагестан: работа над ошибками» // Кавказский политико-экономический клуб «Развитие регионов Стратегия – 2050». <https://ndelo.ru/novosti/eksperty-obsudili-oshibki-razvitiya-aglomeracij-v-dagestane>.

REFERENCES

1. The pandemic has reduced the birth rate in the countries of the “golden billion” // Mednovosti. 01.09.2021. (In Russ.).
2. Materials for the meeting on the topic “Inter-municipal cooperation: effective practices, problems and prospects for development” // Moscow Council for Local Self-Government under the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, 2020. (In Russ.).
3. Alyoshkina T. The future is in cities. <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2017/05/24/691328-budushee-gorodah>. (In Russ.).
4. Raisikh A. Defining the boundaries of urban agglomerations in Russia: creating a model and results // Demographic review. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 54–96. (In Russ.).
5. Weber A.F. The growth of cities in the 19th century / translated from the English by A.N. Kotelnikov. St. Petersburg: Ed. by E.D. Kuskova, 1903. (In Russ.).
6. Shugrina E.S., Mironova G.V. General characteristics of Russian agglomerations: the ratio of de jure and de facto // Local law. 2018. No. 1. Pp. 3–24. (In Russ.).
7. Mr. Tomàs Thinking metropolitan? Institutionalization of cooperation practices in the greater Montreal area. P.18. <http://espace.inrs.ca/id/eprint/110>.
8. Uskova T.V. On the development potential of Russian territories // Problems of territory development. 2018. No. 5. P. 7–17. (In Russ.).
9. The first global ranking of agglomerations // PWC? 2017. C. 10. <https://www.pwc.ru/ru/assets/agglomerations-rus-full.pdf>. (In Russ.).
10. Website of the Ministry of Territorial Cohesion and Relations with local authorities // Programme action cœur de ville. <https://www.cohesion-territoires.gouv.fr/programme-action-coeur-de-ville>.
11. The economy of Russian cities and urban agglomerations. Issue 5: The largest urban agglomerations of Russia in the global economy. Moscow, Foundation “Institute of City Economics” 2020. https://www.urbanomics.ru/sites/default/files/vypusk_5_rossiiskie_aglomeracii_v_globalnoi_ekonomike.pdf. (In Russ.).
12. Analysis of strategic planning documents and program documents of regional and intermunicipal levels to reflect the issues of urban agglomerations development in them // Foundation “Institute of City Economics”. Moscow, 2018. P. 10–17. (In Russ.).
13. Odintsova A.V. Problems of agglomerations development in Russia // Federalism. 2021. No. 2. P. 65–83. (In Russ.).
14. Shvetsov A.N. Polarization of urban space: features of the Russian process in the context of global trends // Regionalism. 2017. Vol. 4 No. 5. P. 22–24. (In Russ.).
15. Pertsik E.N. Geography of cities (Geo-urban Studies). Moscow: Higher School. 1991. P. 136. Cit. by Volchkova I.V. Minaev N.N. Theory and practice of agglomerations development management. Tomsk: Publishing house of Tom. gos. archit.- builds. Unta. 2014. P. 17–18. (In Russ.).
16. Shvetsov A.N. Why and how to manage urban agglomerations // Problems of theory and practice of management. 2017. No. 7. P. 65–75. (In Russ.).

17. Russia needs a law on urban agglomerations, the deputy believes / Parliamentary Newspaper. 20.05.2021. <https://www.pnp.ru/politics/v-rossii-nuzhen-zakon-ogorodskikh-aglomeraciyakh-schitaet-deputat.html>. (In Russ.).
18. The working group of the Federation Council will propose measures for the development of small and medium-sized agglomerations // Parliamentary Newspaper. 25.02.2021. <https://www.pnp.ru/economics/rabochaya-gruppa-sovfeda-predlozhit-mery-po-razvitiyu-malykh-i-srednikh-aglomeracij.html>. (In Russ.).
19. Rosstat: a quarter of the population of the Russian Federation lives in 16 million cities // <https://regnum.ru/news/society/2768515.html>. (In Russ.).
20. Explanatory note to the draft Federal Law on Urban Agglomerations https://op.admhmao.ru/upload/iblock/27d/Poyasn-zapiska_-O-gor-aglomeratsiyakh.pdf. (In Russ.).
21. Club expert Mikhail Chernyshov gave an interview to the portal "Caucasian Knot" following the discussion of the report "Agglomeration development of the Republic of Dagestan: work on mistakes" // Caucasian Political and Economic Club "Development of regions Strategy – 2050". <https://ndelo.ru/novosti/eksperty-obsudili-oshibki-razvitiya-aglomeracij-v-dagestane>. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Odintsova Alexandra Vladimirovna – Doctor of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Center for Federal Relations and Regional Development of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
aleksod@yandex.ru

URBAN AGGLOMERATIONS: OBJECTIVE BASES FOR THE FORMATION AND PROBLEMS OF INSTITUTIONALIZATION IN RUSSIA

The article deals with the development of agglomerations in the Russian Federation. Based on the analysis of the world experience of this form of spatial organization, the main problems of institutionalization of urban agglomerations in Russia are formulated and evaluated. The practical experience of a number of regions of the country in the formation and development of agglomerations is considered. It is concluded that urban agglomerations, being a form of inter-municipal cooperation, are often considered as another level of the general system of public power. The main stages of legislative regulation of the development of agglomerations are highlighted. It is proposed to consider urban agglomerations as one of the forms of inter-municipal cooperation, which requires the adoption of the appropriate law.

Keywords: *urban agglomerations, large urban agglomerations, inter-municipal cooperation, spatial development, region.*

JEL: H70, R11, R58.

И.О. ЖАРИНОВ

доктор технических наук, профессор,
профессор факультета безопасности информационных технологий
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования «Национальный исследовательский
университет ИТМО»

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИФИРМЕННЫХ И МЕЖФИРМЕННЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ФАБРИКАХ ИНДУСТРИИ 4.0

Рассматривается проблема функционирования системы экономического управления бизнес-процессами, использующей возможности современных высоких IT-технологий и компьютерный механизм регулирования бизнес-отношений фабрик Индустрии 4.0, объединенных в общую цепочку создания стоимости в контракте полного жизненного цикла высокотехнологичной продукции. Ключевые этапы жизненного цикла продукции определены как киберпроектирование, киберпроизводство и киберобслуживание, реализуемые соответственно цифровой, умной и виртуальной фабриками. Бизнес-отношения фабрик рассмотрены на уровнях внутрифирменного и межфирменного экономического управления, субъекты регулирующего воздействия в которых распределены в физической и виртуальной средах. Физическая среда определяет в качестве субъектов управления менеджмент, виртуальная среда использует в качестве субъекта управления искусственный интеллект. Объектами управления разных уровней определены бизнес-процессы и бизнес-проекты фабрик, а также фабрики в целом, как хозяйствующие структуры, подлежащие экономическому управлению. Представлен принцип внутрифирменного распределения ресурсных воздействий на объекты управления и обобщенная схема системы экономического управления, осуществляющая регулирование межфирменных управленческих отношений.

Ключевые слова: *Индустрия 4.0, управленческие отношения, внутрифирменное регулирование, межфирменное регулирование.*

JEL: G34, J54, M11.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_80_92.

Введение

Возможности для повышения уровня благосостояния населения Российской Федерации сегодня активно связываются с созданием и развитием в нашей стране институциональных условий цифровой экономики, распространяющихся на различные аспекты деятель-

ности человека, государства и бизнеса [1; 2]. Программные положения государственной политики РФ в области цифровизации национальной экономики изложены в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. №1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Термин «цифровая экономика», впервые введенный в оборот американским экономистом N. Negroponte в 1995 г., определяет область экономической деятельности, осуществляемой средствами электронного бизнеса и электронной коммерции для производства и дистрибуции продуктов и/или услуг, полученных с использованием электронных технологий. Вместе с тем ряд исследователей [3; 4] вводят свои, авторские трактовки термина «цифровая экономика», в целом сводящиеся к системе экономических отношений хозяйствующих субъектов, потребительского сообщества и государства, реализуемых на основе сети интернет и цифровых технологий. Наиболее точная и расширенная отечественная трактовка термина «цифровая экономика» введена «Стратегией развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг.», утвержденной Указом Президента РФ № 203 от 9 мая 2017 г.: «цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг».

Субъектами хозяйствования в цифровой экономике, рассматриваемой через призму передовых инфраструктурных концептов Индустрии 4.0, являются «фабрики будущего» [5; 6], создаваемые в настоящее время в различных сегментах промышленности и специализирующиеся на киберпроектировании (цифровая фабрика), киберпроизводстве (умная фабрика) и киберобслуживании (виртуальная фабрика) высокотехнологичной продукции. Согласно определению дорожной карты развития сквозной цифровой технологии «Новые производственные технологии», подготовленной в 2019 г. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, «фабрика будущего – это определенный тип системы бизнес-процессов, способ комбинирования бизнес-процессов, который имеет следующие характеристики: создание цифровых платформ, своеобразных экосистем передовых цифровых технологий; разработка системы цифровых моделей как новых проектируемых изделий, так и производственных процессов; цифровизация всего жизненного цикла изделий (от концепт-идеи, проектирования, производства, эксплуатации, сервисного обслуживания и до утилизации)».

Система классификации фабрик будущего (цифровая, умная и виртуальная фабрики) в Российской Федерации программно введена дорожной картой Национальной технологической инициативы по направлению «Технет» (Передовые производственные технологии)¹.

Платформенно-ориентированные форматы хозяйствования фабрик в институциональных условиях цифровой экономики и инфраструктурных условиях Индустрии 4.0 на практике реализуются посредством синтеза вертикально и горизонтально интегрированных цепочек создания стоимости высокотехнологичной продукции, формируемых в процессах взаимодействия квазиавтономных хозяйствующих субъектов, экономические отношения между которыми регулируются инструментами внутри- и межфирменного управления, основанными на цифровых технологиях. Ключевой группой технологий, востребованных при разработке цифровых систем экономического управления фабриками, является искусственный интеллект [7], размещаемый в виртуальной (облачной) среде хозяйствующего субъекта и дополняющий управленческий потенциал менеджмента. Сбалансированное и взаимосвязанное управление бизнесом, использующее комплементарный механизм регулирования, и объединяющее в единой системе экономического управления интеллект менеджмента и искусственный интеллект, составляет сегодня подлежащую решению актуальную задачу научного поиска и исследований, поддержанных на государственном уровне Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и дорожной картой развития сквозной цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект», подготовленной Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в 2019 г.

¹ Одобрена 14 февраля 2017 г. на заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России. Дорожная карта подготовлена под научным руководством профессора А.И. Боровкова (СПбПУ Петра Великого) в соответствии с Правилами разработки и реализации планов мероприятий («дорожных карт») Национальной технологической инициативы, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 18.04.2016 г. № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы». Государственная поддержка дорожной карте «Технет» определена в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 23.03.2018 г. № 482-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Технет» (передовые производственные технологии)».

Внутрифирменные управленческие отношения на фабриках Индустрии 4.0

Внутрифирменные экономические процессы фабрики Индустрии 4.0 основаны на реализации совокупности функций управления, для которых в производственной среде определена математическая связь на уровне входных данных и выходных экономических переменных, характеризующих материальные и информационные потоки бизнес-процессов и бизнес-проектов. Точками контроля, фиксирующими релевантные экономическому управлению внутрифирменные данные, требуемые для корректировки бизнес-процессов и бизнес-проектов, определены выходные цепи физического контура воздействия менеджмента и виртуального контура воздействия искусственного интеллекта.

Согласно определению дорожной карты развития сквозной цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект», подготовленной в 2019 г. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, имитирующий когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и позволяющий при выполнении задач достигать результаты, как минимум сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека». В контексте экономического управления высокотехнологичным бизнесом актуальное практическое применение имеет субтехнология искусственного интеллекта, связанная с работой рекомендательных систем и интеллектуальных систем поддержки принятия решений, обеспечивающих выполнение процесса без участия человека, поддержку в выборе решений, а также предсказание состояния объектов, которые контролируются менеджментом. Схема внутрифирменного распределения ресурсных воздействий на объекты экономического управления (бизнес-процессы и бизнес-проекты) приведена на рис. 1.

Рис. 1. Схема внутрифирменного распределения ресурсных воздействий на объекты экономического управления (ОУ – объект управления).

Входные параметры физического контура экономического управления формируются материальными потоками, запускающими бизнес-процессы и бизнес-проекты фабрики. Выходные параметры физического контура экономического управления представляют материализованный результат работы акторов бизнес-процессов и бизнес-проектов. Входные параметры виртуального контура (искусственный интеллект) экономического управления фабрикой задаются наблюдаемыми значениями эффективностей бизнес-процессов и бизнес-проектов и их планируемыми (заданными) показателями. Выходные параметры виртуального контура управления фабрикой являются результатами модельного расчета выполняемых на практике бизнес-процессов и бизнес-проектов.

Контроль качества бизнес-процессов и бизнес-проектов фабрики в иерархических структурах, совмещающих экономическое управление по воздействиям менеджмента и воздействиям искусственного интеллекта [8; 9], осуществляется в пределах:

- физического контура управления фабрикой по результатам оценок значимых для потребителя параметров производимых продуктов (первичный процессный выход);
- виртуального контура управления фабрикой по результатам модельных экспериментов симуляции цифровых двойников² бизнес-процессов и бизнес-проектов (вторичный процессный выход).

Фокус внутрифирменного экономического управления фабрикой, таким образом, концентрируется на процедурах динамической стабилизации бизнес-процессов и бизнес-проектов, регулируемых с целью поддержания требуемого качества изготавливаемой продукции. Разработка комплементарной технологии экономического управления и ее последующая автоматизация в инструментах искусственного

² Согласно определению дорожной карты развития сквозной цифровой технологии «Новые производственные технологии», подготовленной в 2019 г. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, «Цифровой двойник» – это семейства сложных мультиматематических моделей с высоким уровнем адекватности реальным материалам, реальным объектам / конструкциям / машинам / приборам ... / техническим и киберфизическим системам, физико-механическим процессам (включая технологические и производственные процессы), описываемых 3D нестационарными нелинейными дифференциальными уравнениями в частных производных, обеспечивающие отличие между результатами виртуальных испытаний и натурных испытаний в пределах $\pm 5\%$ и/или «умная» модель, учитывающая особенности конкретного производства и технологии изготовления. Обязательным элементом разработки и применения цифровых двойников является многоуровневая матрица целевых показателей конкурентоспособного продукта / изделия и ресурсных ограничений (временных, финансовых, технологических, производственных, экологических и т. д.)».

интеллекта являются базой для проектирования нового поколения³ функционально законченных и устойчивых систем экономического управления хозяйствующими объектами, которым может быть адресована на исполнение одна или несколько производственных бизнес-задач. Концепт фабрики, реализованный на физическом уровне управлением, осуществляемым менеджментом, и на логическом уровне управляемыми искусственным интеллектом информационными и материальными потоками, составляет основу идеологии передового цифрового бизнеса Индустрии 4.0, обеспечивающей непрерывное повышение качества продукции путем экономического регулирования качества бизнес-процессов и бизнес-проектов ее изготовления.

В Индустрии 4.0 цифровую, умную и виртуальную фабрики также можно определить как «киберфизические компании», выступающие социально-экономическими и производящими хозяйственными субъектами, претендующими на глобальную конкурентоспособность и объединяющими киберфизическую материально-техническую базу и трудовые ресурсы в замкнутый контур экономического управления с ядром на основе нематериального актива – искусственного интеллекта, комплементарно осуществляющего информационную поддержку управленческих действий менеджмента. Киберфизический компонент фабрик, объединяющий интеллект менеджмента и искусственный интеллект, очевидно, является качественно новым средством производства, децентрализованно распределенным в физической и виртуальной средах, пришедшим на смену морально устаревшему трехзвенному промышленному блоку «инструмент – автоматизированная система управления – человек», все еще широко применяемому сегодня в производственных компаниях Индустрии 3.0⁴.

³ Согласно дорожной карте развития сквозной цифровой технологии «Новые производственные технологии», подготовленной в 2019 г. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, основные ограничения на создание российских решений в высокотехнологичном бизнесе связываются с: длительным сроком и высокими издержками внедрения новых производственных технологий, а также их окупаемостью; наличием конкурентоспособных продуктов на мировом рынке (сложности вывода новых решений на мировой рынок, а также длительные сроки разработки новых продуктов); недостатком испытательных полигонов и пилотных площадок внедрения новых производственных технологий, дефицитом фактической информации об экономических эффектах от внедрения, небольшим количеством успешных практик внедрений, отсутствием мер поддержки, косвенно стимулирующих спрос на новые производственные технологии путем снижения стоимости их внедрения и др.

⁴ Определяющими «рычагами» трансформации экономики сегодня становятся не финансовые ресурсы государства и корпораций, линейно увеличенное вложение которых в бизнес-структуры гарантировало получение отдачи в виде эквивалентного вклада в национальный валовой внутренний продукт, а технологии и иннова-

Межфирменные управленческие отношения на фабриках Индустрии 4.0

На рис. 2 приведена обобщенная схема модели системы экономического управления фабриками Индустрии 4.0, включающей в качестве субъектов и объектов управления цифровую, умную и виртуальную фабрики, объединенные в замкнутую инфраструктуру промышленной общей бизнес-системы, операционная деятельность которой осуществляется в одной отрасли экономики. Горизонтальная и вертикальная иерархии в структуре системы экономического управления бизнес-системой обеспечиваются [10]:

- разделением системы управления каждой фабрикой на физический и виртуальный контуры, осуществляющие комплементарное воздействие на внутренние бизнес-процессы и бизнес-проекты фабрики по наблюдаемому состоянию их экономической эффективности;
- разделением фабрик в пределах бизнес-системы на участников межфирменных экономических отношений, реализующих в зависимости от исполняемой роли функции субъектов или объектов управления, а также их одновременные сочетания в сквозной цепочке создания стоимости.

Критерием качества экономического управления выступает степень различия (рассогласование) желаемой и ожидаемой траектории финансово-технологической деятельности бизнес-системы, в которой желаемая траектория формируется в экономическом пространстве состояний на основе показателей планирования различных уровней, а ожидаемая траектория отражает текущую динамику результативности бизнеса.

Схема межфирменных управленческих отношений поддерживает работу совокупности зависимых внутрифирменных систем экономического управления, связанных физически и информационно и учитывающих межканальные корреляции контролируемых, регулируемых и управляемых экономических параметров фабрики в заданных границах бизнес-процессов и бизнес-проектов. Формирование индивидуальных управляющих воздействий для каждого объекта управления

ционные результаты их применения, приложенные к развитию промышленности. В складывающихся в настоящее время инфраструктурных и институциональных условиях драйверами трансформации отечественной промышленности оказываются средний и крупный бизнес, по своим ресурсным возможностям способный осуществить замену в компаниях изношенных основных производственных фондов поколения Индустрии 3.0 и организовать высокопроизводительные новые и модернизировать существующие рабочие места, претенденты на которые будут обладать специальными цифровыми компетенциями.

и общего воздействия для всех объектов управления осуществляется через систему бизнес-отношений, объединяющих бизнес-процессы и бизнес-проекты на временной основе в замкнутые контуры с обратной связью, специализированные для решения конкретной экономической задачи каждой фабрики.

Принцип регулирования, заложенный в систему экономического управления, основан на динамическом равновесии цепочки создания стоимости и защищает каждый целостный объект управления (хозяйствующую фабрику) от проблемных ситуаций, дифференцированных в работе [11], на три класса:

- возникающие во внутрифирменных системах управления рассогласования фактически наблюдаемых показателей результативности бизнеса и запланированных (1-ый класс проблем экономического управления), которые компенсируются за счет влияния цепей местных обратных связей в физическом и виртуальном контурах фабрик;
- возникающие в межфирменной системе управления рассогласования целеполаганий хозяйствующих субъектов различных этапов цепочки создания стоимости (2-ой класс проблем экономического управления), которые компенсируются за счет влияния цепи главной обратной связи;
- возникающие в системе управления субординационные конфликты (3-й класс проблем экономического управления), которые компенсируются субрегуляторами искусственного интеллекта через переменные функции управления, делегируемые звеньям цепочки создания стоимости, одновременно исполняющим роли объектов и субъектов управления.

Вместе с тем система межфирменного управления адекватна различным аспектам бизнес-отношений и сохраняет экономическую свободу хозяйствующим субъектам Индустрии 4.0, деятельность которых осуществляется в бизнес-группе и соответствует принципам, сформулированным в [12]:

- используются консолидированные финансово-технологические показатели, напрямую или косвенно пересчитываемые в общепринятую отчетную результативность бизнеса, контролируруемую законодательно;
- каждая бизнес-структура сохраняет суверенитет (самоуправление) внутрифирменной хозяйственной деятельности, специфический для киберпроектирования (цифровая фабрика), киберпроизводства (умная фабрика) или киберобслуживания (виртуальная фабрика), согласующийся с ее коммерческими целями и ресурсными возможностями;

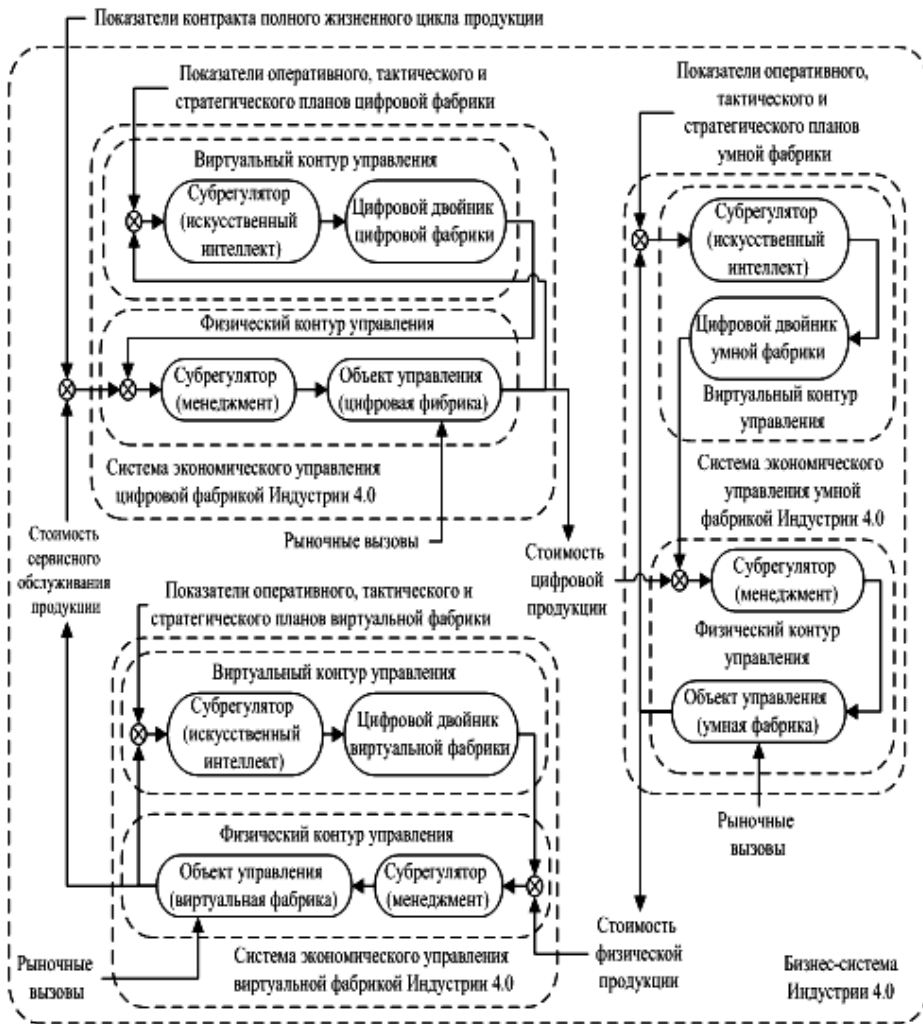

Рис. 2. Обобщенная схема межфирменных управленческих отношений в экономической бизнес-системе Индустрии 4.0.

– каждая бизнес-структура влияет или испытывает на себе влияние внутреннего субрегулятора (менеджмента) и внешних (возмущающих) рыночных вызовов, проявление которых сказывается в конкурентной борьбе общей бизнес-системы за выгодные экономические позиции, и др.

При всей очевидной схожести промежуточных и глобального контуров экономического управления между ними имеются существенные различия, связанные с уровнем неопределенности при расчете правок, вносимых регуляторами виртуальных контуров. Неопределенность проявляется в информационном и организационном аспектах,

обусловленных высоким уровнем автономности функционирования фабрик на различных уровнях цепочки создания стоимости:

- организационный аспект ассоциирован со свободой воли менеджмента в выборе экономических ресурсов, применяемых для оказания влияния на регулируемый объект управления;
- информационный аспект проявляется в запаздывании расчета оценок текущих и желаемых экономических состояний распределенных объектов управления, влияющем на качество экономического управления параметрически многомерной хозяйствующей бизнес-системы.

Заключение

В парадигме комплементарного экономического воздействия на инновационные фабрики Индустрии 4.0 фокус современной научной теории управления смещается на исследования новых гармоничных управленческих отношений менеджмента и самообучающегося искусственного интеллекта, функционирующих в общей бизнес-среде. Переход от концепции жесткого человекоцентричного регулирования бизнеса к итеративным интеллектуальным процедурам оценки управляемых экономических параметров в виртуальной среде и интенсивным внутри- и межфирменным цифровым коммуникациям является сутью идеи комплементарного управления фабриками и способом практической реализации системообразующих положений концепции Индустрии 4.0, приложенных к цифровизации промышленного сектора экономики.

Управление, использующее принцип комплементарности, очевидно, следует рассматривать как эволюционное развитие идей классической школы бизнес-управления, предложенной F.W. Taylor, обусловленное современным влиянием информационно-коммуникационных технологий на сложившиеся практики хозяйствования экономических субъектов. Цифровой трансформации в комплементарном управлении также подлежит мотивационный компонент самореализации менеджмента (субрегуляторы фабрик), в «аналоговом мире» подчиняющийся пирамидальной модели потребностей человека (по А. Maslow) и удовлетворяемый в «цифровом мире» бизнеса ресурсами, представленными уже в цифровой системе ценностей.

Применение комплементарных воздействий в моделях экономического управления фабриками, функционирующими автономно или в кооперационных цепочках создания стоимости, позволяет разрабатывать иерархически организованные управляющие структуры промышленных бизнес-систем, в которых:

- менеджмент имеет возможность на своем уровне иерархии сбалансированно и взаимосвязанно с искусственным интеллектом

- регулировать экономическими ресурсами бизнес-процессы и бизнес-проекты фабрик;
- виртуальные модели (цифровые двойники) бизнес-процессов и бизнес-проектов фабрики принимают участие в реализации прогностической функции управления и рассматриваются в качестве объектов управления цифрового субрегулятора более высокого уровня, надстроенного над управленческим ядром менеджеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дударева О.В., Аракчеев Д.В., Дударев Д.Н.* Концептуальные аспекты перехода к умному производству в условиях цифровизации // Организатор производства. 2020. Т. 28. № 4. С. 7–15.
2. *Салимова Т.А., Бирюкова Л.И., Аникина Н.В.* Трансформация бизнеса в условиях цифровой экономики: зарубежный подход и российские возможности // Регионология. 2021. Т. 29. № 2 (115). С. 328–354.
3. *Барина Н.В., Барин В.Р.* Цифровая экономика, Индустрия 4.0 и искусственный интеллект // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2021. № 3. С. 82–91.
4. *Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М.* и др. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение // Сборник докладов XX международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 9–12 апреля 2019 г.) / под науч. ред. Л.М. Гохберг; Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики. 2019.
5. *Попкова Е.Г.* Роль Индустрии 4.0 в обеспечении глобальной конкурентоспособности экономики современной России // Экономика. Бизнес. Банки. 2018. № 5 (26). С. 118–131.
6. *Захаров В.Я., Трфимов О.В., Фролов В.Г., Новиков А.В.* Управление экосистемой: механизмы интеграции компаний в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» // Лидерство и менеджмент. 2019. Т. 6. № 4. С. 453–468.
7. *Степнов И.М., Ковальчук Ю.А.* Экономические ловушки внедрения искусственного интеллекта // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13(2). С. 92–102.
8. *Никишова М.И.* Регулирование технологий искусственного интеллекта в корпоративном управлении // Экономика и предпринимательство. 2020. № 2(115). С. 1003–1006.
9. *Степанов Д.А.* Искусственный интеллект как путь к созданию интеллектуальных машин для киберэкономики в условиях импортозамещения // Экономика и социум: современные модели развития. 2020. Т. 10. № 4. С. 345–356.
10. *Жаринов И.О.* Экономическое управление бизнес-системами Индустрии 4.0 // Петербургский экономический журнал. 2021. № 3. С. 20–25.
11. *Карлик А.Е., Кукор Б.Л., Дымковец И.А., Яковлева Е.А.* Модель системы стратегического управления экономикой // Сб. докладов международной конференции по мягким вычислениям и измерениям. СПб: Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова. 2017. Т. 2. С. 368–371.
12. *Аксенов К.В.* Инновационное развитие промышленных предприятий оборонно-промышленного комплекса // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2020. № 1(8). С. 192–198.

REFERENCES

1. *Dudareva O.V., Arakcheev D.V., Dudarev D.N.* Conceptual aspects of the transition to smart production in the conditions of digitalization // Organizer of production. 2020. Vol. 28. № 4. Pp. 7–15. (In Russ.).
2. *Salimova T.A., Biryukova L.I., Anikina N.V.* Business transformation in the digital economy: the foreign approach and russian opportunities // Russian journal of regional studies. 2021. Vol. 29. № 2 (115). Pp. 328–354. (In Russ.).
3. *Barinova N.V., Barinov V.R.* Digital economy, Industry 4.0 and artificial intelligence // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2021. № 3. Pp. 82–91. (In Russ.).
4. *Abdrakhmanova G.I., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M., etc.* What is the digital economy? Trends, competencies, measurement // Collection of reports of the XX International Scientific Conference on problems of economic and social development (Moscow, April 9–12, 2019) / under the scientific editorship of L. M. Gokhberg; National Research University «Higher School of Economics». Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 2019. – 82 p. (In Russ.).
5. *Popkova E.G.* The role of Industry 4.0 in ensuring the global competitiveness of the economy of modern Russia // Economy. Business. Banks. 2018. № 5(26). Pp. 118–131. (In Russ.).
6. *Zakharov V.Ya., Trofimov O.V., Frolov V.G., Novikov A.V.* Ecosystem management: mechanisms of integration of companies in accordance with the concept of «Industry 4.0» // Leadership and Management. 2019. Vol. 6. №. 4. Pp. 453–468. (In Russ.).
7. *Stepnov I.M., Kovalchuk Yu.A.* Economic traps of artificial intelligence implementation // Economy. Taxes. Law. 2020. № 13(2). Pp. 92–102. (In Russ.).
8. *Nikishova M.I.* Regulation of artificial intelligence technologies in corporate governance // Economics and entrepreneurship. 2020. No. 2(115). Pp. 1003–1006. (In Russ.).
9. *Stepanov D. A.* Artificial intelligence as a way to create intelligent machines for cybereconomics in the context of import substitution // Economy and society: modern models of development. 2020. Vol. 10. No. 4. Pp. 345–356. (In Russ.).
10. *Zharinov I. O.* Economic management of business systems of Industry 4.0 // St. Petersburg Economic Journal. 2021. № 3. Pp. 20–25. (In Russ.).
11. *Karlik A.E., Kukor B.L., Dymkovets I.A., Yakovleva E.A.* Model of the system of strategic management of the economy // Collection of reports of the international Conference on soft computing and measurements, St. Petersburg: St. Petersburg State Electrotechnical University «LETI» named after V. I. Ulyanov. 2017. Vol. 2. Pp. 368–371. (In Russ.).
12. *Aksenov K.V.* Innovative development of industrial enterprises of the military-industrial complex // Bulletin of the Yaroslavl Higher Military School of Air Defense. 2020. № 1(8). Pp. 192–198. (In Russ.).

ABOUT THE AUTHOR

Zharinov Igor Olegovich – Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor at the Faculty of Information Technology Security of the Federal State Budgetary Institution of High Education – ITMO National Research University, Saint Petersburg, Russia
mpbva@mail.ru

SPECIFICITIES OF INTRA- AND INTER-COMPANY MANAGEMENT RELATIONS
IN INDUSTRY FACTORIES 4.0

The issue of operating of a generalized system of economic management focused on the regulation of business relations of Industry 4.0 factories, united in a common value chain and specializing in the full life cycle of high-tech products, is considered. The key stages of the product life cycle are defined as cyber-design, cyber-production and cyber-service. They implemented respectively by digital, smart and virtual factories. The business relations of factories are considered at the levels of intra-company and inter-company management, the subjects of their regulatory action are allocated in a physical and virtual environment. The subjects of management in the physical environment is management, the subject of management of the virtual environment is artificial intelligence. Business processes and business projects of factories, as well as whole factories are defined as objects of management at different levels. It is presented the principle of intra-company distribution of resource that impacts on both management objects and system of the management and regulates inter-company management relations.

Keywords: *Industry 4.0, management relations, intra-company regulation, inter-company regulation.*

JEL: G34, J54, M11.

Н.В. СМОРОДИНСКАЯ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

Д.Д. КАТУКОВ

научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВНЕЗАПНЫХ ШОКОВ

Статья описывает возросшую взаимозависимость национальных экономик как участников глобальных стоимостных цепочек (ГСЦ) и вклад ГСЦ в каскадное распространение спадов в период шока пандемии COVID-19. На фоне международных дебатов весны 2020 г. о дальнейшей экономической безопасности стран в условиях предстоящей деглобализации показано фактическое вступление глобализации в новую фазу в условиях перестройки глобальным бизнесом допандемической архитектуры ГСЦ. Центральное внимание уделено концепции резильентности (структурной адаптивности) систем как нового подхода к обеспечению их устойчивости в наступающую эпоху радикальной неопределенности и системных рисков (волнового распространения внезапных шоков). Рассмотрена связь этой концепции с динамической устойчивостью сложных систем (как альтернативой неоклассической идеи статичной макроэкономической стабильности) и с задачей одновременного наращивания странами своей экономической робастности и гибкости. Отдельный раздел посвящен российской экономике – проблеме ее уязвимости в ситуации глобальных трансформаций 2020-х годов и ее способности воспользоваться историческим «окном возможностей», которое открывается на предстоящем этапе глобализации.

Ключевые слова: глобализация, неопределенность, резильентность, российская экономика, пандемический кризис COVID-19, системный риск, экономическая теория сложности.

JEL: O40, F23, F40, F60.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_93_115

К 2020-м годам распределенная модель организации производства в формате глобальных стоимостных цепочек (ГСЦ) сделала мир гораздо более связным, принципиально усилив при этом сетевую сложность и производственную взаимозависимость национальных экономик. Шок пандемии COVID-19 обрушил глобальную систему поставок через ГСЦ, но не подорвал основ распределенного производ-

ства и самого хода глобализации. Вместе с тем, пройдя через глубокий спад, мировая экономика и все ее национальные подсистемы вошли в эпоху неопределенности и каскадных кризисных шоков непредсказуемого характера. Новый тип рисков побуждает теоретиков и практиков пересматривать традиционные представления об устойчивости экономических систем и осваивать новые подходы к механизмам их стабилизации. Анализируя эти фундаментальные трансформации в мировой экономике и в национальной политике роста, мы попытаемся показать новые экономические вызовы и возможности, которые объективно возникают у России в предстоящее десятилетие.

Распределенное производство и судьба глобализации после шока пандемии

Распределенное производство (distributed production) – это современная модель организации производства, построенная на углубленном разделении труда между участниками глобальных стоимостных цепочек (global value chains). Оно имеет свою специфику, заключающуюся в том, что процесс создания новых, все более сложных конечных продуктов мирового уровня рассредоточен среди множества автономных фирм-поставщиков из разных стран. Эти фирмы объединены той или иной ведущей МНК в совместную проектную сеть (ГСЦ в целом), выполняют в данном проекте свою узкую высокоспециализированную задачу (звено ГСЦ) и ведут многостороннюю экспортно-импортную торговлю промежуточной продукцией (цепочки поставок как компонент ГСЦ), последовательно добавляя стоимость к конечному продукту на каждой стадии производственного цикла [6]. Распределенное производство и межфирменная торговля промежуточной продукцией приносят экономикам, особенно догоняющим, широкую совокупность выгод по сравнению с традиционной моделью, основанной на национальных цепочках полного цикла и двусторонней межстрановой торговле готовыми продуктами отраслей¹.

Создание ГСЦ и их широкое распространение в течение нескольких последних десятилетий обозначило вступление мира в эпоху сетей и обратных связей. К 2020-м годам в ГСЦ были вовлечены практически все национальные экономики, особенно крупные, что привело к рез-

¹ К ключевым выгодам относятся: мощная поддержка устойчивого роста ВВП за счет высокой специализации участник в ГСЦ; совместное создание странами сложных продуктов (которые они не в состоянии создать в одиночку); сосредоточение стран на индивидуальных сравнительных преимуществах и узкой «умной» специализации (вместо развертывания дублирующих импортозамещающих мощностей) при оптимальных по качеству импортных закупках всего остального, чего они не производят сами [6].

кому возрастанию их производственных взаимозависимостей [12]. Анализ матрицы агрегированной зависимости стран от своих непосредственных зарубежных поставщиков и от остальных экономик мира, как от субпоставщиков разных уровней, выявляет следующее [5]:

- большинство крупных экономик прямо и косвенно связаны друг с другом, причем их наиболее плотная взаимозависимость сложилась в Северной Америке, Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе, что образовало здесь макрорегиональные «сетевые фабрики» вокруг трех мировых хабов пересечения ГСЦ – США, Германии и Китая соответственно;
- Китай выступает реальной промышленной мастерской мира: импортируя компоненты из пяти других стран (США, Германия, Япония, Корея и Тайвань), он, в свою очередь, доминирует в структуре промежуточных закупок всех крупных индустриальных экономик. Китайские промежуточные поставки формируют около четверти добавленной стоимости в экспорте целого ряда промышленных отраслей в США, Японии, Корее и Мексике [21];
- с учетом сложившихся межстрановых зависимостей кризисные шоки в трех хабах пересечения ГСЦ (Китае, Германии и США), а также в Японии и Корее чреваты подрывом производства во всех ведущих экономиках мира.

Хотя в 2010-е годы международные цепочки поставок стали подвергаться все более частым каскадным сбоям из-за различных локальных шоков [26], шок пандемии COVID-19 нанес системе распределенного производства и ее участникам самый мощный удар за все 30 лет ее эволюции. В 2020 г. не только сами ГСЦ, но и их глобальные производственные сети, охватывающие тысячи взаимосвязанных фирм-поставщиков², внесли двойной вклад в трансмиссию спадов от страны к стране и, как следствие, в эскалацию глобальной рецессии [15].

Во-первых, распространение самой пандемии началось не с туристических поездок граждан, а с контактов сотрудников многих МНК, чьи подразделения расположены в китайской провинции Хубэй, со своими партнерами из разных стран (прежде всего из Германии и США как центров деловых коммуникаций). Соответственно, эти страны начали вводить антиэпидемические меры, в том числе локдауны, что привело к спаду национального производства. Во-вторых, ГСЦ способствовали параллельному распространению и взаимному

² Так, в интегральной электронике производственная экосистема американской Dell насчитывает около 5 тыс. поставщиков, а экосистема китайской Lenovo – около 4 тыс., причем еще свыше 2 тыс. поставщиков одновременно участвуют в ГСЦ обеих компаний, что ведет к переплетению их экосистем. В традиционных секторах, например, таких как производство продовольствия, наблюдается аналогичная картина переплетения экосистем [26].

усилению шоков предложения и спроса в национальных экономиках по каналам глобальной системы поставок «точно в срок» (*just-in time*), подвергшейся в ходе локдаунов прямым и обратным волнам распространения сбоев (прерываний отгрузок, ведущих к цепной остановке выпуска на предприятиях разных стран) [5]. В итоге, не столько специфика пандемии как таковой, сколько архитектура сетевых связей участников распределенного производства стала фактором быстрого развертывания глобальной рецессии, чего не наблюдалось в мире при прежних пандемиях [19].

Именно вышеописанные межстрановые зависимости породили риски, во многом определившие уникальные черты глобальной рецессии – нелинейное сочетание шоков предложения и спроса, исторически рекордная синхронность спада, когда 90% стран одновременно показали отрицательные темпы роста (см. рис. 1), и, как следствие, рекордная глубина рецессии (–3,2% по итогам 2020 г., по данным МВФ) на фоне мировых кризисов мирного времени за последние полтора столетия [13].

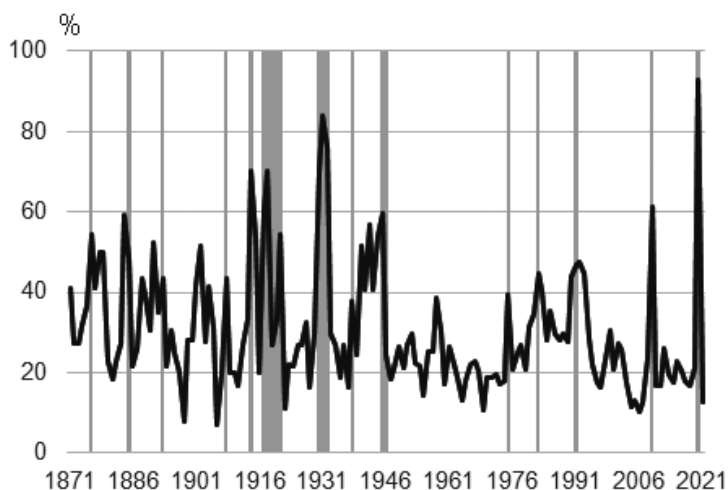

Рис. 1. Степень синхронности глобальных рецессий: доля стран в состоянии спада, 1871–2021 гг.

Источник: [41].

Попадание почти всех стран мира под волну цепных спадов, вызванную временной остановкой предприятий в одной отдельной китайской провинции, спровоцировало острые дебаты (особенно в США и странах ЕС) об угрозах национальной экономической безопасности в случае внезапного внешнего шока [18]. Публичные споры сопровождались как поиском экспертами новых конструктивных подходов к ситуации с каскадными сбоями, основанных на идее диверсификации рисков (без потери фирмами и странами выгод распре-

деленного производства), так и появлением ряда сомнительных идей в духе усиления экономической закрытости и экономического национализма, особенно в отношении поставок из Китая (призывы к массовой локализации производства, ведущие к свертыванию странами своего участия в ГСЦ, к возврату большей части их звеньев в национальные границы или постановке деятельности глобальных компаний под контроль правительств) [10; 28].

Реагируя на полемику весны 2020 г., мировые «мозговые центры» (Всемирный банк, ОЭСР, Банк Англии, Бостонская консалтинговая группа и др.) представили серию эконометрических исследований, убедительно доказывающих, что *выгоды стран от участия в ГСЦ перевешивают риски их попадания под ценные сбои в поставках*. В частности, было показано, что чрезмерная локализация производства, возвращающая мир к национальным цепочкам полного цикла, никак не страхует национальные экономики от волатильности и внутренних шоков, а ведет лишь к торможению роста и масштабному удорожанию конечных продуктов [5]. Более того, по расчетам немецких экономистов [17], торговля промежуточной продукцией смягчила спад 2020 г. для Германии и ряда других стран: если бы пандемия произошла в условиях традиционной торговли и отсутствия ГСЦ, эти страны испытали бы еще большее сокращение ВВП.

Опасения неизбежной деглобализации после шока пандемии также не оправдались. Международная торговля через ГСЦ, пройдя период резкого сжатия (январь–май 2020 г.), восстановилась по итогам 2020 г. почти до привычных уровней – около половины всей мировой торговли (46,4%) [7]. При этом уже с лета 2020 г. ведущие МНК начали внедрять новые бизнес-стратегии, нацеленные не на свертывание ГСЦ, а на устранение обнаруженных уязвимостей в их архитектуре. Намечившаяся совокупность стратегий МНК по адаптации ГСЦ и сетей их поставщиков к внезапным шокам [7] *выводит глобализацию на новый, постпандемический этап* – менее турбулентный по сравнению с этапом гиперглобализации 1990–2000-х годов и, похоже, более интенсивный по сравнению с этапом 2010-х годов (см. таб. 1).

Таким образом, глобализация производства, сопровождаемая возрастанием связности экономических систем, сама по себе не ведет к усилению их индивидуальной хрупкости. Скорее, распространение ИКТ, сделавшее возможным эту глобальную сетевую связность, одновременно порождает нелинейное поведение систем, что сопровождается ростом волатильности на мировых рынках и общего уровня неопределенности. *Неопределенность* трактуется в литературе как риски непредсказуемых событий, способных нанести системам различные виды ущерба, масштаб которого не подлежит прогнозированию и не может быть заведомо застрахован [36].

Таблица 1

Этапы глобализации и распространения ГСЦ, 1990–2020-е годы

Этапы глобализации	Факторы и драйверы	Особенности этапа
Гиперглобализация – бурная географическая экспансия ГСЦ (1990-е годы – до Великой рецессии (2007–2009 гг.))	<ul style="list-style-type: none"> • распространение ИКТ резко сократило издержки в мировой торговле • рыночные реформы в развивающемся мире (интеграция Китая и стран Восточной Европы в мировую экономику) • либерализация мировой торговли, создание ВТО, заключение крупных торговых соглашений (НАФТА и др.) 	<ul style="list-style-type: none"> • рост мировой торговли вдвое быстрее мирового ВВП, с увеличением его величины на 10% благодаря ГСЦ • преобладание удлиненных моделей ГСЦ (разброс звеньев по всему миру) • тренд либерализации торговли и бурного образования ГСЦ прервался из-за Великой рецессии.
Торможение экспансии ГСЦ – естественное завершение ее бурного этапа (2010-е годы – до глобальной рецессии 2020 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • сжатие мировой торговли в условиях посткризисного замедления экономической и инвестиционной активности • выход Китая и других переходных экономик на роль главных мировых производителей и экспортеров • замедление роста числа ГСЦ в отсутствие новых крупных инициатив по либерализации торговли и масштабных реформ в развивающихся странах • протекционистские тенденции из-за начала торговых войн в конце 2010-х годов 	<ul style="list-style-type: none"> • доля торговли через ГСЦ достигла пика в 50% от мировой торговли, с ежегодными колебаниями вокруг этого уровня • массовая вовлеченность стран в ГСЦ, тяготение ГСЦ к макрорегиональным моделям (особенно в ЕС и ЮВА) • распространение системы поставок «точно в срок» и скрытая уязвимость ГСЦ перед внешними шоками, ставшая явной в 2020 г. из-за подрыва этой системы в ходе пандемии и мер ее сдерживания

Этапы глобализации	Факторы и драйверы	Особенности этапа
Реглобализация – «упорядоченная» экспансия ГСЦ (с 2020-х годов, после шока пандемии)	<ul style="list-style-type: none"> • новый импульс для образования ГСЦ в ходе перестройки их архитектуры ведущими МНК • релокация звеньев ГСЦ в другие юрисдикции в ходе укрепления их резильентности ведущими МНК • цифровизация ГСЦ (как часть резильентных стратегий МНК), тренд на снижение затрат и рисков для их участников 	<ul style="list-style-type: none"> • восстановление торговли через ГСЦ на прежнем уровне после ее резкого сжатия в ходе пандемии (первая половина 2020 г.) • дальнейшая регионализация ГСЦ, их тяготение к меньшей длине и компактным моделям в условиях неопределенности • появление шансов у догоняющих экономик улучшить позиции в ГСЦ и свою специализацию на мировых рынках

Источник: составлено авторами по: [43; 26; 37; 18; 4; 9].

Действительно, шок пандемии вызвал исторически беспрецедентный всплеск неопределенности: в 2020 г. мировой индекс неопределенности, рассчитываемый МВФ, поднялся вдвое выше, чем в период Великой рецессии 2007–2009 гг., и принципиально выше по сравнению с 1990-ми годами [11]. Вкупе с другими уникальными чертами рецессии это означает, что, *вступив ранее в эпоху сетей, мир вступает теперь и в эпоху кризисов нового типа*, не описанных в экономическом мейнстриме. Согласно прогнозам [34], предстоящие десятилетия будут отличаться рекуррентными (повторяющимися) внезапными шоками разного происхождения – эпидемиями, бедствиями от изменений климата, сбоями от кибератак и появлений новых подрывных технологий, финансовыми крахами и др. Причем будущие локальные шоки могут быстро распространяться глобально по каналам межфирменных связей подобно информационным волнам или биологическим эпидемиям [27].

Ситуация неопределенности, когда внезапные шоки становятся типовым явлением, непрерывно тестирующим существующие системы на прочность, требует пересмотра странами прежних представлений о рисках и способах поддержания своей макроэкономической устойчивости. Как и глобальным компаниям, начавшим после шока пандемии пересматривать свои бизнес-стратегии ради укрепления сопротивляемости ГСЦ каскадным сбоям, правительствам предстоит оптимизировать стратегии роста национальных экономик ради укрепления их сопротивляемости каскадным спадам.

Резильентность экономических систем в условиях неопределенности

С 2020-х годов стратегическим императивом и главным конкурентным преимуществом для всех типов экономик и бизнеса становится наращивание резильентности к непредсказуемым изменениям среды.

Понятие резильентности (*resilience*), выступающее антиподом понятия хрупкости (*fragility*), пришло в экономику и другие общественные дисциплины (менеджмент, политологию, сферу международных отношений и др.) из экологии – как отражение способности любой системы, которой удастся выживать, к восстановлению после шоков и адаптации к изменившейся среде [39]. С 2010-х годов это понятие все шире внедряется в стратегические и программные документы международных организаций (ООН, ОЭСР, ЕС и др.) как новый подход к проблемам безопасности в условиях внезапных шоков, будь то стихийные бедствия, политические конфликты, международный терроризм или экономические потрясения [22].

В частности, в 2015 г. ОЭСР выдвинула глобальную проектную инициативу «Новые подходы к экономическим вызовам» (*NAEC initiative*), имея в виду новые типы рисков, характерные для современного мира сложности, нелинейности и радикальной неопределенности (*radical uncertainty*) [3]. В рамках проекта ведущие мировые эксперты (*NAEC group*) развернули исследования в области обновления традиционного подхода к устойчивости национальных экономик, поставив в центр обсуждения концепцию *экономической резильентности* (*economic resilience*), вытекающую из экономической теории сложности.

В отличие от неоклассического представления об экономике как о линейной системе редуционистского типа, теория сложности воспринимает экономику как сложную нелинейную или сложную адаптивную систему (*complex adaptive system*) с холистической природой, т.е. как экосистему сетевых связей агентов и их групп [3]. Если традиционные системы отличаются прогнозируемым поведением и достигают стационарного макроравновесия в определенной точке (на что указывают модели общего равновесия), то экосистемы ведут себя непредсказуемо (эмерджентное поведение) и стабилизируются в динамическом режиме – в ходе постоянных трансформаций своей организационной и ресурсной структуры [40]. *Резильентность является воплощением динамической устойчивости сложных систем, подчеркивая их адаптивность к непрерывно изменчивой нелинейной среде, в частности, к ситуации длительных стрессов, внезапных шоков и неопределенности* [29]³.

³ Так же как и внезапные шоки, длительные стрессы (например, глобальное потепление) имеют нелинейную природу: изменения в системе могут накапливаться мед-

Теория сложности рассматривает глобальную экономику как многомерную экосистему связей [3], полагая, что *резильентностью могут и должны обладать ее подсистемы любого уровня* – от фирм и их сетевых сообществ (локальные кластеры, глобальные цепочки и др.) до рыночных экономик любого масштаба и их секторов [3].

Как вытекает из документов проекта ОЭСР [30], под резильентностью следует понимать *способность системы к мобильной перегруппировке своих элементов и ключевых ресурсов для достижения динамической устойчивости либо на прежнем, либо на новом уровне развития в ответ на внезапные внутренние или внешние возмущения*. Последующие доклады экспертов из NAES group, включая их реакцию на шок пандемии, углубили и расширили эту трактовку. Они подчеркнули, что концепция резильентности позволяет анализировать как поведение самих сложных систем, так и системные риски, возникающие при их растущей взаимозависимости [31].

К системному риску (systemic risk) относят ситуации, когда тот или иной внезапный локальный шок, произошедший в определенном звене данной системы или за ее пределами, порождает *волновой эффект нарастающих каскадных сбоев (ripple effect)* во всей системе в целом, причем масштабы распространения этих сбоев, степень наносимого ими ущерба и их необратимые структурные последствия столь же непредсказуемы, как и вызвавшее данный эффект локальное событие [24; 20]. При нынешней связности глобализированного мира по каналам бизнес-сетей и торговли через ГСЦ любой идиосинкратический шок на уровне отдельной фирмы-поставщика, имеющий даже местные масштабы (забастовка на предприятии, пожар на заводе) или низкую вероятность (стихийное бедствие на территории), может вызвать разрушительный системный сбой не только в данной экономике, но и во всей мировой. Сочетание локальных шоков низкой вероятности с их глобальными системными последствиями, которые трудно предсказать, не укладывается в традиционные подходы к проблеме управления рисками и поддержания экономического роста.

Представление об обеспечении устойчивости систем с позиций концепции резильентности (resilience-based approach) опирается на ряд следующих положений.

1. *Способность к принятию системных рисков и продолжению роста*

В традиционной практике фирм и стран риски носят статичный характер и касаются конкретной прогнозируемой угрозы. Они заведомо просчитываются до начала реализации этой угрозы, а управление рисками сводится к уходу от них, в частности, к предотвращению

ленно и почти незаметно, но в какой-то непредсказуемый момент достигают точки необратимости, за которой следует исключительно быстрый коллапс [31].

шоков или минимизации их негативных последствий. Но в мире сетей и обратных связей, где риски непредсказуемы, а их волновое распространение неизбежно, традиционный риск-менеджмент не может защитить системы от потрясений [14]. На этом фоне концепция резильентности признает, что каскадные сбои могут и будут происходить в предстоящие десятилетия, а бесконечное множество будущих угроз невозможно адекватно спрогнозировать и измерить, тем более полностью просчитать их последствия. Поэтому экономистам следует исходить из *динамической, постоянно изменчивой природы рисков и из способности систем их принимать*, двигаясь от фазы сопротивления шокам к фазе пост-шокового восстановления и не прекращая при этом экономического роста [23].

Известно, что при системных рисках масштаб нарушений в конкретной системе, подрывающих ее совокупную производительность и архитектуру, пропорционален действию волнового эффекта сбоев в пространстве и во времени [20]. Чем дольше длится и шире распространяется этот эффект, тем ближе система к угрозе коллапса (полной дестабилизации). Причем ослабление силы связей между участниками системы под влиянием внезапного шока (будь то разрывы в производственных, торговых, транспортных или информационных коммуникациях) наносит ей не меньший, если не больший ущерб в плане падения выпуска и остановки роста, чем возможная кризисная дестабилизация самих участников [16]. Поэтому с 2020-х годов перед странами встает задача освоить такие стратегии наращивания резильентности, которые позволят укрепить не только шокоустойчивость национальных предприятий, но и силу межфирменных (межагентских) связей, сдерживая волновое распространение сбоев и страхуя экономику от провалов в совокупной производительности в случае того или иного локального шока.

2. Поддержание баланса между робастностью и гибкостью

Резильентное состояние системы, определяющее степень ее устойчивости перед системными рисками, считается результатом поддержания ею оптимального динамического баланса между двумя структурными свойствами – робастностью и гибкостью [20]. *Робастность* (robustness) отражает способность системы сохранять стабильность в ситуации внезапного шока, т.е. абсорбировать шоки, минимизируя их негативное воздействие на свою структуру и производительность. *Гибкость* (flexibility) отражает способность системы быстро восстанавливать эффективный рост после шока за счет адаптации своей структуры и ресурсного потенциала к посткризисным изменениям в окружающей среде. Иначе говоря, современная экономика должна быть достаточно робастной для поглощения шоков и одновременно – достаточно гибкой для перегруппировки своих элементов и ключевых ресурсов ради продолжения роста в новых условиях [30].

3. *Наращивание организационной и функциональной сложности*

Степень резильентности системы во многом зависит от достигнутого ею уровня сложности, как организационной, связанной с развитостью сетевой среды, так и функциональной, связанной с уровнем диверсификации национального производства и экспорта [8]⁴. Наиболее резильентны передовые страны со сложной экономикой, имеющие одновременно высокую абсорбционную и высокую восстановительную способность (например, Япония и США), а наименее резильентны отстающие и структурно упрощенные экономики с низкими обеими способностями. Системы с высокой гибкостью, но низкой робастностью имеют умеренную резильентность, а робастные системы с недостаточной гибкостью, т.е. умеющие успешно поглощать шоки, но плохо восстанавливать рост производительности, демонстрируют, как правило, низкую резильентность и подвержены угрозе дестабилизации в случае очередного мощного потрясения [23]. Так, крупные иерархии с высокой централизацией управления могут обладать значительной робастностью и стабильностью, но им не хватает гибкости, построенной на развитой сетевой координации и силе обратных связей между агентами. Поэтому в эпоху неопределенности экономики типа Китая считаются изначально более хрупкими и уязвимыми по сравнению с такими рыночными системами, как страны ЕС, которые отличаются меньшей стабильностью и менее высокими темпами роста, но большей гибкостью и резильентностью [35].

4. *Поддержание баланса между текущей эффективностью и резильентностью*

Долгие годы фирмы и страны стремились к максимальной производительности и экономической эффективности при минимальных текущих затратах и резервных вложениях, руководствуясь «принципом бережливости» (leanness) – минимизации материальных запасов, сокращения удельных расходов, максимальной загрузки мощностей и т. п. Но ориентация на текущую рентабельность и экономию затрат не подходит для мира сложности и неопределенности. Как следует из теории систем, попытки оптимизировать на этой основе ту или иную составляющую сложной системы чреваты дестабилизацией всей системы в целом [31]. Наглядным тому примером служит вышеописанный спад 2020 г. в мировой экономике, когда шок

⁴ Фактор сложности сообщает системе определенный структурный порядок и динамическую устойчивость. Нарастивание сложности экономики повышает ее инновационный потенциал и укрепляет резильентность [3]. Напротив, перманентное падение сложности усиливает хрупкость системы и угрозу ее дестабилизации или потери управляемости (хаотизации) в случае очередного шока [24].

пандемии подорвал один из ее ключевых компонентов – глобальные цепочки поставок, оптимизированные на принципах «точно в срок».

Системные риски вынуждают страны пересматривать прежние приоритеты, ориентируясь на достижение динамического баланса между текущей эффективностью и длительной резильентностью [24]. Эффективность, основанная на резильентности, требует от системы не столько бережливого, сколько адаптивного поведения, в частности, присутствия в ней определенного избытка агентов и ресурсов для осуществления структурного маневра в ситуации вызова [25]. Речь не идет о создании дополнительных запасов или мощностей для традиционного противодействия операционным рискам. Понятие *избыточности* (redundancy) предполагает поддержание в системе разнообразных резервных и буферных активов совместного доступа, которые позволяют ее участникам гибко рекомбинировать ресурсы и производственные возможности в целях амортизации шоков или адаптации к постшоковым изменениям среды [20]. Сложные системы могут генерировать и эффективно использовать избыточность благодаря тому, что опираются на интерактивные взаимодействия и силу обратных связей участников как сетевых партнеров [14].

5. Последовательность трансформаций в ходе укрепления резильентности

Резильентность считается не столько стационарным, сколько *динамическим состоянием системы*, охватывающим процесс ее функциональных и поведенческих изменений до начала, во время и после внезапного шока. Последовательность этих трансформаций легла в основу наиболее универсального определения резильентного подхода к системным рискам. Под резильентным подходом, который теперь предстоит внедрять в национальные планы экономического развития и политику роста, понимаются четыре стадии укрепления устойчивости системы (см. рис. 2).

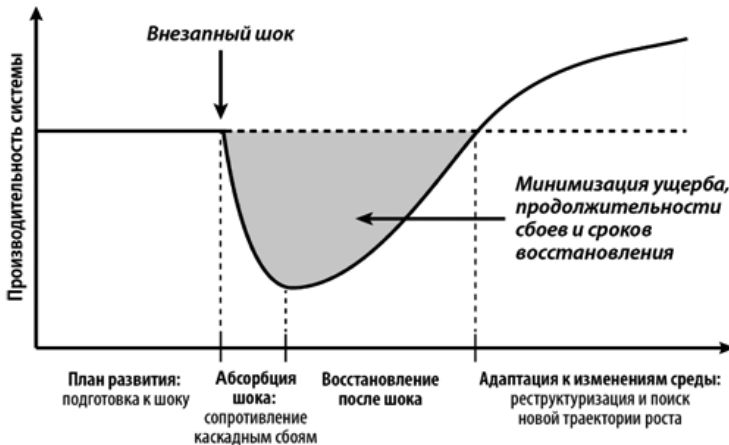

Рис. 2. Стадии укрепления устойчивости системы в условиях системных рисков.

Источник: адаптировано из [23].

Первая стадия – это подготовка системы к широкому разнообразию внезапных шоков с помощью проактивных мер, укрепляющих ее робастность и гибкость (включая создание избыточных и резервных возможностей). *Вторая* – абсорбция негативных воздействий шока и сопротивление каскадным сбоям, т. е. предотвращение или сдерживание волны структурных и функциональных нарушений за счет созданных механизмов робастности. *Третья* – восстановление после шока (если сбоев не удалось избежать) путем мобилизации резервных возможностей и механизмов дополнительной гибкости. *Четвертая* – адаптация системы к постшоковым изменениям среды на основе рекомбинирования ресурсов и структурной перестройки. Последняя стадия выражает *динамическую суть резильентного подхода*: для выживания в эпоху неопределенности важно не только быстро вернуться после шока на прежний уровень развития, но и подготовиться к очередным внезапным шокам, т. е. совершить не просто восстановительный отскок, но и рывок вперед, используя шоки как «окно возможностей» для реструктуризации системы и ее перехода на более эффективную траекторию роста [31; 33]. Например, шок пандемии 2020 г. создал возможность для более эффективной подготовки мира к другим потрясениям, связанным с изменением климата, а также для модернизации национальных систем здравоохранения и более интенсивного развития цифровых секторов.

Таким образом, согласно теории сложности, резильентная система обладает *тремя особыми свойствами* – абсорбционной способностью (absorptive capacity), адаптивностью (adaptive capacity) и трансформативностью (transformative capacity), т.е. способностью к фундаментальному обновлению посредством дальнейшего усложнения [30]. Саму же резильентность следует рассматривать как *организационный принцип функционирования сложных систем, новый элемент политики роста и новый стандарт управления рисками в условиях неопределенности*.

Готова ли Россия к новому этапу глобализации и эпохе внезапных шоков?

Шок пандемии, выводящий глобализацию на новый этап, открывает растущему числу экономик, особенно догоняющих, историческое «окно возможностей» для оптимизации своего участия в ГСЦ и углубления связей с мировыми рынками.

Во-первых, реконфигурация ГСЦ, намечаемая ведущими МНК в целях географической диверсификации рисков и сдерживания волнового распространения сбоев, опирается на богатую палитру бизнес-стратегий [7]. Согласно прогнозам [26], реализация этих стратегий вызовет широкое перемещение мировых промышленных мощностей

из нынешних локаций в другие юрисдикции, что позволит многим развивающимся экономикам занять в ГСЦ новые отраслевые ниши, включая те, где до сих пор доминировал Китай [21]⁵. Во-вторых, планы глобальных компаний по наращиванию производительности ГСЦ на базе непрерывных инноваций предполагают не только частичный рещоринг (возврат) срединных промышленных звеньев ГСЦ из стран с дешевым трудом в развитые экономики, но и одновременное расширение офшоринга наукоемких сервисных звеньев ГСЦ (начальных и конечных) в развивающиеся страны. В-третьих, дальнейшая цифровизация ГСЦ на базе новейших ИКТ, принципиально снижающих уязвимость систем перед рисками неопределенности (за счет интерактивного управления процессами в режиме реального времени), усилит сервисификацию промышленности (*servicifcation*), позволяя странам торговать не самими промежуточными товарами, а услугами, содержащими данные для их производства [38].

Используя эти трансформации, многие переходные экономики получают шанс усложнить структуру производства и экспорта, и как следствие – повысить устойчивость роста путем укрепления робастности и резильентности. Применительно к России речь идет о *перспективе продвижения в 2020-е годы к более сбалансированной международной специализации*, когда традиционные поставки сырья сопровождаются расширением экспорта современных услуг и товаров промышленной обработки [42].

Сырьевая специализация России и зависимость динамики ее ВВП от нефтегазовой ренты сформировали в 2000-е годы специфическую политику роста, сконцентрированную не столько на стимулировании инвестиционной активности бизнеса, сколько на поддержании текущей стабильности в состоянии госфинансов. Макрофинансовая устойчивость, достигаемая через сочетание трех приоритетов – сбалансированный бюджет, плавающий курс рубля и наращивание валютных резервов, позволила России создать солидную «подушку безопасности», мягче войти в глобальную рецессию 2020 г. и мягче из нее выйти, ослабив воздействие шока пандемии на объемы выпуска. Меньшее падение российской экономики по итогам 2020 г. (–3,0%, по последней оценке МВФ) по сравнению со среднемировым спадом объясняется и упрощенной моделью ее взаимодействий с мировыми рынками: в отличие от большинства экономик мира, вовлеченных в срединные звенья ГСЦ и оказавшихся в период локдаунов под двойной волной

⁵ Стремление МНК диверсифицировать сети поставщиков, а стран – ослабить свою повышенную зависимость от китайских поставок приведет к изменению роли Китая в ГСЦ: из доминирующего мирового поставщика относительно дешевой промышленной продукции он станет главным крупнейшим рынком конечного спроса [43].

сбоев (в качестве импортеров и последующих реэкспортеров), Россия включена как поставщик сырья в начальные звенья ГСЦ и слабо участвует в закупках промежуточного импорта (его доля в структуре российского экспорта снизилась к 2020 г. до 10% на фоне 16% у Китая и Индии) [42].

Текущие выигрыши России в смягчении спада сопровождаются, однако, долгосрочными проигрышами. Курс на сужение импорта (в рамках стимулирования импортозамещения) и ставка на приоритетное состояние госфинансов оборачиваются неуклонным снижением сложности и резильентности экономики. В течение многих лет Россия вынуждена поддерживать отдачу от экспорта исключительно за счет наращивания его объемов, а не наукоемкости и доходности, что подорвало даже имевшуюся в 1990-е годы экономическую робастность. За последние 20 лет производственная структура страны заметно упростилась, а ее зависимость от конъюнктуры нефтяных цен, напротив, возросла. Показательно, что после глобальной рецессии 2007–2009 гг. в российской экономике, и особенно в ее добывающих секторах, происходило хроническое сокращение совокупной факторной производительности (СФП)⁶. Этот тренд не только тормозил экономику, но и сопровождался падением позиций России в Глобальном индексе экономической сложности – с исторически пикового 30 места в мире в 2003 г. до 52-го к началу пандемии (см. рис. 3). По контрасту, за последние четверть века Китай поднялся на 30 позиций вверх до 16 места, а Вьетнам, сумевший успешно диверсифицировать производство и экспорт благодаря интеграции в различные ГСЦ (прежде всего в секторе электроники), – на 50 позиций, практически поравнявшись сегодня с Россией по уровню функциональной сложности экономики (56 место).

Сделав быстрый восстановительный отскок к середине 2021 г., российская экономика не совершила при этом никакого рывка вперед. Напротив, она вернулась в режим неустойчивого роста темпами заметно ниже среднемировых (согласно прогнозам, 4,0% в 2021 г. и 2,5% в 2022 г. на фоне соответствующих мировых показателей на уровне 6,0% и 4,9%), продолжая демонстрировать низкую резильентность при высокой макрофинансовой стабильности, достигаемой за счет высоких нефтяных цен (около 70 долл./барр.) [2]. При сохранении прежнего курса структурная уязвимость России перед системными рисками будет лишь нарастать – независимо от уровня нефтяных цен и

⁶ Если в период нефтяного бума 2002–2007 гг. СФП в России росла в среднем на 4,2% в год, выступая главным драйвером прироста внутриотраслевой производительности труда, то в период стагнации российской экономики 2011–2016 гг. СФП ежегодно падала на 1,9%, что стало ключевым фактором торможения экономического роста [1].

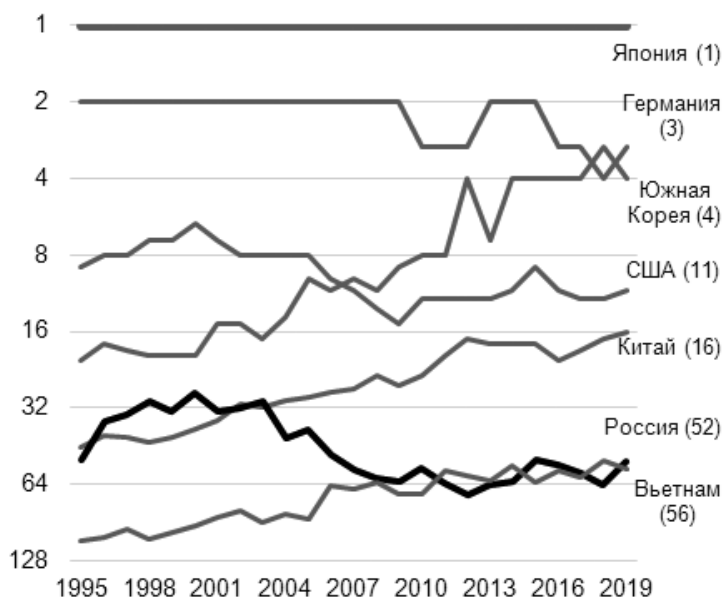

Рис. 3. Динамика позиций отдельных стран в Глобальном индексе экономической сложности, 1995–2019 г. (логарифмическая шкала).

Источник: составлено авторами по: данным Economic Complexity Index.

размеров финансовой «подушки». Между тем реглобализация 2020-х годов дает России объективные шансы если не для перелома этого опасного тренда, то хотя бы для противодействия ему, даже в условиях западных санкций [5].

Во-первых, в ходе диверсификации глобальных сетей поставщиков и передислокации звеньев ГСЦ у России могут появиться дополнительные ниши для экспорта и привлечения подразделений МНК, в т. ч. в добывающих секторах. Кроме того, с предстоящим усилением компактности и макрорегионального формата ГСЦ Россия может выгодно расширить торговлю транспортными услугами, используя преимущества своей территориальной близости одновременно к рынкам Европы и Азии.

Во-вторых, интересам России отвечает глобальное распространение офшоринга в секторе исследований и разработок. При определенных усилиях она может реализовать свои преимущества перед рядом других постсоветских стран в сфере науки и образования, в т. ч. заметно расширить свое участие в международных научных коллаборациях.

В-третьих, Россия может удачно воспользоваться трендом растущей цифровизации и сервисификации ГСЦ в 2020-е годы, опираясь на свои преимущества в области интенсивного внутреннего развития цифровых секторов. Сегодня Россия жестко регламентирует внешнюю торговлю современными услугами (финансы, связь, ИКТ), но при либерализации

этой сферы она могла бы быстро развернуть их экспорт и внедриться в высокодоходные сервисные звенья ГСЦ. Сервисное направление усложнения экспорта выглядит для России гораздо реалистичнее, чем перспектива широкого встраивания в срединные промышленные звенья ГСЦ на основе товарных поставок [42], тем более что эпоха глобализации и неопределенности не оставляет странам исторического времени для классической догоняющей индустриализации.

Вместе с тем «окна» посткризисных возможностей никогда не открываются без усилий. Для использования вышеописанных шансов России потребуется не столько государственная поддержка тех или иных экспортеров, сколько более широкая «домашняя работа», начиная от улучшения деловой и экологической среды (без чего невозможно привлечь в регионы глобальный бизнес) и кончая либерализацией торговли (включая отказ от импортного эмбарго) и сферы прямых иностранных инвестиций (включая отказ от директивных и избирательных норм в их отраслевом регулировании). А для выхода на новое качество роста, способное успешно защитить экономику от будущих глобальных потрясений, *России предстоит параллельно наращивать и робастность, и гибкость.*

В частности, важно учитывать, что в 2020-е годы функциональное усложнение систем будет еще больше, чем прежде, зависеть от организационного усложнения. Задача укрепления резильентности требует перехода стран к *системной модели структурной политики*, когда в основе диверсификации и повышения инновативности экономики лежит развитие сетевых процессов и экосистемного производственного ландшафта [8]. Неготовность стран, особенно ресурсозависимых, отказаться от излишней централизации управления или от идеи экономического национализма будет усиливать фрагментированность экономической среды (а в России она очень высока), сводя на нет перспективы ускорения роста, формируемые новым этапом глобализации.

В заключение подчеркнем: проблема резильентности систем выходит за рамки традиционного мейнстрима, побуждая экономистов все шире обращаться к эволюционной парадигме и связанной с ней теории сложности. Показательно, что эту проблему начинает признавать растущее число национальных правительств, особенно в Европе. Уже в этом году, на этапе посткризисного восстановления, они стремятся шире следовать рекомендациям проекта ОЭСР (NAEC Initiative), а также примеру международного бизнеса, уже поставившего резильентные стратегии и новые стандарты управления рисками в практическую плоскость. Более того, подготовка стран к будущим шокам, включая новые возможные эпидемии, уже потребовала координации действий на межправительственном уровне и более тесного контакта правительств с ведущими МНК [32].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воскобойников И.Б. и др.* Постшоковый рост российской экономики: опыт кризисов 1998 и 2008–2009 гг. и взгляд в будущее // Вопросы экономики. 2021. № 4. С. 5–31. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-4-5-31.
2. *Кондрашов Н.* В конце первого полугодия экономика почти вернулась на докризисную траекторию // Институт «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики». Комментарии о государстве и бизнесе. 2021. № 381.
3. *Смородинская Н.В.* Усложнение организации экономических систем в условиях нелинейного развития // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 5. С. 104–115.
4. *Смородинская Н.В., Катукое Д.Д.* Глобальные стоимостные цепочки: как поднять резильентность перед внезапными шоками? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 6. С. 30–50. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-2.
5. *Смородинская Н.В., Катукое Д.Д.* Распределенное производство в условиях шока пандемии: уязвимость, резильентность и новый этап глобализации // Вопросы экономики. 2021. В печати.
6. *Смородинская Н.В., Катукое Д.Д.* Распределенное производство и «умная» повестка национальных экономических стратегий // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 6. С. 72–101. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-6-04.
7. *Смородинская Н.В., Катукое Д.Д., Малыгин В.Е.* Глобальные стоимостные цепочки в эпоху неопределенности: преимущества, уязвимости, способы укрепления резильентности // Балтийский регион. 2021. Т. 13. № 3. 78–107. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-5.
8. *Смородинская Н.В., Малыгин В.Е., Катукое Д.Д.* Роль эндогенных механизмов и фактора сложности в достижении сбалансированного экономического роста // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 1. С. 113–129. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10006.
9. *Хейфец Б.А., Чернова В.Ю.* Новый глобальный экономический кризис: как изменится глобализация? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 34–52. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-2.
10. *Antràs P.* De-globalisation? Global value chains in the post-COVID-19 age. NBER Working Papers. N. 28115. 2020. DOI: 10.3386/w28115.
11. *Baker S.R. et al.* COVID-induced economic uncertainty. NBER Working Papers. No. 26983. 2020. DOI: 10.3386/w26983.
12. *Baldwin R., Freeman R.* Supply chain contagion waves: Thinking ahead on manufacturing ‘contagion and reinfection’ from the COVID concussion // VoxEU.org – CEPR’s policy portal. 2020. <https://voxeu.org/article/covid-concussion-and-supply-chain-contagion-waves>. (Accessed: 01.04.2020).
13. *Barro R.J., Ursúa F., Weng J.* The coronavirus and the Great Influenza Pandemic: Lessons from the ‘Spanish Flu’ for the coronavirus’s potential effects on mortality and economic activity. NBER Working Papers. N. 26866. 2020. DOI: 10.3386/w26866.
14. *Brunnermeier M.K.* The resilient society. Denver, CO: Endeavor Literary Press, 2021.
15. *Egger P.H., Zhu J.* How COVID-19 travels in- and outside of value chains and then affects the stock market: Evidence from China // The World Economy, 2021. DOI: 10.1111/twec.13134.
16. *Elliott M., Golub B., Leduc M.V.* Supply network formation and fragility. SSRN Working Papers, 2020. DOI: 10.2139/ssrn.3525459.

17. *Eppinger P. et al.* COVID-19 shocking global value chains. Kiel Working Papers. 2020. No. 2167.
18. *Gereffi G.* What does the COVID-19 pandemic teach us about global value chains?: The case of medical supplies // *Journal of International Business Policy*. 2020. Vol. 3. No. 3. P. 287–301. DOI: 10.1057/s42214-020-00062-w.
19. *Ivanov D., Dolgui A.* OR-methods for coping with the ripple effect in supply chains during COVID-19 pandemic: Managerial insights and research implications // *International Journal of Production Economics*. 2021. Vol. 232. P. 107921. DOI: 10.1016/j.ijpe.2020.107921.
20. *Ivanov D., Dolgui A., Sokolov B.* Ripple effect in the supply chain: Definitions, frameworks and future research perspectives // *Handbook of ripple effects in the supply chain* / D. Ivanov, A. Dolgui, B. Sokolov (eds.). Cham: Springer, 2019. Pp. 1–33. DOI: 10.1007/978-3-030-14302-2_1.
21. *Javorcik B.* Global supply chains will not be the same in the post-COVID-19 world // *COVID-19 and trade policy: Why turning inward won't work* / R. Baldwin, S. Evenett (eds.). London: CEPR Press. 2020. Pp. 111–116.
22. *Korosteleva E. A., Flockhart T.* Resilience in EU and international institutions: Redefining local ownership in a new global governance agenda // *Contemporary Security Policy*. 2020. Vol. 41. N. 2. P. 153–175. DOI: 10.1080/13523260.2020.1723973.
23. *Linkov I., Trump B.D.* The science and practice of resilience. Cham: Springer, 2019. DOI: 10.1007/978-3-030-04565-4.
24. *Linkov I., Trump B.D., Hynes W.* Resilience-based strategies and policies to address systemic risks. SG/NAEC(2019)5. 2019. [https://www.oecd.org/naec/averting-systemic-collapse/SG-NAEC\(2019\)5_Resilience_strategies.pdf](https://www.oecd.org/naec/averting-systemic-collapse/SG-NAEC(2019)5_Resilience_strategies.pdf).
25. *Martin R., Sunley P.* On the notion of regional economic resilience: Conceptualization and explanation // *Journal of Economic Geography*. 2015. Vol. 15. No. 1. Pp. 1–42. DOI: 10.1093/jeg/lbu015.
26. *McKinsey Global Institute.* Risk, resilience, and rebalancing in global value chains. Washington, DC: McKinsey & Company, 2020.
27. *Minas J.P., Simpson N.C., Kao T.-W.* New measures of vulnerability within supply networks: A comparison of industries // *Handbook of ripple effects in the supply chain* / D. Ivanov, A. Dolgui, B. Sokolov (eds.). Cham: Springer, 2019. Pp. 209–227. DOI: 10.1007/978-3-030-14302-2_11.
28. *Miroudot S., Nordström H.* Made in the world?: Global value chains in the midst of rising protectionism // *Review of Industrial Organization*. 2020. Vol. 57. No. 2. Pp. 195–222. DOI: 10.1007/s11151-020-09781-z.
29. *Mitchell A.* Risk and resilience: From good idea to good practice. OECD Development Cooperation Working Papers. No. 13. 2013. DOI: 10.1787/5k3ttg4cxcbp-en.
30. OECD, SIDA. Resilience systems analysis: Learning and recommendations report. Paris: OECD Publishing, 2017.
31. OECD. A systemic resilience approach to dealing with COVID-19 and future shocks. OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19), 2020. DOI: 10.1787/36a5bdfb-en.
32. OECD. Strengthening economic resilience following the COVID-19 crisis: A firm and industry perspective. Paris: OECD Publishing, 2021. DOI: 10.1787/2a7081d8-en.
33. Orkestra. 2020 Basque country competitiveness report: Resilience: Before, during and after the pandemic. San Sebastián: University of Deusto, 2020.
34. *PIIE.* Rebuilding the global economy. PIIE briefing 21-1, Peterson Institute for International Economics. 2021. Washington, DC.

35. *Root H.L.* Network origins of the global economy: East vs. West in a complex systems perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
36. *Sreedevi R., Saranga H.* Uncertainty and supply chain risk: The moderating role of supply chain flexibility in risk mitigation // *International Journal of Production Economics*. 2017. Vol. 193. Pp. 332–342. DOI: 10.1016/j.ijpe.2017.07.024.
37. *UNCTAD.* World investment report 2020: International production beyond the pandemic. New York, NY: United Nations, 2020.
38. *van der Marel E.* Disentangling data flows: Inside and outside the multinational company // *Trade in the 21st century: Back to the past? / B. Hoekman, E. Zedillo (eds.)*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2021. Pp. 331–364.
39. *Walker J., Cooper M.* Genealogies of resilience // *Security Dialogue*. 2011. Vol. 42. No. 2. Pp. 143–160. DOI: 10.1177/0967010611399616.
40. *Wilson D.S.* Two meanings of complex adaptive systems // *Complexity and evolution: Toward a new synthesis for economics / D.S. Wilson, A. Kirman (eds.)*. Cambridge, MA: MIT Press, 2016. Pp. 31–46.
41. *World Bank.* Global economic prospects: June 2020. Washington, DC: World Bank, 2020. DOI: 10.1596/978-1-4648-1553-9.
42. *World Bank.* Russia integrates: Deepening the country's integration in the global economy. Washington, DC: World Bank, 2020.
43. *World Bank.* World development report 2020: Trading for development in the age of global value chains. Washington, DC: World Bank, 2020. DOI: 10.1596/978-1-4648-1457-0.

REFERENCES

1. *Voskoboinikov I.B. et al.* Recovery experiences of the Russian economy: The patterns of the post-shock growth after 1998 and 2008 and future prospects // *Voprosy ekonomiki*. 2021. No. 4. P. 5–31. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2021-4-5-31.
2. *Kondrashov N.* By the end of the first half of the year, the economy has almost returned to its pre-crisis trajectory // *Comments on government and business*. 2021. No. 381. (In Russ.).
3. *Smorodinskaya N. V.* Growing organizational complexity of economic systems under non-linear development // *Bulletin of the Institute of Economics RAS*. 2017. No. 5. Pp. 104–115. (In Russ.).
4. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Global value chains: How to enhance resilience under sudden shocks? // *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2020. Vol. 13. No. 6. Pp. 30–50. (In Russ.). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-2.
5. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Distributed production under the pandemic shock: vulnerability, resilience and the new stage of globalization // *Voprosy ekonomiki*. 2021. Forthcoming. (In Russ.).
6. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D.* Dispersed model of production and smart agenda of national economic strategies // *Economic Policy*. 2017. Vol. 12. No. 6. P. 72–101. (In Russ.). DOI: 10.18288/1994-5124-2017-6-04.
7. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D., Malygin V.E.* Global value chains in the age of uncertainty: Advantages, vulnerabilities, ways for enhancing resilience // *Baltic Region*. 2021. Vol. 13. No. 3. 78–107. (In Russ.). DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-5.
8. *Smorodinskaya N.V., Malygin V.E., Katukov D.D.* The role of endogenous mechanisms and the factor of complexity in achieving sustainable economic growth // *Bulletin of*

- Institute of Economics RAS. 2020. No. 1. P. 113–129. (In Russ.). DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10006.
9. *Kheifets B.A., Chernova V.Y.* The new global economic crisis: How will globalization change? // Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2020. Vol. 13. No. 4. P. 34–52. (In Russ.). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-2.
 10. *Antràs P.* De-globalisation? Global value chains in the post-COVID-19 age. NBER Working Papers. No. 28115. 2020. DOI: 10.3386/w28115.
 11. *Baker S.R. et al.*. COVID-induced economic uncertainty. NBER Working Papers. No. 26983. 2020. DOI: 10.3386/w26983.
 12. *Baldwin R., Freeman R.* Supply chain contagion waves: Thinking ahead on manufacturing ‘contagion and reinfection’ from the COVID concussion // VoxEU.org – CEPR’s policy portal. 2020. <https://voxeu.org/article/covid-concussion-and-supply-chain-contagion-waves> (accessed: 01.04.2020).
 13. *Barro R.J., Ursúa J.F., Weng J.* The coronavirus and the Great Influenza Pandemic: Lessons from the ‘Spanish Flu’ for the coronavirus’s potential effects on mortality and economic activity. NBER Working Papers. 2020. No. 26866. DOI: 10.3386/w26866.
 14. *Brunnermeier M.K.* The resilient society. Denver, CO: Endeavor Literary Press, 2021.
 15. *Egger P.H., Zhu J.* How COVID-19 travels in- and outside of value chains and then affects the stock market: Evidence from China // *The World Economy*, 2021. DOI: 10.1111/twec.13134.
 16. *Elliott M., Golub B., Leduc M.V.* Supply network formation and fragility. SSRN Working Papers. 2020. DOI: 10.2139/ssrn.3525459.
 17. *Eppinger P. et al.* COVID-19 shocking global value chains. Kiel Working Papers. 2020. No. 2167.
 18. *Gereffi G.* What does the COVID-19 pandemic teach us about global value chains?: The case of medical supplies // *Journal of International Business Policy*. 2020. Vol. 3. No. 3. Pp. 287–301. DOI: 10.1057/s42214-020-00062-w.
 19. *Ivanov D., Dolgui A.* OR-methods for coping with the ripple effect in supply chains during COVID-19 pandemic: Managerial insights and research implications // *International Journal of Production Economics*. 2021. Vol. 232. Pp. 107921. DOI: 10.1016/j.ijpe.2020.107921.
 20. *Ivanov D., Dolgui A., Sokolov B.* Ripple effect in the supply chain: Definitions, frameworks and future research perspectives // *Handbook of ripple effects in the supply chain* / D. Ivanov, A. Dolgui, B. Sokolov (eds.). Cham: Springer, 2019. Pp. 1–33. DOI: 10.1007/978-3-030-14302-2_1.
 21. *Javorcik B.* Global supply chains will not be the same in the post-COVID-19 world // COVID-19 and trade policy: Why turning inward won’t work / R. Baldwin, S. Evenett (eds.). London: CEPR Press, 2020. Pp. 111–116.
 22. *Korosteleva E.A., Flockhart T.* Resilience in EU and international institutions: Redefining local ownership in a new global governance agenda // *Contemporary Security Policy*. 2020. Vol. 41. No. 2. Pp. 153–175. DOI: 10.1080/13523260.2020.1723973.
 23. *Linkov I., Trump B. D.* The science and practice of resilience. Cham: Springer, 2019. DOI: 10.1007/978-3-030-04565-4.
 24. *Linkov I., Trump B. D., Hynes W.* Resilience-based strategies and policies to address systemic risks. SG/NAEC(2019)5. 2019. [https://www.oecd.org/naec/averting-systemic-collapse/SG-NAEC\(2019\)5_Resilience_strategies.pdf](https://www.oecd.org/naec/averting-systemic-collapse/SG-NAEC(2019)5_Resilience_strategies.pdf).

25. *Martin R., Sunley P.* On the notion of regional economic resilience: Conceptualization and explanation // *Journal of Economic Geography*. 2015. Vol. 15. No. 1. Pp. 1–42. DOI: 10.1093/jeg/lbu015.
26. *McKinsey Global Institute.* Risk, resilience, and rebalancing in global value chains. Washington, DC: McKinsey & Company, 2020.
27. *Minas J.P., Simpson N.C., Kao T.-W.* New measures of vulnerability within supply networks: A comparison of industries // *Handbook of ripple effects in the supply chain* / D. Ivanov, A. Dolgui, B. Sokolov (eds.). Cham: Springer, 2019. Pp. 209–227. DOI: 10.1007/978-3-030-14302-2_11.
28. *Miroudot S., Nordström H.* Made in the world?: Global value chains in the midst of rising protectionism // *Review of Industrial Organization*. 2020. Vol. 57. No. 2. Pp. 195–222. DOI: 10.1007/s11151-020-09781-z.
29. *Mitchell A.* Risk and resilience: From good idea to good practice. OECD Development Cooperation Working Papers. No. 13. 2013. DOI: 10.1787/5k3ttg4cxcbp-en.
30. OECD, SIDA. Resilience systems analysis: Learning and recommendations report. Paris: OECD Publishing, 2017.
31. OECD. A systemic resilience approach to dealing with COVID-19 and future shocks. OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19). 2020. DOI: 10.1787/36a5bdfb-en.
32. OECD. Strengthening economic resilience following the COVID-19 crisis: A firm and industry perspective. Paris: OECD Publishing, 2021. DOI: 10.1787/2a7081d8-en.
33. Orkestra. 2020 Basque country competitiveness report: Resilience: Before, during and after the pandemic. San Sebastián: University of Deusto, 2020.
34. PIIE. Rebuilding the global economy. PIIE briefing 21-1, Peterson Institute for International Economics. 2021. Washington, DC.
35. Root H.L. Network origins of the global economy: East vs. West in a complex systems perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
36. Sreedevi R., Saranga H. Uncertainty and supply chain risk: The moderating role of supply chain flexibility in risk mitigation // *International Journal of Production Economics*. 2017. Vol. 193. P. 332–342. DOI: 10.1016/j.ijpe.2017.07.024.
37. UNCTAD. World investment report 2020: International production beyond the pandemic. New York, NY: United Nations, 2020.
38. *van der Marel E.* Disentangling data flows: Inside and outside the multinational company // *Trade in the 21st century: Back to the past?* / B. Hoekman, E. Zedillo (eds.). Washington, DC: Brookings Institution Press, 2021. Pp. 331–364.
39. *Walker J., Cooper M.* Genealogies of resilience // *Security Dialogue*. 2011. Vol. 42. No. 2. Pp. 143–160. DOI: 10.1177/0967010611399616.
40. *Wilson D.S.* Two meanings of complex adaptive systems // *Complexity and evolution: Toward a new synthesis for economics* / D.S. Wilson, A. Kirman (eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 2016. Pp. 31–46.
41. *World Bank.* Global economic prospects: June 2020. Washington, DC: World Bank, 2020. DOI: 10.1596/978-1-4648-1553-9.
42. *World Bank.* Russia integrates: Deepening the country's integration in the global economy. Washington, DC: World Bank, 2020.
43. *World Bank.* World development report 2020: Trading for development in the age of global value chains. Washington, DC: World Bank, 2020. DOI: 10.1596/978-1-4648-1457-0.

ABOUT THE AUTHORS

Smorodinskaya Nataliya Vadimovna – Candidate of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
smorodinskaya@gmail.com

Katukov Daniil Dmitrievich – Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
dkatukov@gmail.com

RESILIENCE OF ECONOMIC SYSTEMS IN THE AGE OF GLOBALIZATION AND SUDDEN SHOCKS

The paper highlights the increased interdependence of national economies as partners in global value chains (GVCs) and the contribution of GVCs in the cascading propagation of downfalls under the COVID-19 pandemic shock. Against the backdrop of the spring 2020 international debate on countries' future economic security under impending deglobalization, it is shown the actual entry of globalization into a new phase, shaped by restructuring of the pre-pandemic GVC architecture on the part of global business. The article concentrates on the concept of systems' resilience (structural adaptivity) as a new approach to ensuring their sustainability in the coming age of radical uncertainty and systemic risks (the rippling propagation of sudden shocks). Relationship of this concept with the dynamic sustainability of complex systems (as an alternative to neoclassical idea of systems' static macroeconomic stability) and with the challenge for countries to simultaneously increase their economic robustness and flexibility are considered. A special section focuses on the Russian economy, analyzing its vulnerability under the global transformations of the 2020s and its capacity to take advantage of the historical "window of opportunity" opening at the forthcoming stage of globalization.

Keywords: *globalization, uncertainty, resilience, Russian economy, COVID-19 pandemic crisis, systemic risk, complexity economics.*

JEL: O40, F23, F40, F60.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

М.М. ЛОБАНОВ

кандидат географических наук,
ведущий научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований,
заместитель директора по научной работе ФГБУН Институт экономики РАН,
доцент Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова

Е. ЗВЕЗДАНОВИЧ ЛОБАНОВА

PhD, научный сотрудник
Института общественных наук (г. Белград, Республика Сербия)

ОСТАНОВКА ПО ТРЕБОВАНИЮ: ЭКОНОМИКА СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

В статье рассматриваются особенности влияния пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы. Авторами проводится сравнение основных каналов распространения кризиса, его глубины и длительности для вторичного и третичного секторов экономики стран региона с различным уровнем вовлеченности в мирохозяйственные отношения, конкурентоспособности предприятий и зрелости рынков труда. В рамках анализа реализуемых антикризисных мер дается оценка дополнительной нагрузки на государственные финансы, которая частично нивелируется внешними заимствованиями, а в ряде стран – поступлениями из бюджетной системы и фондов Евросоюза. Кроме того, авторами сделан акцент на определении степени внутрирегиональной дифференциации по квартальным и месячным показателям динамики ВВП и занятости, оборота в промышленности и сфере услуг, валового накопления основного капитала, доходов, сбережений и расходов населения.

Ключевые слова: *Центрально-Восточная и Юго-Восточная Европа, Европейский союз, COVID-19, макроэкономические показатели, промышленность, сфера услуг, дестабилизация, антикризисные меры, экономическая политика.*

JEL: O11, O52, O57, F43, H5.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_116_141.

Введение

Пандемия COVID-19 стала беспрецедентным явлением в новейшей истории мирового хозяйства, вызвав самый глубокий с середины XX в. спад в экономической деятельности большинства стран, которые были вынуждены следовать мерам по предотвращению распространения коронавирусной инфекции. Данный кризис отличают не только высокая степень сокращения хозяйственной активности, широкий территориальный охват и лежащие вне экономической плоскости первопричины, но и разнообразие траекторий восстановления стран и регионов, обусловленное структурной неоднородностью.

В данной работе мы представим результаты исследования реакции экономик стран Центрально-Восточной (ЦВЕ) и Юго-Восточной Европы (ЮВЕ) на стремительное распространение коронавирусной инфекции и вызванные этим ограничительные меры, а также обозначим общие черты и различия в разработанных государствами региона антикризисных мерах. Противодействие кризису было осложнено, в числе прочего, многообразием факторов, оказавших влияние на функционирование предприятий, – одни из них были закрыты вследствие локдауна или столкнулись с ухудшением условий хозяйствования, вызванных ограничением мобильности населения, тогда как другие сократили объемы производства из-за перебоев с поставками импортных комплектующих и материалов.

Перечни антикризисных мер, утвержденные правительствами стран ЦВЕ и ЮВЕ, разрабатывались с учетом рекомендаций Евросоюза и в связи с этим весьма схожи. Вместе с тем существуют различия как в принципах распределения финансовой помощи и отбора потенциальных бенефициаров, так и в относительном уровне непредвиденных расходов и недополученных доходов государственных бюджетов. Важным фактором посткризисного восстановления в восточноевропейских странах – членах Евросоюза будет являться предоставление помощи в рамках Многолетнего финансового плана и программ фонда «Будущее поколение ЕС». При проведении анализа антикризисных мер мы выделим основные инструменты поддержки нефинансовых компаний, которыми могли воспользоваться предприятия промышленности и ряда отраслей сферы услуг, и сопоставим дополнительную нагрузку на бюджет в разных странах ЦВЕ и ЮВЕ. Отдельного внимания заслуживает проблема возросшей бюджетной несбалансированности, а также и механизмы ее решения, в том числе за счет увеличения объема государственного долга. В данной статье мы сравним сложившуюся ситуацию с государственными финансами в странах региона и в других европейских государствах.

Вторая часть работы посвящена анализу влияния пандемии COVID-19 на некоторые макроэкономические показатели за 2020–2021 гг. (а также за 2010-е годы – с целью сопоставления), в т. ч. экономический рост, уровень доходов, сбережений и расходов населения, валовое накопление основного капитала. Промышленность и сфера услуг государств региона в различной степени были затронуты последствиями распространения коронавирусной инфекции, что будет показано в статье. Мы подробно остановимся на тенденциях развития рынков труда стран ЦВЕ и ЮВЕ, в частности, на вынужденных изменениях в организации деятельности сервисных и производственных компаний, и определим степень внутрорегиональных различий в динамике безработицы и занятости.

Антикризисные меры для поддержания хозяйственной деятельности

Масштабные ограничения, введенные правительствами стран ЦВЕ и ЮВЕ с целью снижения заболеваемости населения новой коронавирусной инфекцией, существенно повлияли на показатели деятельности предприятий в большинстве сфер экономики. Под угрозой серьезной финансовой дестабилизации или даже закрытия оказались в первую очередь компании «контактных отраслей» третичного сектора, однако и заметная часть промышленных фирм была вынуждена внести коррективы в организацию рабочего процесса. В частности, в связи с локдауном была временно приостановлена деятельность предприятий трудоемких отраслей с низким уровнем автоматизации производства. Впрочем, гораздо большее влияние на динамику промышленного выпуска в регионе оказал дефицит комплектующих и материалов, возникший в связи с разрывом трансграничных производственных цепочек.

Меры по сдерживанию распространения COVID-19 впервые были применены в странах региона в марте 2020 г., а в летние месяцы были ослаблены благодаря улучшению эпидемиологической ситуации. Во время «второй» и «третьей» волн заболеваемости осенью 2020 г. и весной 2021 г. большинство государств ЦВЕ и ЮВЕ вернулось к режиму ограничений, но по сравнению с первым локдауном он оказался более щадящим. Стремительное развитие событий и растущая неопределенность крайне негативно сказались на хозяйственной деятельности в марте–апреле 2020 г. Страны региона спешно разрабатывали и внедряли пакеты мер поддержки наиболее пострадавших от коронакризиса слоев населения и сфер экономики: как правило, помощь была рассчитана на период с марта–апреля по декабрь 2020 г., но некоторые меры были отменены ранее. Действие наиболее эффективных

программ поддержки населения и бизнеса пролонгировано до конца 2021 г. По аналогии с тремя «волнами» распространения коронавирусной инфекции в государствах региона можно дифференцировать и три «волны» применения *антикризисных мер*.

Отметим, что перечни мер от страны к стране различаются незначительно, а ключевые направления бюджетных ассигнований или изменения принципов налогообложения во многом схожи. Очевидно, что это связано в том числе с возможностью использовать подходы к антикризисной политике, разработанные в других странах Евросоюза, где пандемия началась раньше. Кроме того, финансирование ряда программ экономического развития из фондов ЕС была бы невозможной без учета рекомендаций и предварительных консультаций с Брюсселем, что также повлияло на унификацию мер противодействия кризису.

Перечень мер социальной направленности был также весьма широк и характеризовался большей вариативностью по сравнению с общеэкономическими мерами: в ряде стран осуществлялись единовременные или регулярные выплаты пособий (детских, по безработице, пенсионерам) и субсидий самозанятым, росли капиталовложения в сферу здравоохранения и повышался уровень зарплат врачей, участвовавших в борьбе с пандемией, действовали программы сохранения занятости в общественных учреждениях (например, в детских садах). Государства региона с высокой долей рекреационных услуг в структуре экономики уделяли большое внимание поддержанию «на плаву» предприятий так называемой сферы HoReCa (акроним от первых букв слов «гостиницы», «рестораны» и «кейтеринг»), выручка которых заметно сократилась. В частности, осуществлялись прямые выплаты отельерам, фирмы туристической отрасли и сферы развлечений использовали государственные субсидии на зарплату, был утвержден механизм оформления туристических ваучеров, а в некоторых странах применялась отсрочка по уплате юрлицами социальных отчислений.

Антикризисные меры, как правило, можно систематизировать, используя два принципа: по их назначению (влияние на занятость, экономический рост, уровень налогообложения) и по источнику финансирования (связанные и не связанные с увеличением бюджетных расходов). Второй подход позволяет выделить меры, увеличивающие нагрузку на бюджет в результате непредвиденных расходов (льготные госкредиты, субсидии на зарплату и аренду помещений, капитализация госфондов), и прочие меры, как правило, представляющие условные обязательства или приводящие к недополучению доходов (гарантии по кредитам коммерческих банков, отсрочки по уплате налогов / налоговые каникулы). Роль этих двух групп в странах региона была примерно одинакова, с небольшим «перевесом» первой из них.

Таблица 1

**Прямые и косвенные меры поддержки нефинансовых компаний
в отдельных странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2020–2021 гг.**

		Болгария	Венгрия	Польша	Румыния	Сербия	Словакия	Словения	Хорватия	Чешская Республика
Совокупный объем выделяемых бюджетных средств (или недополученных доходов) к ВВП в 2020 г., %, в т. ч.:		2,5	7,0	11,5	4,0	8,3	4,3	13,6	5,0	20,0
гранты или денежные компенсации										
льготные кредиты госучреждений				4,4				1,8		
гарантии по кредитам коммерческих банков				3,2		1,2	1,1	4,7		
субсидии на зарплату		1,0		0,6		0,7	0,8	2,0		
субсидии на аренду помещений										
Налоговые меры	отсрочки по уплате налогов и социальных отчислений	0,5				2,7	0,5	0,9		
	снижение ставки НДС	0,3								
	освобождение от уплаты НДС при импорте медицинских товаров									

Источник: составлено авторами по [1; 3; 4; 12; 13; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 29; 30; 31].

Примечание: темный цвет ячейки обозначает наличие определенной меры государственной поддержки нефинансовых компаний. При отсутствии данных об объеме выделяемых бюджетных средств цифры в ячейке отсутствуют.

Систематизированные нами сведения по объему и типу помощи нефинансовым компаниям в девяти странах ЦВЕ и ЮВЕ представлены в табл. 1. Сопоставляя реализуемые национальными правительствами пакеты антикризисных мер, выделим основные инструменты поддержки нефинансовых компаний, которыми могли воспользоваться предприятия промышленности и ряда отраслей сферы услуг¹:

¹ Бенефициарами реализации антикризисных мер оказались в первую очередь сервисные компании. Так, в Польше к октябрю 2020 г. субсидиями на зарплату воспользовалось почти 50% компаний обрабатывающей промышленности, 50% гостиниц и ресторанов и 30% предприятий торговли, тогда как налоговыми послаблениями – 30, 70 и 50% соответственно, а льготными кредитами – 15, 70 и 40% [24].

- гранты или денежные компенсации для поддержания финансовой устойчивости МСП и/или крупных компаний (как правило, при сокращении оборота более чем на 20 или 40%);
- льготные кредиты профильных госбанков или фондов развития МСП и/или крупным компаниям (в ряде случаев устанавливались условия по их списанию, например, сохранение текущей занятости в течение года);
- гарантии профильных госбанков по кредитам коммерческих банков для поддержания ликвидности МСП и, реже, крупных компаний (до 70–90% суммы кредита);
- субсидии на зарплату (в размере 40–80%) сотрудников пострадавших от кризиса фирм, в т. ч. временно приостановивших деятельность². Размер субсидий определяется, как правило, уровнем сокращения выручки или рабочего времени (в ряде случаев – относительным числом уволенных сотрудников). В некоторых странах также были предусмотрены субсидии на зарплату впервые трудоустроенных молодых людей;
- субсидии на аренду помещений фирмами, пострадавшими от кризиса;
- налоговые инструменты – отсрочки по уплате налога на прибыль, социальных отчислений, ряда муниципальных налогов; реструктуризация налоговой задолженности; снижение ставки НДС для некоторых отраслей; освобождение от уплаты НДС при импорте ряда медицинских товаров.

Отдельные страны применяли также специфические инструменты антикризисной политики, не получившие широкого распространения. Так, в Польше действует двухлетний запрет на приобретение иностранными фирмами акций отечественных компаний (более 20%), представляющих стратегические секторы экономики и испытывающих финансовые трудности.

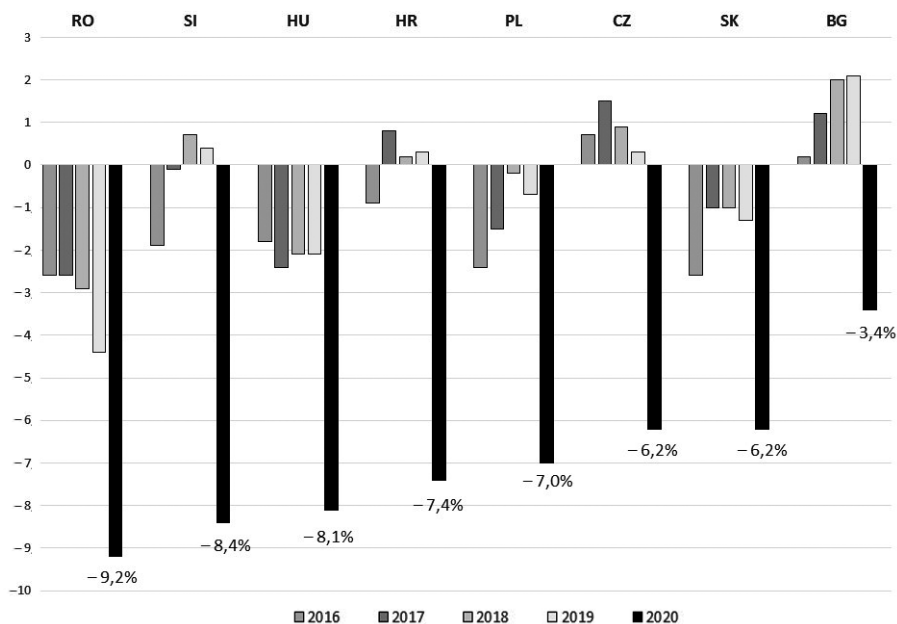
Обращает на себя внимание тот факт, что основными получателями помощи в ЦВЕ и ЮВЕ являлись малые фирмы и самозанятые, а о селективной поддержке крупных фирм страны – члены ЕС оповещали профильные ведомства Еврокомиссии. Большое значение имело обеспечение транспарентности программ поддержки бизнеса (например, в некоторых государствах в открытом доступе размещались данные о крупнейших получателях средств) и противодействие злоупотреблениям и мошенническим схемам (исключение из списков фирм-бенефициаров, зарегистрированных с целью получения помощи).

² В ряде стран (например, в Словении) субсидии получали фирмы, перешедшие с целью сохранения занятости на режим сокращенного рабочего дня. Подобную схему активно использовали весной 2020 г. промышленные предприятия.

Промежуточные результаты проведения антикризисной политики в странах региона оказались разными. Согласно данным Всемирного банка, программами государственной поддержки в период «первой волны» распространения COVID-19 было охвачено 80% столкнувшихся со сжатием спроса компаний в Польше, 75% – в Хорватии, 70% – в Словении и Словакии, 65% – в Чешской Республике, 55% – в Румынии, 45% – в Албании и Северной Македонии, 40% – в Болгарии и 30% – в Венгрии [9]. Высокий уровень освоения средств для субсидий на зарплату в Словении позволил охватить ими четвертую часть рабочей силы, тогда как в Болгарии успехи оказались куда более скромными, поскольку за несколько первых месяцев пандемии было использовано лишь $\frac{1}{5}$ выделенных на субсидии финансовых ресурсов. Программы по предоставлению гарантий на кредиты коммерческих банков в ряде стран ЮВЕ реализовывались медленными темпами в связи с бюрократическими проволочками. Среди основных факторов, ограничивавших эффективность предоставления государственной помощи бизнесу в первой половине 2020 г., следует упомянуть строгость критериев отбора (в ряде стран они были впоследствии пересмотрены), задержки в получении разрешительных документов ЕС на перераспределение средств, а также недостаточную информированность потенциальных бенефициаров.

Изменения в налогообложении и уровне бюджетных расходов с целью восстановления экономики в 2020 г. (так называемая дискреционная фискальная политика) для многих стран региона оказались весьма существенными. Согласно данным МВФ, затраты на ее проведение достигли в Чешской Республике 20% к ВВП, в Словении – 13,6%, в Польше – 11,5%, что сделало эти страны, наряду с Германией, Италией, Францией и Испанией, лидерами в ЕС по этому показателю (см. табл. 1) [16]. При этом четыре страны региона с наименьшими относительными расходами на фискальную политику «замыкают» общеевропейский список (Болгария – около 3% к ВВП, Румыния, Хорватия и Словакия – 4–5%); Венгрия также располагается ближе к его концу (7%). Однако если учитывать лишь прямые бюджетные расходы (без гарантий по кредитам и налоговых послаблений), то они составят 7% ВВП в Словении (лидирует среди стран ЕС вместе с Германией и Австрией), 6,5% в Польше, 5% в Хорватии, по 4% в Чешской Республике и Венгрии и всего лишь по 2% в Словакии, Болгарии и Румынии.

Непредвиденное увеличение государственных расходов на борьбу с последствиями локдауна привели к значительному увеличению *бюджетного дефицита*. К примеру, в Румынии он достиг рекордных 9,2% к ВВП, в Словении – 8,4%, в Венгрии – 8,1%, в Хорватии – 7,4%, в Польше – 7,0% (см. рис. 1). Лишь в случае Болгарии можно утверждать об относительно благоприятном положении в сфере госфинансов

Примечание: здесь и далее: АТ – Австрия, ВГ – Болгария, CZ – Чешская Республика, ES – Испания, EU – Европейский Союз, HR – Хорватия, HU – Венгрия, ИТ – Италия, PL – Польша, RO – Румыния, RU – Россия, SI – Словения, SK – Словакия, SR – Сербия.

Рис. 1. Сальдо государственного бюджета отдельных стран ЦВЕ и ЮВЕ в 2016–2020 гг. (% к ВВП).

Источник: составлено авторами по: [14].

в 2020 г. (3,4% к ВВП; третье место среди стран ЕС)³. При этом во второй половине 2010-х годов страны региона характеризовались высоким уровнем бюджетной сбалансированности: часть из них формировала бюджет с положительным сальдо (Болгария, Чешская Республика, Хорватия, Словения), тогда как в большинстве других отрицательное сальдо не превышало 1–2% ВВП. С целью финансирования дефицита госбюджета государства региона осуществляли внешние заимствования путем размещения ценных бумаг и использовали трансферты из фондов Евросоюза, а также обращались к специфическим источникам поступления средств – к примеру, в Венгрии были введены «кризисные налоги» на банки и крупнейшие торговые сети⁴.

³ Более высокие, чем в 2020 г., показатели отрицательного сальдо бюджета фиксировались в большинстве стран в 2010–2013 гг., в Венгрии – в 2006 г., Чешской Республике – в 2003 г., а в Румынии не были отмечены ни разу за тридцатилетний период демократического развития.

⁴ К примеру, Болгария выпустила еврооблигации на общую сумму 2,5 млрд евро (срок погашения – 10 и 30 лет), Сербия – 3 млрд евро (три транша, на 7, 10 и 12 лет), Словения – 2,25 млрд евро (10 и 60 лет).

Вследствие вынужденных заимствований в странах ЦВЕ и ЮВЕ заметно возрос уровень *государственного долга*, который, по прогнозам экспертов МВФ и Всемирного банка, начнет снижаться уже в 2021–2022 гг. (см. рис. 2). В большинстве стран региона, входящих в ЕС, объем госдолга в течение 2020 г. увеличился на 20–26%, лишь в Словении и Чешской Республике – на 17%. Для сравнения, в Евросоюзе в целом прирост объема госдолга составил 14%. Вместе с тем относительные показатели госдолга ни в одной из стран пока не превысили среднее значение по ЕС: наиболее высокий его уровень наблюдался в Хорватии – 88,7% ВВП в 4 квартале 2020 г., Словении – 80,8% и Венгрии – 80,4%, наименьший в Болгарии – 25% и Чешской Республике – 38,1%. Следует отметить, что достигнутый в 2020 г. уровень госдолга в большинстве стран региона фиксировался относительно недавно – в 2015–2017 гг.⁵

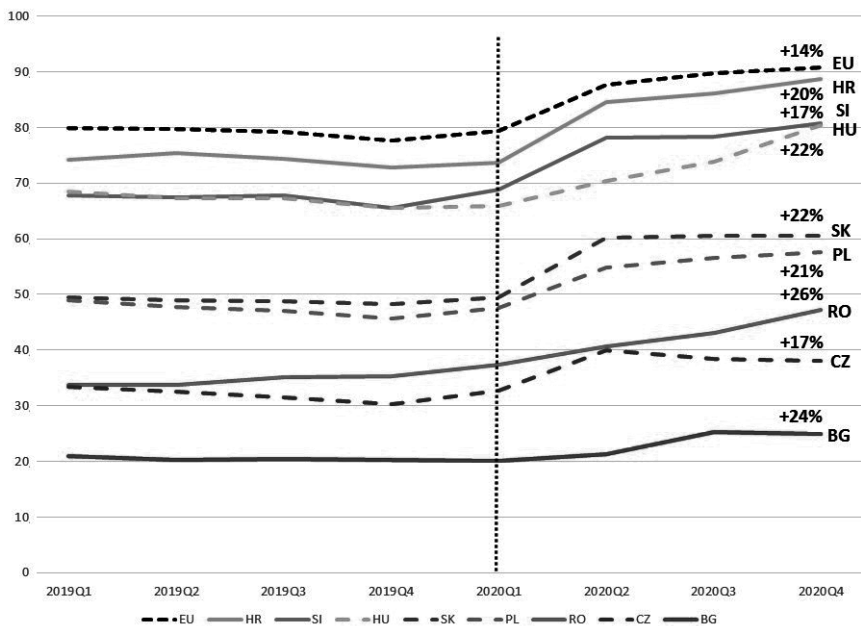

Рис. 2. Отношение объема государственного долга к ВВП в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2019–2020 гг. (%).

Источник: составлено авторами по: [14].

Финансирование антикризисных мер поддержки хозяйств в странах ЦВЕ и ЮВЕ, являющихся членами Евросоюза, во многом обеспечивается за счет *общеευропейского бюджета*. В наиболее сложный период

⁵ Исключением является Румыния, где максимальные значения квартальных показателей госдолга к ВВП с начала 1990-х годов не превышали 40% (в 4 квартале 2020 г. – 47,3%).

распространения COVID-19, весной 2020 г., были внедрены так называемые Три системы защиты рабочих, предприятий и государств – членов ЕС (three safety nets): распределение 540 млрд евро в форме займов фонда «Европейский стабилизационный механизм» (ESM); гарантии по кредитам юрлицам, выдаваемым Европейским инвестиционным банком; выплаты физлицам по программе снижения рисков безработицы (SURE). В июле 2020 г. Европейский совет учредил фонд «Будущее поколение ЕС» (Next Generation EU / NGEU), средства которого (750 млрд евро) будут использоваться в 2021–2023 гг. для восстановления экономик стран-членов. Кроме того, в рамках Многолетнего финансового плана ЕС (Multiannual Financial Framework / MFF) в 2021–2027 гг. на различные долгосрочные цели будет израсходовано около 1 трлн евро⁶ [11; 32].

Предполагается, что в течение трех лет из фонда NGEU странам – членам ЕС будет выделено 360 млрд евро кредитов и 390 млрд евро грантов. Основная его составляющая – Механизм восстановления и повышения устойчивости (Recovery and Resilience Facility / RRF), средства которого в размере 670 млрд евро пойдут на смягчение последствий пандемии, на поддержку инвестиций и реформ в условиях развития цифровизации и на противодействие климатическим изменениям⁷. Важно отметить, что «цифровая» и «климатическая» повестка непосредственным образом связана с промышленностью Евросоюза и будет определять направления ее трансформации в ближайшие годы. В рамках «Европейского зеленого курса» (The European Green Deal) поставлена амбициозная задача достичь углеродной нейтральности хозяйственной деятельности к 2050 г. Не менее 30% средств фонда NGEU и бюджета ЕС на 2021–2027 гг. будет израсходовано на реализацию политики «зеленого перехода» (green transition) и создание экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики)⁸.

⁶ В структуре расходов MFF – семилетнего бюджета Евросоюза – по 1/3 средств будет направлено на политику сплочения и борьбу с климатическими изменениями.

⁷ Оставшиеся 80 млрд евро будут распределены между другими частями фонда NGEU: антикризисным Фондом развития региональной сплоченности (ReactEU; 47,5 млрд евро) для финансирования сферы здравоохранения, реформ на рынке труда и инфраструктурных проектов, Фондом справедливого перехода (Just Transition Fund) для создания «климатически нейтральной» экономики к 2050 г. (climate-neutrality), Фондом развития сельских районов, научно-исследовательской программой «Горизонт Европа» (Horizon Europe), программами стимулирования частных инвестиций InvestEU и противодействия стихийным бедствиям RescEU.

⁸ В марте 2020 г. опубликовано коммюнике Еврокомиссии «Новая промышленная стратегия для Европы», в котором отмечается «центральная роль [промышленности] в будущем прогрессе» и определены три приоритета развития – поддержка глобальной конкурентоспособности промышленности ЕС, цифровизация и переход к «климатически нейтральной» экономике к 2050 г. [10].

В национальных Планах восстановления и повышения устойчивости (Recovery and Resilience Plans), которые страны – члены ЕС в большинстве своем подготовили в апреле–мае 2021 г. с целью обоснования будущих расходов, доля «климатической» компоненты должна превышать 37%, а «цифровой» – 21%. Страны могут вносить изменения в заявки (например, претендовать на займы) до середины 2022 г., а максимальный размер помощи, на который они могут рассчитывать, будет зависеть от показателей численности населения, от ВВП на душу населения и уровня безработицы [6]. Анализ национальных заявок на гранты показывает, что страны региона претендуют на 1/5 их совокупного объема, тогда как их вклад в суммарный ВВП Евросоюза едва превышает 10% (см. табл. 2). При этом возможность использования кредитов в рамках Механизма восстановления и повышения устойчивости рассматривают пока лишь Румыния, Польша и Словения. Уста-

Таблица 2

Финансирование программ социально-экономического развития стран ЦВЕ и ЮВЕ из средств ЕС в 2020–2027 гг.

	Механизм восстановления и повышения устойчивости (2021–2023 гг.)			Многолетний финансовый план ЕС на 2014–2020 и 2021–2027 гг.		
	национальная заявка на гранты		национальная заявка на кредиты, млрд евро	расходы бюджета ЕС в 2020 г.		чистые поступления из бюджета ЕС в 2021–2027 гг. (% к ВНД), оценка
	млрд евро	доля в общем объеме грантов, %		млрд евро	доля в объеме расходов бюджета ЕС, %	
Болгария	0*	–	0*	2,2	1,2	2,7
Венгрия	7,2	2,2	0	6,1	3,5	3,6
Польша	23,9	7,2	12,1	18,1	10,4	2,3
Румыния	14,3	4,3	15,0	7,0	4,0	1,4
Словакия	6,6	2,0	0	2,6	1,5	1,8
Словения	1,8	0,5	0,7	1,1	0,6	1,0
Хорватия	6,4	1,9	0	2,7	1,6	1,2
Чешская Республика	7,1	2,1	0	5,5	3,2	1,1
ЕС в целом	331,0	100	166,0	173,3	100	–

* По состоянию на середину июля 2021 г. Болгария не предоставила национальный План восстановления и повышения устойчивости.
 Источник: рассчитано авторами по: [6; 11; 32].

новку Брюсселя на помощь наиболее нуждающимся странам-членам косвенно подтверждают данные об их удельном весе в расходах бюджета ЕС в 2020 г.: в Польше, Венгрии, Чешской Республике и Словении он выше, чем их доля в структуре распределения «антикризисных» средств, тогда как, например, в Румынии и Хорватии – ниже. Отметим в этой связи, что страны региона традиционно выступают нетто-реципиентами средств общеевропейского бюджета (см. табл. 2) [32]. Согласно оценкам, Польша и Венгрия – эти «enfant terrible» Евросоюза последних лет – будут являться лидерами по, соответственно, абсолютному и по относительному объему чистых поступлений в рамках нового семилетнего бюджетного цикла.

Примечательно, что страны ЦВЕ и ЮВЕ (вместе с Грецией) находятся в числе лидеров по относительному объему помощи, получаемой в рамках Механизма восстановления и повышения устойчивости. Так, объем грантов относительно ВВП в 2020 г. в Хорватии должен был достичь 13% (1 место в ЕС), в Болгарии – 10% (3 место), в Словакии – 7% (4 место), в Румынии – 6%, в Венгрии и Польше – 5%, в Словении – 4%, в Чешской Республике – 3% [8]. Отметим, что под вопросом остается порядок выделения бюджетных трансфертов и средств NGEU Польше и Венгрии, которым грозят санкции Евросоюза за нарушение «принципа верховенства закона»⁹. Анализ структуры расходов Механизма восстановления и повышения устойчивости в странах Вишеградской группы и Словении показывает, что около 50–70% объема грантов и кредитов будет использовано на финансирование «зеленого перехода» и «цифровой трансформации», а оставшаяся часть – на создание благоприятной бизнес-среды и конкурентного рынка труда, на НИОКР, развитие сфер здравоохранения, образования и транспорта [6].

Общеэкономические последствия распространения коронавирусной инфекции

Страны ЦВЕ и ЮВЕ в большинстве своем характеризуются высоким уровнем вовлеченности в мирохозяйственные отношения, что повлияло на скорость распространения и глубину кризисных явлений 2020 г. По данным Всемирного банка, за шестидесятилетний период наблюдений не было зафиксировано такого значительного сокращения объема мирового ВВП, как в 2020 г., – на 3,6% (в 2009 г. – на 1,7%).

⁹ С 2020 г. Евросоюз вправе отказать в финансировании в случае несоблюдения какой-либо из стран принципа верховенства права или возникшей угрозы европейским демократическим ценностям. Данное решение направлено против Польши и Венгрии, в отношении которых из-за проведенных судебной и административной реформ еще в 2017 и 2018 гг. был запущен механизм применения санкций (в соответствии со статьей 7 Договора о Европейском союзе).

Развитые государства оказались в числе наиболее затронутых последствиями пандемии: экономика стран ОЭСР «просела» на рекордные 4,7%, Европейского союза – на 6,2% (для сравнения, в 2009 г. снижение составило 3,4 и 4,3% соответственно). Введение ограничений, связанных с COVID-19, не замедлило сказаться на динамике международной торговли, которая стала сокращаться уже в первые месяцы 2020 г., а во 2 кв. снизилась на 21% по сравнению со 2 кв. 2019 г. Восстановление мирового товарооборота началось только в июне–августе 2020 г. благодаря улучшению ситуации во внешнеэкономической сфере Китая.

Экономическую динамику в странах ЦВЕ и ЮВЕ определял ряд взаимосвязанных факторов. Реализация мер по сдерживанию распространения коронавирусной инфекции весной 2020 г. привела к приостановке деятельности предприятий «контактных отраслей» (face-to-face jobs), в первую очередь относящихся к сфере услуг (бытовые услуги, торговля, развлечения и досуг, гостиницы и рестораны, туризм и пр.). Локдаун отрицательно сказался на уровне реальных доходов населения, что в сочетании с ограничением деятельности сервисных компаний привело к заметному сокращению уровня конечного потребления домохозяйств (см. рис. 3). Сжатие внутреннего спроса сопровождалось снижением уровня предложения на рынках стран региона, в том числе за счет перебоев с импортными поставками. Для промышленных предприятий новые реалии развития мировой торговли проявились в разрыве трансграничных производственных цепочек, что ограничило их экспортный потенциал и привело к дефициту импортных комплектующих, сырья и полуфабрикатов¹⁰. Многие из них были вынуждены приостановить производственный процесс или перевести сотрудников на сокращенный режим работы, причем наибольшие сложности возникли у малого и среднего бизнеса. Ситуация неопределенности усилила инвестиционные риски, в связи с чем ухудшилась динамика накопления капитала (см. рис. 3). Некоторые страны региона столкнулись с сокращением денежных переводов из-за рубежа и возвращением рабочей силы, что увеличило нагрузку на рынки труда.

Оценивая перспективы восстановления экономики в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2021 г., эксперты МВФ отмечают, что в большинстве из них системные риски развития банков и нефинансовых организаций (низкая ликвидность, высокий уровень задолженности и т. п.) невысоки, а реализация антикризисных мер должна ускорить процесс стабили-

¹⁰ К примеру, одна из системообразующих отраслей промышленности стран региона – автомобилестроение – существенно сократила объемы производства в период ограничения международных товарных поставок: конвейеры были остановлены вследствие дефицита полупроводниковых микросхем из Восточной Азии, главным образом из КНР (см. ниже).

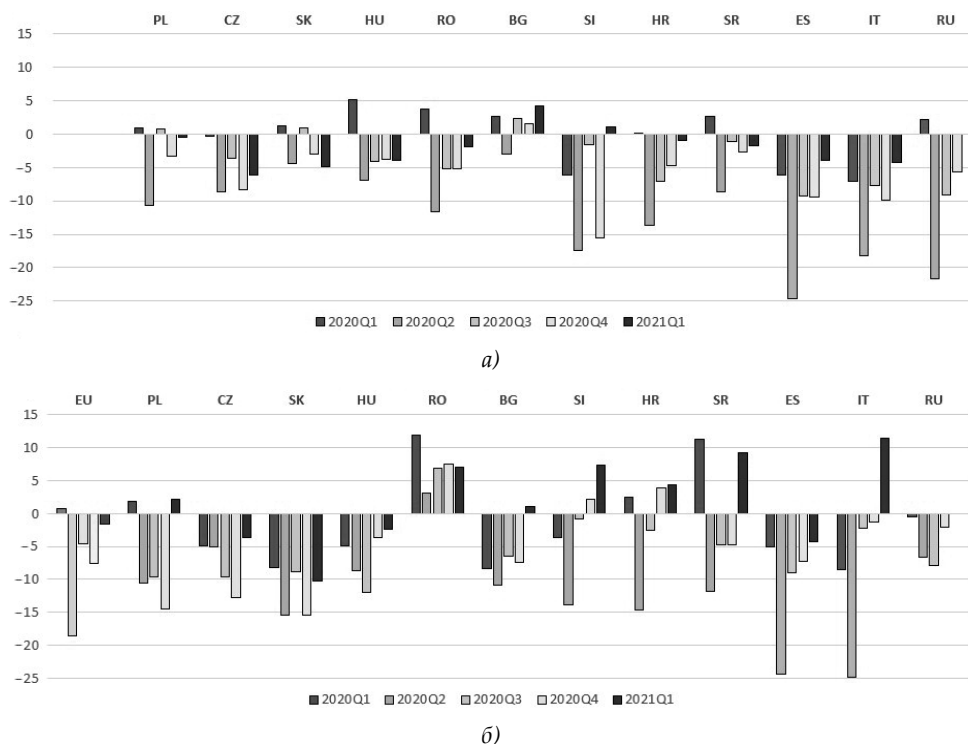

Рис. 3. Динамика расходов на конечное потребление домохозяйств и валового накопления основного капитала в отдельных странах ЕС и России в 2020 – I кв. 2021 г. (% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года): а) данные по расходам на конечное потребление домохозяйств; б) валовое накопление основного капитала.

Источник: составлено авторами по: [5; 14].

зации¹¹. Вместе с тем в ряде отраслей, ориентированных на внутренний рынок, не следует ожидать быстрого роста из-за умеренной динамики доходов населения (даже с учетом эффекта отложенных расходов из-за вынужденной экономии и повышения уровня сбережений в 2020 г.). Государственная поддержка спроса и накопления домохозяйств тем не менее считаются важнейшими факторами восстановительного роста в 2021 г., в особенности в странах с меньшей вовлеченностью в трансграничные операции. К примеру, Польша использовала возможность частичной переориентации промышленности для удовлетворения внутреннего спроса, а активная антикризисная политика позволила

¹¹ Своевременные и действенные решения руководства стран региона по поддержанию уровня ликвидности (подробнее см. ниже) позволили предотвратить «волну» банкротств, в частности, в странах Вишеградской группы и Словении. Так, число закрытых компаний в Словакии в 2020 г. было на уровне 2018–2019 гг. и в два раза меньше, чем в 2016–17 гг., % [21].

ей войти в число стран ЕС с наименьшим сокращением ВВП¹². Примечательно, что предположения о затяжном характере спада в государствах ЦВЕ и ЮВЕ с высоким уровнем внешнеэкономической открытости, не подтвердились: летом 2020 г. началось динамичное восстановление рынков их ключевых стран-партнеров.

Экономический спад в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2020 г. оказался менее значительным, чем во многих государствах Западной и Южной Европы: лишь в двух из них был превышен средний для ЕС показатель сокращения ВВП – в зависимых от туризма Черногории (15,2%) и Хорватии (8,4%). В большинстве стран региона падение ВВП варьировалось в пределах 4,0–5,5%, а наименьшие значения были зафиксированы в Сербии (1%), Польше (2,7%) и Албании (3,3%)¹³. Продолжительность кризиса также была различной: если в Чешской Республике был «повторен» общеевропейский сценарий – снижение ВВП в течение пяти кварталов подряд (с 1 кв. 2020 г. по 1 кв. 2021 г.), то в Сербии и Румынии – всего в течение трех кварталов (см. рис. 4). Во многих странах (Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, Хорватия, Сербия, Черногория) происходило «запаздывание» в распространении кризисных явлений, и показатели ВВП ушли в отрицательную плоскость лишь со 2 кв. 2020 г., который стал рекордным по темпам хозяйствен-

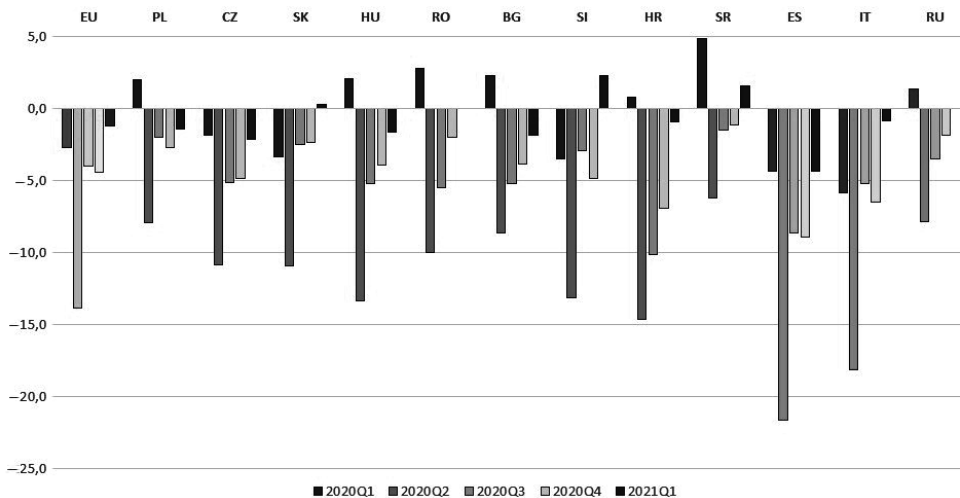

Рис. 4. Динамика ВВП отдельных стран ЕС и России в 2020 – I кв. 2021 гг. (% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года).

Источник: составлено авторами по: [5; 14].

¹² Успехи Польши в преодолении кризиса, вероятно, связаны и с другой причиной – самой низкой в ЕС долей «контактных» отраслей в экономике (около 2%). Для сравнения, в Болгарии и Румынии их удельный вес составляет 4%, а в Хорватии – 9%.

¹³ Для сравнения, ВВП России в 2020 г. сократился на 3%.

ного спада. К примеру, в Черногории ВВП во 2 кв. 2020 г. сократился на 20,2% по сравнению со 2 кв. 2019 г. (для сравнения, в Испании – на 21,6%, Италии – на 18,1%). Внутренней оказалась глубина кризиса и в Хорватии (снижение на 14,6%), Венгрии (13,3%), Словении (13,1%) (см. рис. 4).

Важным фактором сокращения ВВП стран ЦВЕ и ЮВЕ в 2020 г. стало снижение *расходов на валовое накопление основного капитала*, темпы которого превышали темпы сокращения расходов на конечное потребление домохозяйств (см. рис. 3)¹⁴. Как правило, в структуре источников капиталовложений расширялась доля инвестиций за счет собственных средств предприятий. Восстановлению объемов привлеченных средств должны помочь дополнительные расходы бюджета. Меры антикризисной политики в отношении населения также способствовали стабилизации ситуации с частным потреблением во второй половине 2020 г. Наиболее благоприятная ситуация с *расходами на конечное потребление домохозяйств* наблюдалась в Болгарии, Сербии, Словакии и Польше, наименее – в Словении (снижение во 2 кв. 2020 г. на 17,4%), Хорватии (на 13,7%) и Чешской Республике. Что касается накопления основного капитала, то медленнее всего восстановление происходит в государствах Вишеградской группы, где в отдельные кварталы спад достигал 10–15%. В то же время в Румынии в 2020 – начале 2021 гг. зафиксирована положительная динамика объема вложений в основные средства. Примечательна отраслевая специфика капиталовложений в 2020 г.: во многих странах произошел взрывной рост инвестиций в производство продукции медицинского назначения, тогда как наименьший интерес для инвесторов представляло машиностроение (в особенности выпуск транспортных средств и электротехники) и легкая промышленность, что снижает скорость восстановления этих отраслей.

Последствия применения мер по сдерживанию распространения COVID-19 в странах региона стали серьезным испытанием для *рынков труда*. Регулирующие органы определили перечни «контактных» отраслей, не являющихся стратегически важными для обеспечения национальной безопасности, и временно ограничили их деятельность. Отрасли вторичного сектора в их число не попали, но для производственных предприятий были разработаны строгие требования социального дистанцирования. Относительная высокая доля промышленности в экономике позволила таким образом некоторым странам ЦВЕ и ЮВЕ выйти

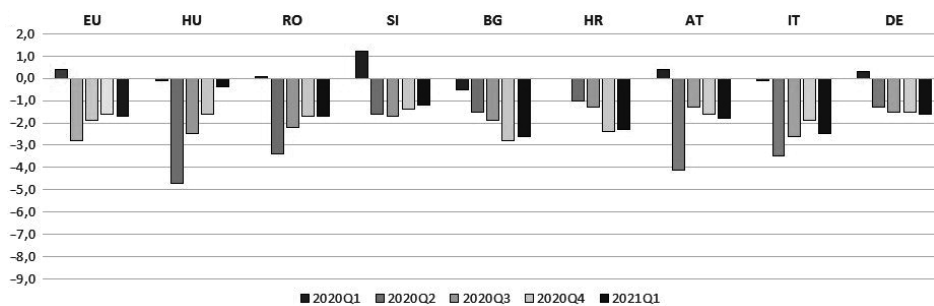
¹⁴ В отличие, к примеру, от России, где наблюдалась обратная ситуация: сокращение расходов на инвестиции во 2 кв. 2020 г. было меньшим, чем в 2009 и 2015 гг., тогда как частное потребление сжалось почти на 22% (рекордное падение за период 25-летних наблюдений) [2].

из периода локдауна с наименьшими проблемами для рынка труда¹⁵. При этом под ударом оказались наиболее уязвимые с точки зрения организации труда отрасли сферы услуг «контактного» типа (из-за распространенной практики временных договоров), характеризующиеся преобладающей долей малого бизнеса (до 20–25% – самозанятые), низкой квалификацией рабочей силы и невысокой оплатой труда. По оценкам, в закрытых из-за пандемии секторах до кризиса было трудоустроено 11,4% занятых в Хорватии, около 9% в Болгарии, Чешской Республике и Венгрии, а менее всего – в Румынии и Польше – 5–6% [15; 33].

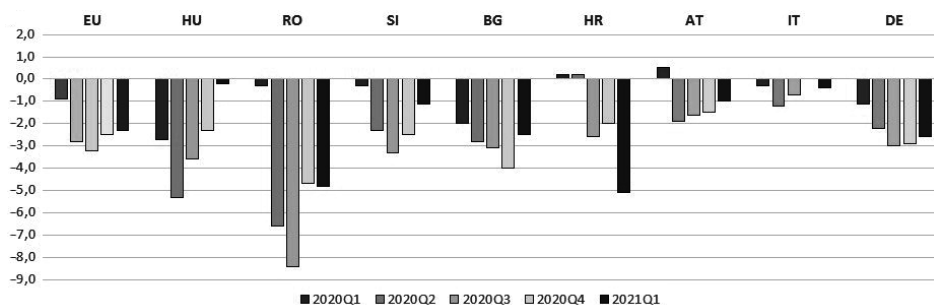
Заметная доля предприятий сферы услуг и промышленности по разным причинам были вынуждены прибегнуть к увольнениям, временным отпускам или сокращенной продолжительности рабочего времени своих сотрудников. В некоторых странах возможность получения юрлицами помощи в рамках антикризисных мер была увязана с сохранением текущей занятости, что, очевидно, смягчало последствия локдауна (см. выше). Вследствие структурных особенностей экономики государств ЦВЕ и ЮВЕ существовали ограничения по организации удаленной работы на дому (telework): если в странах Северной Европы доля пригодных для этого отраслей достигает 60–70%, то, например, в Словении, Польше и Чешской Республике – 25–35%, Венгрии, Словакии и балканских странах – не более 10–20% [33].

Данные Eurostat по безработице свидетельствуют об умеренном влиянии ограничительных мер и неблагоприятной хозяйственной конъюнктуры на ситуацию на рынке труда: показатели безработицы в Евросоюзе в 2020 г. хотя и вернулись к уровню 2017 г. (7,8%), но все же не достигли максимальных значений 2013 г. (11,5%). *Динамика занятости* в ЕС находится в отрицательной плоскости уже четыре квартала подряд (2 кв. 2020 – 1 кв. 2021 гг.). В одних странах ЦВЕ и ЮВЕ видны признаки стабилизации (например, в Венгрии, Словении, Румынии), тогда как в других существуют риски затяжного восстановления уровня занятости (со специализацией на туристических услугах – Хорватии, Черногории, Болгарии) (см. рис. 5). Следует отметить сложную ситуацию с динамикой занятости в Германии, Австрии, Италии и других европейских странах, выступающих основными реципиентами трудовых мигрантов из государств региона. Вынужденное перемещение рабочей силы из развитых стран ЕС в обратном направлении в 2020 г. усугубило проблемы на рынках труда в ЦВЕ и особенно в ЮВЕ.

¹⁵ Во многих странах ЕС такие отрасли промышленности, как производство продуктов питания, нефтепродуктов, медицинских товаров, были признаны стратегически важными и вынесены «за рамки» ограничительных мер. В свою очередь повышенные требования к безопасности во время первой волны пандемии применялись в отношении автомобилестроения, электроники и электротехники, дерево- и металлообработки, легкой промышленности.

а)

б)

Рис. 5. Динамика занятости в экономике в целом и в промышленности отдельных стран ЕС в 2020 – I кв. 2021 г. (%), по сравнению с соответствующим периодом прошлого года): а) данные по занятости в экономике; б) данные по занятости в промышленности.

Источник: составлено авторами по: [14].

Характерно, что занятость в экономике Евросоюза в целом снижалась в 2020 – начале 2021 г. меньшими темпами, чем в промышленности (см. рис. 5). Не стали исключением и страны ЦВЕ и ЮВЕ: к примеру, квартальные показатели сокращения занятости в промышленности Румынии достигали 7–8,5% (против 2–3% для экономики в целом), Болгарии – 3–4% (против 2–3%), Словении – 3% (против 1–1,5%). Таким образом, перед кризисом 2020 г. оказались наиболее уязвимы именно промышленные предприятия, сокращение занятости на которых было связано не столько с режимом локдауна, сколько с общехозяйственной дестабилизацией и ослаблением трансграничной активности.

Специфичность кризисных явлений 2020 г. на национальных рынках труда хорошо иллюстрирует динамика фактического количества отработанных часов, позволяющая судить об уровне снижения хозяйственной активности предприятий. Согласно имеющимся данным, пандемия коронавируса оказала на нее гораздо большее влияние (впрочем, кратковременное), чем глобальный финансовый кризис конца 2000-х годов [35]. Число отработанных часов в странах Евросо-

юза во 2 кв. 2020 г. сократилось на 16% по сравнению с 4 кв. 2019 г. (см. рис. 6). В большинстве государств ЦВЕ и ЮВЕ уровень спада хозяйственной активности был несколько меньшим: в Чешской Республике и Хорватии рассматриваемый показатель снизился на 5%, в Венгрии и Польше – на 9%, в Болгарии – на 12%, в Словении – на 14%, в Румынии – на 16%, в Словакии – на 20%. Снятие ограничений способствовало нормализации ситуации уже в 3 кв. 2020 г., однако к началу 2021 г. лишь в Польше и Венгрии число фактически отработанных часов превышало уровень 2016 г., выбранный Eurostat в качестве бенчмарка (в Чешской Республике, Румынии и Хорватии этот показатель был на 8% ниже) (см. рис. 6).

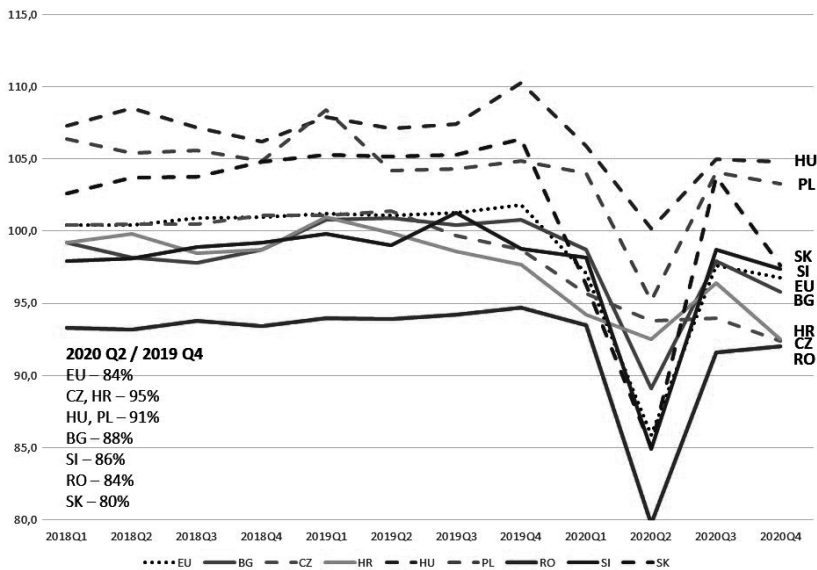

Рис. 6. Динамика фактического количества отработанных часов на основном рабочем месте в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2018–2020 гг. (2006 г. = 100%).

Источник: составлено авторами по: [14].

Реакция промышленности и сферы услуг на ухудшение условий функционирования предприятий, связанное с пандемией, была принципиально разной. Рассматривая динамику производства товаров и услуг во вторичном и третичном секторах экономики стран Вишеградской группы и Румынии, являющихся лидерами в регионе по абсолютным показателям хозяйственной деятельности, можно сделать вывод о более резком сокращении оборота и более скоротечном «проблемном этапе» для промышленных предприятий по сравнению с сервисными (см. рис. 7). Данный феномен был связан с различиями в «каналах влияния» сложившейся ситуации на промышленные и сервисные компании. Примечательно, что восстановление объемов про-

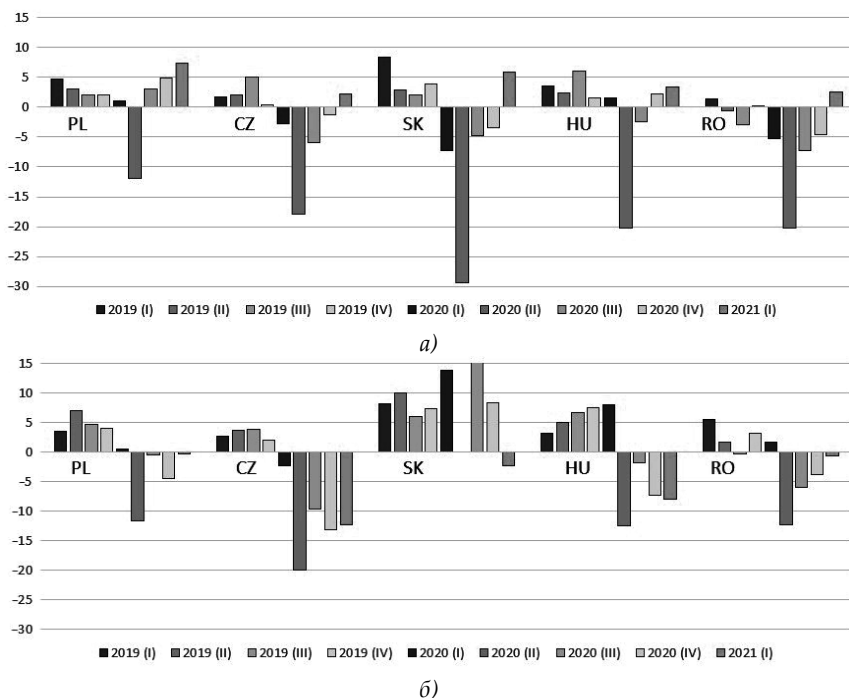

Рис. 7. Динамика производства товаров и услуг во вторичном и третичном секторах экономики в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2019 – 1 кв. 2021 гг. (% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года): а) данные по промышленности; б) обобщенные данные по торговле, транспорту, гостиничному и ресторанному бизнесу.
 Источник: составлено авторами по: [7; 17; 27; 28; 34].

мышленного производства в конце 2020 – начале 2021 гг., как правило, не сопровождалось повышением показателей занятости, которая продолжала сокращаться (см. рис. 5 и 7). Разнонаправленность этих трендов в краткосрочной перспективе будет положительно сказываться на производительности труда.

Выводы

В результате анализа ряда проблем влияния пандемии COVID-19 на экономику стран ЦВЕ и ЮВЕ можно сделать следующие обобщения.

- Сравнительно благоприятная макроэкономическая ситуация в большинстве стран региона, сложившаяся накануне кризиса 2020 г., позволила минимизировать его продолжительность и глубину.
- Наибольшие сложности в связи с локдауном возникли у предприятий «контактных» отраслей, вынужденно приостановивших свою работу, а также у компаний с высоким уровнем зависимости от внешних рынков и вовлеченности в трансграничные производственные цепочки.

- Основные меры поддержки нефинансовых компаний, разработанные правительствами государств ЦВЕ и ЮВЕ, были во многом схожи; в их числе – гранты, льготные кредиты, гарантии по кредитам, субсидии на зарплату и налоговые послабления. Общий объем дополнительных бюджетных расходов и недополученных доходов варьировался в 2020 г. от 3% (в Болгарии) до 20% ВВП (в Чешской Республике). Словения и Польша находятся в числе лидеров в ЕС по относительному объему прямых бюджетных расходов на борьбу с последствиями пандемии.
- Реализация антикризисных мер отрицательно повлияла на сбалансированность государственных финансов: во многих странах региона дефицит бюджета в 2020 г. достиг 7–9% к ВВП. Вынужденные заимствования привели к повышению объема госдолга в среднем на $\frac{1}{5}$ – $\frac{1}{4}$, однако относительный его уровень остается весьма небольшим (за исключением Хорватии, Словении и Венгрии, где он превысил 80% ВВП).
- Финансовая поддержка восточноевропейских стран – членов Евросоюза в период пандемии будет осуществляться в рамках реализации Многолетнего финансового плана ЕС в 2021–2027 гг. и из средств Механизма восстановления и повышения устойчивости (в составе фонда «Будущее поколение ЕС»). В структуре грантов второго источника доля государств региона может превысить $\frac{1}{5}$, хотя их вклад в экономику ЕС вдвое ниже. Помощь из Брюсселя будет весьма кстати: к примеру, Хорватия, Болгария и Словакия лидируют в ЕС по показателю отношения объема выделяемых грантов к ВВП.
- Характерными особенностями экономического спада в странах региона в 2021 г. является его меньшая по сравнению с Западной и Южной Европой глубина (исключения – Черногория и Хорватия) и инерционность в распространении кризисных явлений, а также более высокие относительно расходов домохозяйств темпы снижения расходов на валовое накопление основного капитала. Промышленные предприятия в целом испытали более резкое сокращение оборота, нежели сервисные, однако продолжительность «проблемного этапа» для них оказалась меньшей.
- Уровень напряженности на рынках труда находится в прямой зависимости от роли в экономике «контактных» сервисных отраслей и в обратной – промышленных производств. Рост уровня безработицы оказался умеренным, и в большинстве стран региона, не зависящих от туризма и связанных с ним услуг, наметились тенденции к увеличению занятости. В то же время лишь в Польше и Венгрии число фактически отработанных часов превысило к началу 2021 г. показатели пятилетней давности.

- В 2021 г. в странах ЦВЕ и ЮВЕ прогнозируется экономический рост в диапазоне от 4,5 до 7,5%. Расширение внутреннего потребления за счет стимулирующих мер и эффекта отложенных расходов – ключевой фактор выхода из кризиса как в странах с высоким, так и с низким уровнем внешнеэкономической открытости. Восстановление спроса на рынках государств-партнеров после резкого, но краткосрочного сокращения в 2020 г. обеспечивает поступательное наращивание объемов экспорта. Возвращению к докризисному уровню инвестиций в основной капитал будет способствовать освоение средств общеевропейского бюджета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национален план на Република България за готовност при пандемия. Министерски Съвет на Република България. 03.12.2020. <https://coronavirus.bg/bg/1053> (дата обращения: 10.07.2021).
2. Российская экономика в 2020 году. Тенденции и перспективы. Вып. 42. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021.
3. Уредба о условима и критеријумима усклађености државне помоћи ради отклањања озбиљног поремећаја у привреди проузрокованог епидемијом заразне болести COVID-19 // Службени гласник РС. № 17 (26.02.2021).
4. Уредба о утврђивању Програма финансијске подршке привредним субјектима за одржавање ликвидности и обртна средства у отежаним економским условима услед пандемије COVID-19 изазване вирусом SARS-CoV-2 // Службени гласник РС. № 57 (16.04.2020).
5. Федеральная служба государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.06.2021).
6. Bruegel datasets. European Union countries' recovery and resilience plans. 14.07.2021. <https://www.bruegel.org/publications/datasets/european-union-countries-recovery-and-resilience-plans> (дата обращения: 02.08.2021).
7. Český statistický úřad. <https://www.czso.cz/csu/czso/domov> (дата обращения: 20.06.2021).
8. Debt Sustainability Monitor 2020. European Commission, February 2021. https://ec.europa.eu/info/publications/debt-sustainability-monitor-2020_en (дата обращения: 12.07.2021).
9. Enterprise Surveys. COVID-19: Impact on Firms. The World Bank, 2020. <https://www.enterprisesurveys.org/en/covid-19> (дата обращения: 14.07.2021).
10. European Commission. Communication from the Commission: A New Industrial Strategy for Europe. 10.03.2020. COM(2020) 102. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0102> (дата обращения: 20.07.2021).
11. European Commission. EU spending and revenue. https://ec.europa.eu/info/strategy/eu-budget/long-term-eu-budget/2014-2020/spending-and-revenue_en (дата обращения: 27.07.2021).
12. European Commission. State aid cases – Slovakia. https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/jobs-and-economy-during-coronavirus-pandemic/state-aid-cases/slovakia_en (дата обращения: 07.07.2021).

13. European Commission. State aid cases Slovenia. https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/jobs-and-economy-during-coronavirus-pandemic/state-aid-cases/slovenia_en (дата обращения: 07.07.2021).
14. Eurostat. <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 15.06.2021).
15. *Fana M., Tolan S., et al.* The COVID confinement measures and EU labour markets. Technical report by the Joint Research Centre (JRC), European Union, 2020.
16. Fiscal Monitor: Policies for the Recovery. IMF, October 2020. <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2020/09/30/october-2020-fiscal-monitor> (дата обращения: 05.07.2021).
17. Główny Urząd Statystyczny. <https://stat.gov.pl> (дата обращения: 20.06.2021).
18. Government of the Czech Republic. Measures adopted by the Czech Government against the coronavirus. 12.07.2021. <https://www.vlada.cz/en/media-centrum/aktualne/measures-adopted-by-the-czech-government-against-coronavirus-180545/#economic> (дата обращения: 25.07.2021).
19. Government of the Republic of Croatia. Set of measures adopted to prop up economy during COVID-19 epidemic. 17.03.2020. <https://vlada.gov.hr/news/set-of-measures-adopted-to-prop-up-economy-during-covid-19-epidemic/29024> (дата обращения: 24.07.2021).
20. IMF Country Report No. 21/132. Republic of Serbia. June 2021.
21. IMF Country Report No. 21/133. Slovak Republic. June 2021.
22. IMF Country Report No. 21/135. Hungary. June 2021.
23. IMF Country Report No. 21/27. Bulgaria. February 2021.
24. IMF Country Report No. 21/35. Republic of Poland. February 2021.
25. IMF Country Report No. 21/43. Bosnia and Herzegovina. February 2021.
26. IMF Country Report No. 21/94. Republic of Slovenia. May 2021.
27. Institutul Național de Statistică. <https://insse.ro> (дата обращения: 20.06.2021).
28. Központi Statisztikai Hivatal. <https://www.ksh.hu> (дата обращения: 20.06.2021).
29. KPMG Insights. Government and institution measures in response to COVID-19. Bulgaria, Croatia, Czech Republic, Hungary, Poland, Romania, Serbia, Slovakia, Slovenia. <https://home.kpmg/xx/en/home/insights.html> (дата обращения: 05.07.2021).
30. OECD Economic Surveys: Czech Republic 2020. https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-czech-republic_19990561 (дата обращения: 07.07.2021).
31. OECD Economic Surveys: Poland 2020. https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-poland-2020_0e32d909-en (дата обращения: 07.07.2021).
32. *Reininger T.* The EU Budgetary Package 2021 to 2027 Almost Finalised: An Assessment. WIIW Policy Notes and Reports 45, February 2021. <https://wiiw.ac.at/the-eu-budgetary-package-2021-to-2027-almost-finalised-an-assessment-dlp-5627.pdf> (дата обращения: 15.07.2021).
33. *Sanchez D. G., et al.* Which jobs are most vulnerable to COVID-19? What an analysis of the European Union reveals. World Bank Research and Policy Briefs. 2020. May 11. No. 34.
34. Štatistický úrad Slovenskej republiky. <https://slovak.statistics.sk> (дата обращения: 20.06.2021).
35. *de Vet J.M. et al.* Impacts of the COVID-19 pandemic on EU industries. Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, European Parliament, March 2021.

REFERENCES

1. National plan of the Republic of Bulgaria for pandemic preparedness. Council of Ministers of the Republic of Bulgaria. 03.12.2020. <https://coronavirus.bg/bg/1053> (accessed 10.07.2021). (In Bulgarian).
2. Russian economy in 2020. Trends and prospects. Issue 42. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy, 2021. (In Russ.).
3. Decree on the conditions and criteria for compliance with state aid in order to eliminate a serious disturbance in the economy caused by the epidemic of the infectious disease COVID-19 // Official Gazette of RS. № 17 (26.02.2021). (In Serbian).
4. Decree on the establishment of the Program of financial support to economic entities for maintaining liquidity and working capital in difficult economic conditions due to the COVID-19 pandemic caused by the SARS-CoV-2 virus // Official Gazette of RS. № 57 (16.04.2020). (In Serbian).
5. The Federal State Statistics Service. <https://rosstat.gov.ru>. (Accessed 15.06.2021). (In Russ.).
6. Bruegel datasets. European Union countries' recovery and resilience plans. 14.07.2021. <https://www.bruegel.org/publications/datasets/european-union-countries-recovery-and-resilience-plans> (accessed 02.08.2021).
7. Český statistický úřad. <https://www.czso.cz/csu/czso/domov> (accessed 20.06.2021).
8. Debt Sustainability Monitor 2020. European Commission, February 2021. https://ec.europa.eu/info/publications/debt-sustainability-monitor-2020_en (accessed 12.07.2021).
9. Enterprise Surveys. COVID-19: Impact on Firms. The World Bank, 2020. <https://www.enterprisesurveys.org/en/covid-19> (accessed 14.07.2021).
10. European Commission. Communication from the Commission: A New Industrial Strategy for Europe. 10.03.2020. COM(2020) 102. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0102> (accessed 20.07.2021).
11. European Commission. EU spending and revenue. https://ec.europa.eu/info/strategy/eu-budget/long-term-eu-budget/2014-2020/spending-and-revenue_en (accessed 27.07.2021).
12. European Commission. State aid cases – Slovakia. https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/jobs-and-economy-during-coronavirus-pandemic/state-aid-cases/slovakia_en (accessed 07.07.2021).
13. European Commission. State aid cases – Slovenia. https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/jobs-and-economy-during-coronavirus-pandemic/state-aid-cases/slovenia_en (accessed 07.07.2021).
14. Eurostat. <https://ec.europa.eu/eurostat> (accessed 15.06.2021).
15. *Fana M., Tolan S., et al.* The COVID confinement measures and EU labour markets. Technical report by the Joint Research Centre (JRC), European Union, 2020.
16. Fiscal Monitor: Policies for the Recovery. IMF, October 2020. <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2020/09/30/october-2020-fiscal-monitor> (accessed 05.07.2021).
17. Główny Urząd Statystyczny. <https://stat.gov.pl> (accessed 20.06.2021).
18. Government of the Czech Republic. Measures adopted by the Czech Government against the coronavirus. 12.07.2021. <https://www.vlada.cz/en/media-centrum/aktualne/measures-adopted-by-the-czech-government-against-coronavirus-180545/#economic> (accessed 25.07.2021).

19. Government of the Republic of Croatia. Set of measures adopted to prop up economy during COVID-19 epidemic. 17.03.2020. <https://vlada.gov.hr/news/set-of-measures-adopted-to-prop-up-economy-during-covid-19-epidemic/29024> (accessed 24.07.2021).
20. IMF Country Report No. 21/132. Republic of Serbia. June 2021.
21. IMF Country Report No. 21/133. Slovak Republic. June 2021.
22. IMF Country Report No. 21/135. Hungary. June 2021.
23. IMF Country Report No. 21/27. Bulgaria. February 2021.
24. IMF Country Report No. 21/35. Republic of Poland. February 2021.
25. IMF Country Report No. 21/43. Bosnia and Herzegovina. February 2021.
26. IMF Country Report No. 21/94. Republic of Slovenia. May 2021.
27. Institutul Național de Statistică. <https://insse.ro> (accessed 20.06.2021).
28. Központi Statisztikai Hivatal. <https://www.ksh.hu> (accessed 20.06.2021).
29. KPMG Insights. Government and institution measures in response to COVID-19. Bulgaria, Croatia, Czech Republic, Hungary, Poland, Romania, Serbia, Slovakia, Slovenia. <https://home.kpmg/xx/en/home/insights.html> (accessed 05.07.2021).
30. OECD Economic Surveys: Czech Republic 2020. https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-czech-republic_19990561 (accessed 07.07.2021).
31. OECD Economic Surveys: Poland 2020. https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-poland-2020_0e32d909-en (accessed 07.07.2021).
32. *Reininger T.* The EU Budgetary Package 2021 to 2027 Almost Finalised: An Assessment. WIIW Policy Notes and Reports 45, February 2021. <https://wiiw.ac.at/the-eu-budgetary-package-2021-to-2027-almost-finalised-an-assessment-dlp-5627.pdf> (accessed 15.07.2021).
33. *Sanchez D.G., et al.* Which jobs are most vulnerable to COVID-19? What an analysis of the European Union reveals. World Bank Research and Policy Briefs. 2020. May 11. No. 34.
34. Štatistický úrad Slovenskej republiky. <https://slovak.statistics.sk> (accessed 20.06.2021).
35. *de Vet, J.M., et al.* Impacts of the COVID-19 pandemic on EU industries. Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, European Parliament. March 2021.

ABOUT THE AUTHORS

Lobanov Mikhail Mikhaylovich – Candidate of Geographical Sciences, Leading Scientific Associate of the Center for Eastern European Studies, Deputy Director for Research of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the Moscow School of Economics of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
m.m.lobanov@yandex.ru

Zvezdanović Lobanova Jelena – PhD in Economics, Scientific Associate, Center for Economic Research, Institute of Social Sciences, Belgrade, Republic of Serbia
jzvezdanovic@idn.org.rs

REQUEST STOP: ECONOMIES OF CENTRAL-EASTERN AND SOUTH-EASTERN EUROPEAN COUNTRIES DURING THE PANDEMIC

The article considers the COVID-19 pandemic impact on the socio-economic development of the countries of Central-Eastern and South-Eastern Europe. The authors compare the main channels for the spread of the crisis, its depth and duration for the secondary and tertiary sectors of the economy of the above-mentioned countries which characterized by different levels of involvement in world economic relations, the competitiveness of enterprises and the maturity of labor markets. As a result of the analysis of anti-crisis measures, the additional burden on public finances is assessed. It is partially compromised by external borrowing and, in the case of some countries, by receipts from the EU budgetary system and funds. In addition, the authors focus on determining the degree of intraregional differentiation by the dynamics of GDP and employment, turnover in industry and services, gross fixed capital formation, income, savings and expenditures of the population on the basis of quarterly and monthly indicators.

Keywords: *Central-Eastern and South-Eastern Europe, European Union, COVID-19, macroeconomic indicators, industry, services, destabilization, anti-crisis measures, economic policy.*

JEL: O11, O52, O57, F43, H5.

А.А.к. АЛИЕВА

докторант Национальной авиационной академии Азербайджана

ОСОБЕННОСТИ ВЪЕЗДНОГО И ВЫЕЗДНОГО ТУРИЗМА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В течение последних нескольких лет большое число экономистов и организаций выражали растущую озабоченность по поводу важности доходов от туризма. Учитывая высокий вклад туристского сектора в экономику ряда стран, в этом исследовании предпринята попытка выявить социально-экономические детерминанты туристского спроса в Азербайджане. Было показано, что количество туристов, посещающих страну, зависит не от дохода на душу населения в стране, а от паритета цен в этой стране, в то время как выездной туризм определяется прежде всего уровнем дохода на душу населения в стране и зависит от уровня развития страны.

Ключевые слова: *въездной туризм, выездной туризм, функция спроса.*

JEL: Z3.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_142_159.

Введение

Туризм как сфера экономической деятельности имеет древнюю историю. В течение последних 50 лет наблюдается стремительный рост спроса на туризм, что обусловлено углубляющимся процессом глобализации, снижением транспортных расходов и развитием технологий. По данным Всемирного банка, количество туристов, выезжающих за границу, неуклонно росло с 1995 по 2018 г. – с 500 млн до 1,5 млрд человек. Объем доходов от туристской деятельности также неуклонно рос, и в 2018 г. он достиг 1,6 трлн долл. США. Согласно данным Всемирной туристской организации ООН (UNWTO), в разные годы расходы на туризм составляли 6–10% от общего объема экспорта [1]. Этот рост связан не только с изменением стоимости доллара, но и со значительным увеличением количества туристов. Снижение доли доходов от туризма в общем объеме экспорта, наблюдаемое в последние годы, не означает снижения экономического значения туризма, поскольку происходит на фоне резкого увеличения объема внешней торговли во всем мире.

Доходы от туризма составляют значительную долю в объеме ВВП некоторых развивающихся стран. Например, расчеты, основанные на данных Всемирного банка, показывают, что в 2018 г. доходы от туризма в САР Макао, на островах Теркс и Кайкос, Антигуа и Барбуда и на Мальдивах составят соответственно 73, 70, 60 и 57% от объема их ВВП. На Южном Кавказе доходы Грузии от туризма растут с каждым годом: за 2015 г. доходы от туризма в Грузии составили более 15%, а в 2018 г. – более 20% от ВВП.

Туриндустрия, как высокорентабельный вид экономической деятельности, является важным фактором, влияющим на конкурентоспособность страны. Поэтому изучение функции спроса на туристские услуги, а также факторов, от которых он зависит, привлекает все больше исследователей. Несмотря на кратковременное ослабление спроса на туризм в различных странах или регионах, например, в странах Европы, общая тенденция роста сохранялась вплоть до пандемии COVID-19. В частности, растущий спрос на туризм наблюдался на Ближнем Востоке, а также в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Влияние пандемии COVID-19 на туристский сектор ощущается практически во всех странах. Ограничения для стран, особенно в сфере услуг, не только ослабили международную торговлю и туристические связи, но и негативно сказались на доходах домашних хозяйств и деятельности малых и средних предприятий. Пандемия все еще продолжается, и неясно, когда она закончится, поэтому проблема поддержки туристского сектора, международной торговли и услуг в условиях пандемии COVID-19 и адаптация к подобным шоковым состояниям становятся все более актуальными.

Изучение влияния пандемии COVID-19 на различные секторы экономики, особенно на сектор туризма, привлекает внимание все большего числа ученых. Тематика таких работ в первую очередь связана с оценкой воздействий пандемии на экономику, а также с возможностями смягчения их последствий. Экономические последствия пандемии COVID-19 настолько серьезны, что разные аспекты данной проблемы детально изучаются Всемирным банком и другими международными организациями, а также известными центрами экономических исследований, такими как Фонд Наследия, The Economist Intelligence Unit и др. В настоящее время отчеты о макроэкономических и социально-экономических последствиях пандемии COVID-19 готовятся и публикуются на разных уровнях почти в каждой стране. В таких отчетах рассматривается снижение ВВП по странам, рост безработицы, снижение доходов домашних хозяйств, сокращение международной торговли, практическое прекращение международной торговли услугами, особенно туризма, падение малых и средних предприятий и другие проблемы. Например, по оценкам Всемирного банка

[2], 11 млн человек в Азиатско-Тихоокеанском регионе окажутся за чертой бедности в результате пандемии COVID-19. Согласно исследованию Бухежи и др. [3], 49 млн человек на четырех континентах (Азия, Африка, Южная Америка и Европа) с ежедневным доходом менее 1,9 долл. США окажутся в состоянии крайней бедности.

Сравнительный анализ многочисленных исследований макроэкономических последствий пандемии COVID-19 показывает, что развивающиеся страны более уязвимы для пандемий и аналогичных потрясений по сравнению с развитыми странами, что, в частности, связано с тем, что в таких странах меньше финансовых возможностей для обеспечения минимального уровня жизни населения. В развивающихся странах сбережения домохозяйств ниже. Размер компенсаций, выплачиваемых населению и малому и среднему бизнесу, также намного ниже, чем в развитых странах. Для изучения этой проблемы в разных странах проводятся обширные научные исследования. Например, влияние пандемии COVID-19 на показатели малого и среднего бизнеса изучалось Робертом Фэрли [4], сотрудниками Бюро переписи населения США [5], Бартиком с коллегами [6], Бохн с коллегами [7], сотрудниками Stanford Latino Entrepreneurship Initiative [8] и другими исследователями и учреждениями.

В Азербайджане до сих пор мало академических исследований, посвященных макроэкономическим последствиям пандемии COVID-19, в том числе в туристском секторе.

Функция спроса на туризм и факторы, от которых она зависит (обзор литературы)

В экономической литературе достаточно широко представлены работы, посвященные определению функции спроса на туризм и факторов, которые на него влияют. Интерес к этой теме, в частности, обусловлен тем, что растущий спрос на туризм также стимулирует развитие связанных с туризмом секторов экономики. В рамках функции спроса более широкая доступность ресурсов может вызвать желание путешественников тратить больше денег.

В качестве факторов, которые могут способствовать увеличению спроса на туристические достопримечательности, в первую очередь следует назвать как физическую, так и ценовую доступность туристических продуктов и достопримечательностей, а также качество услуг [9]. Большую роль играет транспортная инфраструктура, поскольку она обеспечивает физическую доступность конкретных туристических объектов.

Количество работ по изучению поведенческих факторов также увеличивается в литературе, посвященной туристскому спросу,

поскольку поведенческие факторы могут приводить к значительным изменениям функции спроса на туристские услуги в зависимости от целого ряда обстоятельств. Примером подобного исследования могут служить эмпирические исследования имиджа дестинации [10; 11].

Доход на душу населения в стране происхождения, средняя стоимость номера, относительный паритет цен (в странах, откуда и куда прибывают туристы), а также развитие инфраструктуры часто рассматриваются как основные факторы туристского спроса как в развивающихся, так и в развитых странах. Однако степень их влияния, и даже направление влияния, часто различаются. Так, Ким и др. [12] обнаружили значительное влияние таких показателей, как ВВП на душу населения, относительных цен и обменных курсов, на японский въездной туризм из Кореи (крупнейший въездной рынок для Японии).

Хабиби [13] указал, что доход на душу населения, стоимость гостиничного номера и политическая стабильность играют решающую роль в увеличении притока туристов в Малайзию. Что касается Таиланда, то оказывается, что расстояние является определяющим фактором регионального туризма для туристов в АСЕАН, в то время как ВВП на душу населения и численность населения таковыми не являются [14]. В случае со спросом на туризм в США Язди и Ханализаде [15] обнаружили, что ВВП, цены, реальный обменный курс, происходящие в мире и в стране события и транспорт играют определенную роль в формировании туристского спроса. Другие факторы, часто используемые в исследованиях спроса на туризм, включают расстояние и доступность [14], местоположение [16], транспортную инфраструктуру [17; 18], безопасность [19] и др.

Ряд проведенных исследований показал, что туризм чувствителен к экономическим и финансовым потрясениям [20]. Сонг и Лин [21] выявили негативное влияние финансового кризиса 2008 г. на туризм в Азии, хотя через год после шока (2010 г.) произошло восстановление туристского спроса. Пурвомарванто и Рамачандран [22] обнаружили, что Индонезия столкнулась со снижением числа зарубежных туристов после финансового кризиса 2008 г., с незначительным приростом туристского потока в 2009 г. и его полным восстановлением в следующем году.

Некоторые политические меры (например, такой инструмент, как бесплатные туристические визы) могут поддерживать туристские потоки. Выдача бесплатных туристических виз в Турции [23] и в Южной Корее [24] оказала положительный эффект на рост въездного туризма.

Согласно гипотезе опережающего роста туризма (ГОРТ), страны с хорошо развитым туристским сектором могут достичь более высокого экономического роста, и это нашло подтверждение в работе Брида и др. [26], представляющей собой исчерпывающий обзор лите-

ратуры по ГОРТ. Работы по ГОРТ в Индонезии подтверждают также, что туризм может помочь в сокращении бедности, хотя и не без компромисса между неравенством доходов [25] и некоторыми негативными социальными последствиями [27]. Однако эта проблематика выходит за рамки данной статьи. Последняя работа ([27]) вносит свой вклад в изучение вопроса о туристском спросе, в первую очередь заполняя пробел в связи незавершенными результатами исследования по туризму в Индонезии. Кроме того, эта статья способствует объединению факторов спроса и предложения в модель, подтвержденную другими исследованиями, но составленную еще без данных по Индонезии.

Сектором экономики, наиболее пострадавшим от пандемии COVID-19, конечно же, был и остается сектор туризма. Появление новых штаммов вируса и тот факт, что большая часть населения все еще не вакцинирована, позволяют предположить, что развитие туристского сектора в ближайшем будущем не достигнет того уровня, который был до пандемии. Прямые и косвенные последствия пандемии COVID-19 для туристского сектора оценивались исследователями из разных стран. Были изучены самые различные аспекты проблемы, например, повышенный риск распространения вируса без вакцинации во время туристических поездок [28], распространение болезни среди местного населения въезжающими туристами [29; 30], важность ограничения международной и внутренней миграции для предотвращения распространения вируса [31] и др.

Методология

В экономической литературе используются разные показатели для оценки уровня развития туризма в различных странах. Чаще всего используются следующие показатели: а) количество зарубежных туристов; б) количество туристов, выезжающих за рубеж; в) доходы от туризма; г) расходы на приобретение туров; д) количество внутренних туристов; е) доля туристических расходов в величине импорта товаров и услуг; з) доля туристических расходов в величине экспорта товаров и услуг.

Согласно методологии Организации экономического сотрудничества и развития, индикаторы, используемые для оценки конкурентоспособности страны в сфере туризма, разделены на четыре группы. К первой группе показателей, называемой «Осуществление туристской деятельности и ее эффекты», относятся: а) добавленная стоимость, созданная за счет туризма; б) средний доход от каждого приезжающего туриста; в) среднее количество ночевков туристов во всех типах размещения; и г) объем экспорта туристских услуг. Вторая группа

показателей, называемая «Предоставление качественных и конкурентоспособных услуг в сфере туризма» включает следующие индикаторы: а) производительность труда в сфере туристских услуг; б) паритет покупательной способности и цены на услуги; в) легкость получения визы для въезда в страну. К показателям, входящим в группу «Привлечение туристических мест», относятся: а) природные ресурсы и биоразнообразие; б) культурное и творческое наследие; в) удовлетворенность туристов. Последнюю группу, характеризующую существование «Туристской политики и экономических возможностей», составляет единственный индикатор: а) наличие национального плана действий в области туризма.

Одно из основных отличий международного туризма от многих других видов экономической деятельности заключается в том, что его показатели зависят как от внутренних, так и от внешних факторов. И очень важно рассмотреть эти факторы, поскольку они, в свою очередь, определяют конкурентоспособность страны в области туризма. Как следствие, именно эти факторы обычно являются предметом регулирования со стороны государства.

В общем виде функцию спроса как для въездного, так и для выездного туризма для Азербайджана можно выразить следующим образом:

$$D_t = F(P_{PP}_t; SUB_{PP}_t; wgd_{pp}_t; V_t), \quad (1)$$

где P_{PP}_t – индекс паритета цен в стране, SUB_{PP}_t – указывает на замену туристических поездок в одну страну туристическими поездками в другие страны по тем или иным причинам. Например, туристические поездки в Азербайджан могут быть заменены поездками в другие страны с аналогичным природным ландшафтом из-за разницы в цене и качестве услуг. Одной из таких стран может быть Грузия, а другой – Турция. В этом случае SUB_{PP}_t представляет собой стоимость туризма в этих странах. По предварительным заключениям, по мере роста цен на туристские услуги в этих странах спрос на туристские услуги в Азербайджане может возрасти. wgd_{pp}_t выражает объем дохода на душу населения в Азербайджане по годам. По предварительным выводам, увеличение средних доходов в стране может положительно сказаться на росте внутреннего туризма и туристических поездок за границу и до некоторой степени положительно повлиять на количество туристов, посещающих страну. Однако при большой разнице доходов данный показатель сказывается негативно: туристы неохотно едут в бедные страны, а в очень развитых странах высокие цены увеличивают расходы на туристические поездки. V_t – переменная, описывающая трудности с оформлением виз. Легкость визового режима положительно сказывается на количестве туристов, посещающих страну.

При моделировании функции спроса на въездной туризм в Азербайджан (INT) будем использовать две переменные – индекс паритета цен в разных странах (PPP_{it}), где i – индекс страны, и средний ВВП на душу населения в мире ($wgdppc_t$).

$$INT_t = a_0 + a_1 * PPP_t + a_2 * wgdppc_t + \varepsilon_t. \quad (2)$$

При построении функции спроса на выездной туризм уместнее было бы рассмотреть зависимость от индекса паритета цен (PPP_{it}) для нескольких стран с более высоким уровнем выездного туризма, чем в Азербайджане, от объема ВВП на душу населения ($wgdppc_t$) для Азербайджана. Однако в связи с отсутствием таких данных по отдельным странам мы рассмотрим зависимость спроса на выездной туризм в целом от объема дохода на душу населения в стране ($agdppc_t$):

$$OUITT_t = b_0 + b_1 * agdppc_t + \varepsilon_t. \quad (3)$$

Необходимая информация для исследования была получена с официального сайта Государственного комитета статистики Азербайджана и Всемирного банка.

Современное состояние туризма в Азербайджане

Хотя доходы от нефти и газа играют важную роль в валютных поступлениях Азербайджана, большое внимание уделяется развитию и других секторов экономики, особенно сектора услуг. В последние десятилетия либерализация экономики страны [32] и развитие человеческого капитала [33] заложили хорошую основу для развития сектора услуг, в том числе туризма. Следует отметить, что доля доходов от туризма в ВВП Азербайджана составляла около 5% в 2015 г. и 6% в 2018 г. Конечно, доходы Азербайджана от туризма невелики, но по абсолютным значениям доходы Азербайджана превышают доходы Грузии от туризма. Так, по данным Всемирного банка за 2015 г., объем доходов Грузии от туризма составил 2,1 млрд долл., а доходы Азербайджана – 2,5 млрд долл. Однако в связи с тем, что доходы Азербайджана от других видов экономической деятельности намного выше, чем доходы Грузии, доля доходов от туризма в объеме ВВП невелика.

Главный поворотный момент в развитии туризма в Азербайджане наступил в 2012 г. До того времени Азербайджан отставал от средних мировых значений по ключевым показателям развития туризма. С 2012 г. наблюдается резкий рост количества туристов, посещающих страну, а также доходов от туризма (въездного) и расходов на туризм (выездной). Например, по показателям «доля расходов на туризм

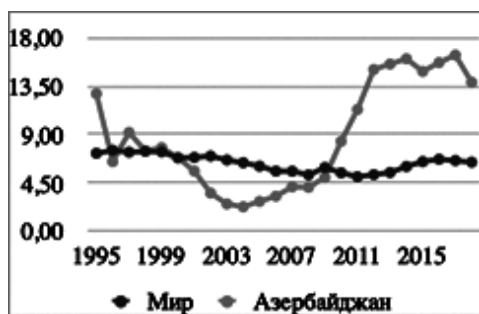

Рис. 1. Доля (средних) расходов на туризм в импорте в Азербайджане и в мире (%).

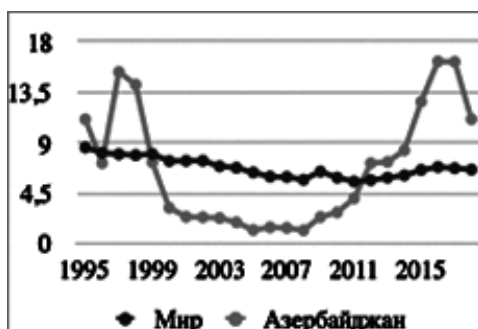

Рис. 2. Доля (средних) расходов на туризм в экспорте в Азербайджане и в мире (%).

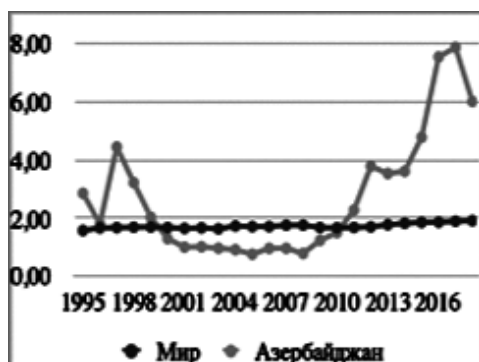

Рис. 3. Доля (средних) доходов от туризма в ВВП в Азербайджане и в мире (%).

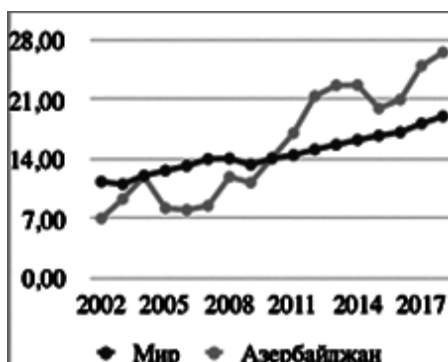

Рис. 4. Доля количества туристов, посетивших Азербайджан, и средний показатель по странам в мире (% от населения страны).

Источник: stat.gov.az. [34].

в импорте», «доля расходов на туризм в экспорте», «доля доходов от туризма в ВВП», а также «доля количества туристов в количестве населения» Азербайджан отставал от средних мировых показателей в период до 2012 г. (см. рис. 1–4). Следует отметить, что, несмотря на стремительное развитие туристической индустрии в Азербайджане в последние годы, абсолютное число туристических агентств и туроператоров пока невелико относительно стран с развитой туристической индустрией. Если в 2006 г. количество таких компаний составляло 96, то в последующие годы их количество неуклонно росло и в 2019 г. достигло 432¹ (т.е. выросло более чем в 4 раза). В то же время это является очень низким показателем по сравнению со странами с широко развитой туристической индустрией. Такое небольшое количество туристических агентств и туроператоров в Азербайджане объясняется разными причинами. Главная, конечно

¹ Только две из этих компаний принадлежат государству, остальные предприятия частные.

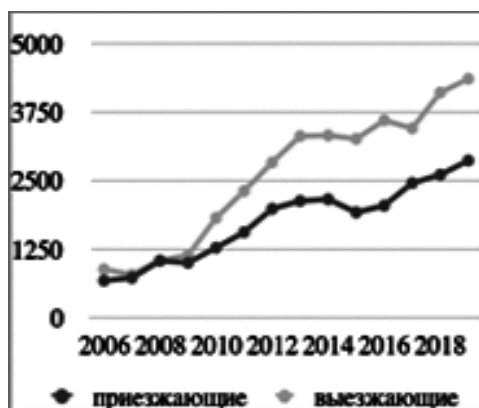

Рис. 5. Количество туристов, прибывающих и покидающих Азербайджан (тыс. человек).

Источник: stat.gov.az. [34].

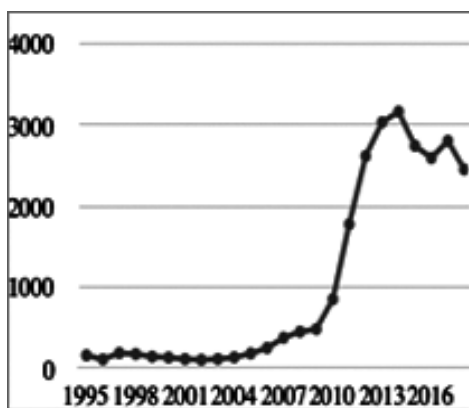

Рис. 6. Туристические расходы в Азербайджане (тыс. долл. США).

же, – в низкой востребованности их деятельности. Вторая причина – существование серьезной диспропорции между количеством туристов, посещающих страну, и количеством туркомпаний. Это объясняется тем, что лишь небольшая доля иностранных и местных туристов прибегают к услугам туристических агентств и туроператоров. Так, количество людей, посещающих Грузию через туроператоров или туристические агентства, намного меньше, чем количество свободных туристов, посещающих страну. И это при том, что общее количество тех, кто выезжает за границу с целью туризма и отдыха, достаточно велико. Ту же картину мы видим в разнице между количеством людей, посещающих Азербайджан с разными целями, и количеством принятых туристов. Общими чертами в динамике этих показателей является то, что до 2014 г. количество людей, приезжающих в Азербайджан или выезжающих из Азербайджана с целью туризма или с любой другой целью, имело возрастающую динамику, а в последующие годы убывающую.

Следует учесть, что количество туристов, прибывавших в Азербайджан за последние 20 лет, намного меньше, чем количество туристов, отдыхающих за пределами Азербайджана (см. рис. 5). Такие различия создают отрицательное сальдо на туристическом рынке Азербайджана и год от года увеличивают расходы Азербайджана на туризм (см. рис. 6).

Основные характеристики въездного туризма в Азербайджане и факторы функции спроса

Туризм в Азербайджане начал стремительно развиваться только в последнее десятилетие, и в настоящее время доля доходов от туризма в ВВП невелика по сравнению с соседними странами, такими как Тур-

ция и Грузия, где индустрия туризма является приоритетной. Однако высокий потенциал туризма в Азербайджане создает перспективы для развития этого сектора. В Азербайджан уже едут туристы более чем из сотни стран. Сравнение туристских потоков по разным странам дает основание утверждать, что количество туристов, приезжающих в Азербайджан из арабских стран, за последние пять лет растет. Для туристов из этих стран Азербайджан имеет некоторые сравнительные преимущества перед Грузией и Турцией. Так, для туристов из арабских стран преимущество Азербайджана перед Грузией состоит в том, что Азербайджан является мусульманской страной. Поскольку такие туристы предпочитают халяльное питание, естественно, что Азербайджан для них более интересен как туристическое направление. Кроме того, обеспечение общественно-политической стабильности и безопасности в Азербайджане в последние десятилетия также создает благоприятные условия для туристических путешествий. В результате этого количество туристов из арабских стран с каждым годом растет (см. табл. 1). В частности, увеличение количества визитов в Азербайджан из арабских стран с более высоким доходом на душу населения, как ожидается, будет положительно сказываться на доходах от туризма.

Таблица 1

Динамика количества туристов, приезжающих в Азербайджан из некоторых арабских стран, 2000–2018 гг.

Страны	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Саудовская Аравия	416	290	312	284	380	479	507	727	7,463	33,312	73,284
ОАЭ	346	270	412	469	551	638	821	2,379	53,180	102,498	94,031
Ирак	677	476	549	679	917	991	738	2,147	62,983	62,547	67,514
Кувейт	158	149	322	324	233	392	419	528	1,699	16,481	29,803
Катар	89	131	83	123	470	309	292	599	3,323	7,896	12,461
Бахрейн	78	80	87	97	107	188	131	237	1,562	5,628	11,422
Иордания	576	299	392	379	387	442	510	464	945	2,108	3,573

Источник: stat.gov.az. [34].

Хотя динамика количества иностранцев, прибывающих в Азербайджан с разными целями, и динамика количества туристов, принятых и размещенных туроператорами, имела одинаковую тенденцию в исследуемый период (т. е. 2007–2016 гг.), за общий объем спроса в сфере туризма правильнее брать количество туристов, приезжающих в страну в целом, а не количество туристов, принятых туропера-

торами или туристическими агентствами, потому что основная часть иностранных туристов, приезжающих в страну, – это свободные туристы. По данным ARDSK, значительную часть туристов, посетивших Азербайджан в 2019 году, составляют граждане Турции, Грузии, России, Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ, Индии, Украины, Туркменистана, Ирака, Казахстана и Израиля. Большинство тех, кто приезжает в страну с разными целями, также является выходцами из этих стран. Следует учесть, что люди из таких стран, как Турция, Россия, Грузия, Украина и Иран, часто не пользуются услугами туроператоров и предпочитают путешествовать самостоятельно, так как не имеют коммуникационных проблем. Количество туристов из развитых и из далеко расположенных стран пока остается небольшим.

Согласно выбранной нами методологии, основными факторами функции спроса на туризм в Азербайджане являются реальный объем ВВП на душу населения в Азербайджане ($wgdppc_t$) (базовый год – 2010) и международный паритет цен (PPP_t).

Следует отметить, что поскольку на официальном сайте ARDSK не разделяется по странам количество туристов, посещающих Азербайджан, то мы будем рассчитывать количество туристов из любой страны, исходя из отношения общего количества туристов к общему количеству иностранцев и лиц без гражданства. Конечно, такой расчет не позволяет узнать точное количество туристов по странам: значительное количество людей из некоторых стран, таких как Турция, Грузия и Россия, проживают в этих странах, но, имея родственников в Азербайджане, не зарегистрированы как туристы в официальной статистике. Количество деловых людей, приезжающих в Азербайджан из некоторых стран, например, из Великобритании, превышает количество туристов, и их очень сложно учесть при расчетах. Однако, несмотря на это, в первоначальном подходе можно использовать показатель количества туристов, рассчитанный этим методом.

Моделирование функции спроса въездного туризма в Азербайджане в виде уравнения регрессии (2) предполагает, что на количество туристов, посещающих страну, существенно влияет рост среднего дохода на душу населения в мире и индекс паритета цен в Азербайджане. Расчеты на основе данных за 2006-2019 гг. показывают, что регрессионная зависимость имеет следующий вид:

$$INT_t = -10719,9 + 2379,188 * PPP_t + 1,155284 * wgdppc_t$$

(918) (660) (0,08)

Следует отметить, что в полученном регрессионном уравнении повышение индекса паритета цен в Азербайджане не оказывает негативного влияния на количество туристов, напротив, между этими

показателями существует положительная связь. Это можно объяснить тем, что рост цен до определенной степени может быть связан с экономическим развитием страны и, как следствие, с повышением качества в сфере услуг, в том числе в сфере туризма, что может положительно повлиять на въездной туризм и оказать положительное влияние на функцию спроса во въездном туризме. В некоторых случаях повышение цены может негативно сказаться на спросе: например, если рост цен значителен и не связан с повышением качества услуг. Однако, учитывая, что значительная часть туристов, посетивших Азербайджан за последние 5 лет, прибыла из богатых нефтью арабских стран, рост индекса паритета цен можно объяснить расширением инфраструктуры и улучшением обслуживания в туристской отрасли.

Основные характеристики выездного туризма в Азербайджане и основные детерминанты его функции спроса

Количество выезжающих из Азербайджана туристов значительно превышает количество приезжающих туристов (см. рис. 6) за последние 10 лет, что, несомненно, напрямую связаны с повышением уровня жизни в стране. Здесь также играет определенную роль уровень развития местного туризма и паритет цен в стране. Транспортные расходы, цены в отелях и объем ежедневных расходов на питание также имеют важное значение.

Турция и Грузия – одни из самых посещаемых гражданами Азербайджана стран. Хотя индекс паритета цен в Турции выше, чем в Азербайджане, разнообразие и качество туристских услуг, несомненно, играет свою роль. Еще одним важным преимуществом Турции является то, что страна богаче предметами повседневного спроса, особенно одеждой: в Турцию ездят не только для отдыха, но и за покупками. В некоторых случаях цель поездки связана с посещением медицинских или образовательных учреждений. Большой объем туристических поездок из Азербайджана в Грузию в первую очередь связан с увеличением доходов на душу населения в Азербайджане. С другой стороны, большие развлекательные центры, созданные в Грузии для привлечения туристов, также играют важную роль в повышении спроса на туризм в эту страну.

Если мы эмпирически проанализируем зависимость функции спроса на выездной туризм в Азербайджане от дохода на душу населения туристов из Азербайджана, как это предполагается в уравнении (3), получим регрессионное уравнение (4):

$$OITT_t = -5850,49 + 1,508053 * agdpp_t \quad (4)$$

(1,51) (0,44)

Здесь, p -значимость $p = 0,005$, $R^2 = 0,49$. Согласно уравнению регрессии (4), туристические поездки из Азербайджана в другие страны положительно зависят от дохода на душу населения в стране. Увеличение дохода на единицу увеличивает количество туристов, отдыхающих за рубежом, на 1,5.

Следует отметить, что режим карантина, применяемый с начала 2020 г. в связи с пандемией COVID-19, все еще продолжается, и правительство Азербайджана настаивает на продлении режима карантина до конца 2021 г. Эта ситуация нанесла серьезный ущерб туристскому сектору страны в 2020 г., однако с середины 2021 г. в туристском секторе наблюдается оживление за счет внутреннего туризма.

Заключение

Полученные нами результаты о факторах спроса на въездной и выездной туризм Азербайджана полностью согласуются с результатами исследований, выполненных для других стран. Так, было выявлено, что количество туристов, посещающих страну, и их доля в численности населения зависят не от объема дохода на душу населения в стране, а от паритета цен в этой стране. При этом количество туристов из стран с высоким уровнем дохода оказывается намного выше, чем из других стран. Зависимость количества выезжающих из Азербайджана туристов от дохода на душу населения в стране согласуется с результатами эмпирических исследований в других странах и еще раз доказывает, что объем туристических поездок за границу (выездной туризм) положительно зависит от уровня развития страны.

Сфера туризма является одним из видов экономической деятельности, наиболее пострадавших от пандемии COVID-19. Наибольший урон от сокращения туристских потоков был нанесен экономикам стран с высокой долей сферы туризма в ВВП, и кризис, вызванный пандемией, далек от завершения. Страны, которые рассматривают туризм как стратегический приоритет, в том числе Азербайджан, должны уделять особое внимание экономической диверсификации, принимая во внимание возможность подобных пандемий и других кризисных явлений в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. The World Tourism Organization (UNWTO) is a specialized agency of the United Nations. <https://www.unwto.org>.
2. World Bank. East Asia and Pacific in the Time of Covid-19. World Bank East Asia and Pacific Economic Update. 2020. April: 234, doi: 10.1596/978-1-4648-1565-2. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33477>.
3. *Buheji M., K. da Costa Cunha, Beka G., Mavri B., Y. Leandro do Carmo de Souza, S. Souza da Costa Silva, M. Hana, and T. Chetia Yein.* The Extent of COVID- 19 Pandemic Socio-Economic Impact on Global Poverty. A Global Integrative Multidisciplinary Review // *American Journal of Economics*, 2020(4):213{224, 2020. doi:10:5923/j:economics:20201004:02. <http://journal.sapub.org/economics>.
4. *Fairlie R.* The impact of covid-19 on small business owners: evidence of early-stage losses from the April 2020 current population survey. May, 2020. Working Paper No. 20-022.
5. U.S. Census Bureau. 2020. Small Business Pulse Survey.
6. *Alexander W. Bartik, Marianne Bertrand, Zoë B. Cullen, Edward L. Glaeser, Michael Luca, and Christopher T. Stanton* How Are Small Businesses Adjusting to COVID-19? Early Evidence from a Survey // NBER Working Paper. 2020. No. w26989.
7. *Bohn Sarah, Marisol Cuellar Mejia, and Julien Lafortune.* 2020. The Economic Toll of COVID-19 on Small Business. Public Policy Institute of California.
8. *Orozco M., Tareque I.S., Oyer P., Porras, J.I.* The Impact of COVID-19 on Latino-Owned Businesses. Stanford Latino Entrepreneurship Initiative, Stanford University. 2020. Available: https://www.gsb.stanford.edu/sites/gsb/files/2020_slei_first_covid_survey_results.pdf.
9. *Harb G., Bassil C.* Gravity analysis of tourism flows and the 'multilateral resistance to tourism.' *Current Issues in Tourism*. 2018. Advance online publication. doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2018.1544612>.
10. *Cohen S.A., Prayag G., Moital M.* Consumer behaviour in tourism: Concepts, influences and opportunities // *Current Issues in Tourism*. 2014. 17(10), 872–909. doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2013.850064>.
11. *Isaac R.K., Eid T.A.* Tourists' destination image: An exploratory study of alternative tourism in Palestine // *Current Issues in Tourism*. 2019. 22(12), 1499–1522. doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2018.1534806>.
12. *Kim J., Lee C.-K., Mjelde, J.W.* Impact of economic policy on international tourism demand: The case of Abenomics // *Current Issues in Tourism*. 2018. 21(16), 1912–1929. doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2016>.
13. *Habibi F.* The determinants of inbound tourism to Malaysia: A panel data analysis // *Current Issues in Tourism*. 2017. 20(9), 909–930. doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2016.1145630>.
14. *Liu Y., Li Y., Parkpian P.* Inbound tourism in Thailand: Market form and scale differentiation in ASEAN source countries // *Tourism Management*. 2018. 64, 22–36. doi: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2017.07.016>.
15. *Yazdi S.K., Khanalizadeh B.* Tourism demand: A panel data approach // *Current Issues in Tourism*. 2017. 20(8), 787–800. doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2016.1>.
16. *Assaf A.G., Josiassen A., Agbola F.W.* Attracting international hotels: Locational factors that matter most // *Tourism Management*. 2015. 47, 329–340. doi: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2014.10.005>.

17. *Barman H., Nath H.K.* What determines international tourist arrivals in India? // *Asia Pacific Journal of Tourism Research*. 2019. 24(2), 180–190. doi: <https://doi.org/10.1080/10941665.2018.1556712>.
18. *Tóth G., Dávid L.D., Vasa L.* The role of transport in European tourism flows // *Acta Geographica Slovenica*. 2014. 54(2). doi: <https://doi.org/10.3986/AGS54205>.
19. *Ghader Z., Saboori B., Khoshkam M.* Does security matter in tourism demand? // *Current Issues in Tourism*. 2017. 20(6), 552–565. doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2016.1161603>.
20. *Khalid U., Okafor L.E., Shafiullah M.* The effects of economic and financial crises on international tourist flows: A cross-country analysis // *Journal of Travel Research*. Advance online publication. 2019. doi: <https://doi.org/10.1177/0047287519834360>.
21. *Song H., Lin S.* Impacts of the financial and economic crisis on tourism in Asia // *Journal of Travel Research*. 2010. 49(1), 16–30. doi: <https://doi.org/10.1177/0047287509353190>.
22. *Purwomarwanto Y.L., Ramachandran J.* Performance of tourism sector with regard to the global crisis—A comparative study between Indonesia, Malaysia and Singapore // *The Journal of Developing Areas*. 2015. 49(4), 325–339. doi: <https://doi.org/10.1353/jda.2015.0149>.
23. *Balli F., Balli H.O., Cebeci K.* Impacts of exported Turkish soap operas and visa-free entry on inbound tourism to Turkey // *Tourism Management*. 2013. 37, 186–192. doi: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2013.01.013>.
24. *Lee C.-K., Song H.-J., Bendle L.J.* The impact of visa-free entry on outbound tourism: A case study of South Korean travellers visiting Japan // *Tourism Geographies*. 2010. 12(2), 302–323. doi: <https://doi.org/10.1080/1461668100372799>.
25. *Mahadevan R., Amir H., Nugroho A.* Regional impacts of tourism-led growth on poverty and income inequality: A dynamic general equilibrium analysis for Indonesia // *Tourism Economics*. 2017. 23(3), 614–631. doi: <https://doi.org/10.5367/te.2015.0534>.
26. *Brida J.G., Cortes-Jimenez I., Pulina M.* Has the Tourism-led Growth Hypothesis Been Validated? // *A Literature Review*. 2014. DOI: 10.1080/13683500.2013.868414
27. *Kinseng R.A., Nasdian F.T., Fatchiya A., Mahmud A., Stanford R.J.* Marine-tourism development on a small island in Indonesia: Blessing or curse? // *Asia Pacific Journal of Tourism Research*. 2018. 23(11), 1062–1072. doi: <https://doi.org/10.1080/10941665.2018.1515781>.
28. *Su Z., et al* Mental health consequences of COVID-19 media coverage: the need for effective crisis communication practices // *Glob. Health*. 2021. 17 (1), 4.
29. *Abbott A.* COVID’s mental-health toll: how scientists are tracking a surge in depression // *Nature*. 2021. 590 (7845), 194–195.
30. *Zhong B., Huang Y., Liu Q.* Mental health toll from the coronavirus: social media usage reveals Wuhan residents’ depression and secondary trauma in the COVID-19 outbreak // *Comput. Hum. Behav*. 2021. 114, 106524.
31. *Kallbekken S., Sælen H.* Public support for air travel restrictions to address COVID-19 or climate change. *Transp. Res. Part D*. 2021. 93, 102767.
32. *Gulaliyev M.G., Ok N.I., Musayeva F.G., Efendiyev R.J., Musayeva J.G., Samira R Agayeva S.R.* Economic Liberalization and Its Impact on Human Development: A Comparative Analysis of Turkey and Azerbaijan // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11. Iss. 17, 9753-9771.
33. *Gulaliyev M.G., Muradov R.S., Hajiyeva L.A., Muradova H.R., Aghayeva K.A., Aliyev E.S.* Study of human capital development, economic indicators and environmental quality // *Ekoloji*. 2019. Vol. 28. Iss. 107, 495-503.
34. Азербайджанский Государственный Статистический Комитет. stat.gov.az.

REFERENCES

1. The World Tourism Organization (UNWTO) is a specialized agency of the United Nations. <https://www.unwto.org>.
2. World Bank. East Asia and Pacific in the Time of Covid-19. World Bank East Asia and Pacific Economic Update, (April):234, 2020. doi: 10:1596/978-1-4648-1565-2. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33477>.
3. *Buheji M., K. da Costa Cunha, Beka G., Mavri B., Y. Leandro do Carmo de Souza, S. Souza da Costa Silva, M. Hana, and T. Chetia Yein.* The Extent of COVID- 19 Pandemic Socio-Economic Impact on Global Poverty. A Global Integrative Multidisciplinary Review. American Journal of Economics, 2020(4):213{224, 2020. doi:10:5923/ j:economics:20201004:02. URL <http://journal.sapub.org/economics>.
4. *Robert Fairlie* The impact of covid-19 on small business owners: evidence of early-stage losses from the April 2020 current population survey. May, 2020. Working Paper No. 20-022.
5. U.S. Census Bureau. 2020. Small Business Pulse Survey.
6. *Alexander W. Bartik, Marianne Bertrand, Zoe B. Cullen, Edward L. Glaeser, Michael Luca, and Christopher T. Stanton.* How Are Small Businesses Adjusting to COVID-19? Early Evidence from a Survey // NBER Working Paper. 2020. No. w26989.
7. *Bohn Sarah, Marisol Cuellar Mejia, and Julien Lafortune.* 2020. The Economic Toll of COVID-19 on Small Business. Public Policy Institute of California.
8. *Orozco M., Tareque I.S., Oyer P. and Porras J.I.* (2020). The Impact of COVID-19 on Latino-Owned Businesses. Stanford Latino Entrepreneurship Initiative, Stanford University. Available: https://www.gsb.stanford.edu/sites/gsb/files/2020_slei_first_covid_survey_results.pdf.
9. *Harb G., & Bassi C.* (2018). Gravity analysis of tourism flows and the 'multilateral resistance to tourism // Current Issues in Tourism. Advance online publication. doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2018.1544612>.
10. *Cohen S.A., Prayag G., Moita, M.* Consumer behaviour in tourism: Concepts, influences and opportunities // Current Issues in Tourism. 2014. 17(10), 872–909. doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2013.850064>.
11. *Isaac R. K., Eid T.A.* Tourists' destination image: An exploratory study of alternative tourism in Palestine // Current Issues in Tourism. 2019. 22(12), 1499–1522. doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2018.1534806>.
12. *Kim J., Lee C.-K., Mjelde J.W.* Impact of economic policy on international tourism demand: The case of Abenomics // Current Issues in Tourism, 2018. 21(16), 1912–1929. doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2016>.
13. *Habibi F.* The determinants of inbound tourism to Malaysia: A panel data analysis // Current Issues in Tourism 2017. 20(9), 909–930. doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2016.1145630>.
14. *Liu Y., Li Y., Parkpian P.* Inbound tourism in Thailand: Market form and scale differentiation in ASEAN source countries // Tourism Management, 2018. 64, 22–36. doi: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2017.07.016>.
15. *Yazdi S. K., Khanalizadeh B.* Tourism demand: A panel data approach // Current Issues in Tourism, 2017. 20(8), 787–800. doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2016.1>.
16. *Assaf A. G., Josiassen A., Agbola F. W.* Attracting international hotels: Locational factors that matter most. Tourism Management, 2015. 47, 329–340. doi: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2014.10.005>.

17. *Barman H., Nath H.K.* What determines international tourist arrivals in India? // *Asia Pacific Journal of Tourism Research*, 2019. 24(2), 180–190. doi: <https://doi.org/10.1080/10941665.2018.1556712>.
18. *Toth G., David L. D., Vasa L.* The role of transport in European tourism flows // *Acta Geographica Slovenica*, 2014. 54(2). doi: <https://doi.org/10.3986/AGS54205>.
19. *Ghaderi Z., Saboori B., Khoshkam, M.* Does security matter in tourism demand? // *Current Issues in Tourism*, 2017. 20(6), 552–565. doi: <https://doi.org/10.1080/13683500.2016.1161603>.
20. *Khalid U., Okafor L. E., Shafiullah M.* (2019). The effects of economic and financial crises on international tourist flows: A cross-country analysis. *Journal of Travel Research*. Advance online publication. doi: <https://doi.org/10.1177/0047287519834360>.
21. *Song H., & Lin S.* Impacts of the financial and economic crisis on tourism in Asia // *Journal of Travel Research*, 2010. 49(1), 16–30. doi: <https://doi.org/10.1177/0047287509353190>.
22. *Purwomarwanto Y. L., & Ramachandran J.* Performance of tourism sector with regard to the global crisis—A comparative study between Indonesia, Malaysia and Singapore // *The Journal of Developing Areas*. 2015. 49(4), 325–339. doi: <https://doi.org/10.1353/jda.2015.0149>.
23. *Balli F., Balli H.O., Cebeci K.* Impacts of exported Turkish soap operas and visa-free entry on inbound tourism to Turkey. *Tourism Management*, 2013. 37, 186–192. doi: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2013.01.013>.
24. *Lee C.-K., Song H.-J., Bendle L.J.* The impact of visa-free entry on outbound tourism: A case study of South Korean travellers visiting Japan // *Tourism Geographies*. 2010. 12(2), 302–323. doi: <https://doi.org/10.1080/14616681003727991>.
25. *Mahadevan R., Amir H., Nugroho A.* Regional impacts of tourism-led growth on poverty and income inequality: A dynamic general equilibrium analysis for Indonesia // *Tourism Economics*, 2017. 23(3), 614–631. doi: <https://doi.org/10.5367/te.2015.0534>.
26. *Brida J.G., Cortes-Jimenez I., Pulina M.* (2014). Has the Tourism-led Growth Hypothesis Been Validated? // *A Literature Review*. DOI: 10.1080/13683500.2013.868414.
27. *Kinseng R.A., Nasdian F.T., Fatchiya A., Mahmud A., Stanford R.J.* (2018). Marine-tourism development on a small island in Indonesia: Blessing or curse? // *Asia Pacific Journal of Tourism Research*, 23(11), 1062–1072. doi: <https://doi.org/10.1080/10941665.2018.1515781>.
28. *Su Z., et al.* (2021). Mental health consequences of COVID-19 media coverage: the need for effective crisis communication practices. *Glob. Health* 17 (1), 4.
29. *Abbott A.* (2021). COVID’s mental-health toll: how scientists are tracking a surge in depression // *Nature* 590 (7845), 194–195 .
30. *Zhong B., Huang Y., Liu Q.* (2021). Mental health toll from the coronavirus: social media usage reveals Wuhan residents’ depression and secondary trauma in the COVID-19 outbreak. *Comput. Hum. Behav.* 114, 106524 .
31. *Kallbekken S., Saelen H.* (2021). Public support for air travel restrictions to address COVID-19 or climate change. *Transp. Res. Part D* 93, 102767 .
32. *Gulaliyev M.G., Ok N.I., Musayeva F.G., Efendiyev R.J., Musayeva J.G., Samira R., Agayeva S.R.* (2016). Economic Liberalization and Its Impact on Human Development: A Comparative Analysis of Turkey and Azerbaijan. *International Journal of Environmental and Science Education*. Vol. 11. Issue 17, 9753-9771.

33. Gulaliyev M.G., Muradov R.S., Hajiyyeva L.A., Muradova H.R., Aghayeva K.A., Aliyev E.S. (2019). Study of human capital development, economic indicators and environmental quality // *Ekoloji*. Vol. 28. Issue 107, 495–503.
34. Azerbajdzhanskij Gosudarstvennyj Statisticheskij Komitet [Elektronnyj resurs]. stat.gov.az.

ABOUT THE AUTHOR

Aliyeva Aida Azer qizi – doctoral student of the National Aviation Academy, Baku, Azerbaijan
topl2015@mail.ru

SPECIFICITIES OF INBOUND AND OUTGOING TOURISM IN AZERBAIJAN

Over the past several years, a large number of economists and organizations expressed growing concern about the importance of tourism revenues. As tourism sector highly contributes to the economies of a number of countries, this study attempts to reveal some socio-economic determinants of tourism demand in Azerbaijan. It was shown that the number of inbound tourists depends on price parity in that country, not on per capita income in a country, while outbound tourism is determined primarily by the level of per capita income in a country and depends on the level of development of the country.

Keywords: *inbound tourism, outgoing tourism, demand function.*

JEL: Z3.

ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ

А.В. КОЛОТУША

аспирант экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ПОИСК ДЕТЕРМИНАНТ РАЦИОНА ПИТАНИЯ КАК ОСНОВЫ ЗДОРОВЬЯ ЛЮДЕЙ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹

Настоящая работа направлена на поиск детерминант рациона питания как основы здоровья людей, которое в свою очередь является одним из важнейших факторов воспроизводства человеческого капитала. Работа направлена на изучение одного из элементов рациона питания людей – потребления жиров. По данным выборочного наблюдения рациона питания (ВНРП) населения при ФСГС (Росстат), на основе серии моделей бинарного выбора, получены следующие результаты: разрыв между показателями злоупотребления жирной пищей у людей, имеющих высшее образование, и людей, не имеющих высшего образования, сокращается по мере увеличения размера городов проживания, однако по мере роста размера села разрыв между этими категориями обследуемых людей в их склонности к злоупотреблению жирной пищей не сглаживается. Такой результат может говорить в пользу относительно равномерного распределения экономической доступности продуктов питания между всеми категориями населения в городах. Также в результате эмпирического исследования получено подтверждение того, что рост склонности к злоупотреблению жирами связан с увеличением размера города, но не села, что может указывать на более высокий ритм жизни и более тесную концентрацию заведений общественного питания в городе, чем в селе.

Ключевые слова: пространственная выборка, логит-модель, модели бинарного выбора, питание, здоровье, образование, образование и экономическое развитие.

JEL: C21, C25, I12, I15, I25, J19.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_160_187.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта №20-310-90071 «Поведенческие эффекты в структуре питания членов российских домохозяйств» (руководитель – д.э.н., проф. Кучмаева О.В.).

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется прежде всего двумя факторами, характеризующими развитие современного общества – актуализацией роли, которую играет рацион питания в здоровье человека, и осознанием роли поведенческих факторов в потреблении продуктов питания.

Структура питания является важной характеристикой уровня и качества жизни человека. От неправильной структуры питания зависит риск возникновения различных заболеваний, в том числе болезней кровообращения и новообразований, а также появления избыточного веса и ожирения, которые в свою очередь влекут за собой снижение качества жизни населения, повышенную травматичность и преждевременную смертность. По последним доступным оценкам ВОЗ, на 2016 г. свыше 1,9 млрд взрослых людей по всему миру имели лишний вес, что соответствовало на тот момент примерно 40% населения. Из них у каждого третьего отмечалось ожирение. При этом, за последние 40 лет мировые масштабы ожирения возросли примерно до 13% населения мира к 2016 г., постепенно охватывая страны с меньшими доходами на душу населения. Начиная с принятой в 2004 г. «Глобальной стратегии ВОЗ по питанию, физической активности и здоровью» и по настоящее время, ВОЗ разрабатывает стратегии и декларации, в которых выдвигаются меры по противодействию нарушениям структуры питания на глобальном, региональном и индивидуальном уровнях, включая количественные ориентиры по среднесуточному потреблению отдельных групп питательных веществ, а также призывы к повышению уровня физической активности [1]. Однако существенного замедления процесса распространения нарушения структуры питания по миру не наблюдается.

В долгосрочной перспективе в России также складывается не самая благоприятная ситуация вокруг последствий нарушения структуры питания: по данным Росстата на 2019 г. [2], несмотря на наметившееся сокращение числа смертей от болезней кровообращения (537 смертей на 100 тыс. чел. населения за 2017 г., к 806 – на 100 тыс. чел. за 2010 г.) и новообразований (203 смерти на 100 тыс. чел. населения за 2017 г. – к 205 – на 100 тыс. чел. за 2010 г.), в структуре смертности по основным классам причин смертности 2 вышеуказанные группы продолжают преобладать (по данным Росстата, причины 47,2% случая смертей связаны с нарушениями работы органов кровообращения, 16,1% приходится на новообразования, следующая же по значению группа, внешние причины, имеет долю 8,4%). Цифры говорят о наметившейся опасной тенденции, требующей выработки мер по снижению уровней заболеваемости и смертности вследствие нарушения структуры

и режима питания, без чего невозможна реализация поставленных целей демографической политики РФ². В свою очередь, разработка этих мер невозможна без исследования факторов, влияющих на рацион питания, а также каналов их влияния на состояние здоровья людей через изменение рациона питания. Поставленный в исследовании рациона питания вопрос поиска способов сокращения масштабов заболеваемости и смертности представляется важным и для экономики, поскольку торможение процессов роста заболеваемости и смертности ведет за собой предотвращение потерь в человеческом капитале страны в смысле предупреждения снижения как его производительности, так и его объемов.

Данная работа сфокусирована на оценке влияния уровня образования на один из аспектов рациона питания – потребление жиров. В отечественных научных работах жиры (в частности, насыщенные) считаются фактором, катализирующим развитие сердечно-сосудистых заболеваний, в частности, ишемической болезни сердца (ИБС) (см., например, [4; 5]): переизбыток насыщенных жиров в рационе питания людей повышает концентрацию холестерина в сыворотке крови, что, в свою очередь, повышает риск возникновения ишемической болезни сердца (ИБС). Вопрос об однозначной эмпирической подтвержденности действия этого механизма в целом остается дискуссионным, что связано с тем, что в выборочных обследованиях трудно в полной мере отделить влияние изменения потребления насыщенных жирных кислот на изменение риска развития ИБС от прочих пищевых факторов (в частности, изменения уровня потребления полиненасыщенных жирных кислот, углеводов, алкоголя и др.) [6]. В то же время, не исключено и опосредованное влияние злоупотребления насыщенными жирами на здоровье: формирование у людей избыточного веса. А избыточный вес, в свою очередь, согласно исследованиям, повышает вероятность развития многочисленных неинфекционных заболеваний (включая те же сердечно-сосудистые заболевания, сахарный диабет 2 типа или гипертонию) [7; 8], а также может способствовать сокращению ожидаемой продолжительности жизни [9]. Результаты отечественных работ, в частности, исследований на

² Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. (далее – КДП РФ-2025) [3], провозглашает следующие цели: создание условий роста численности населения к 2025 г. до 145 млн человек и повышение качества жизни наряду с увеличением ожидаемой продолжительности жизни к 2025 г. до 75 лет. Достижение этих целей предполагает выполнение задач по сокращению смертности, включая смертность от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний (прежде всего граждан трудоспособного возраста), а также по укреплению здоровья населения и снижению уровня социально-значимых заболеваний (к которым авторы КДП РФ-2025 в том числе относят алиментарно-зависимые заболевания, включая злокачественные новообразования и сахарный диабет).

базе разработанной системы оценки риска развития алиментарно-зависимых заболеваний под влиянием изменения пищевого статуса людей «Нутритест-ИП» при НИИ питания РАМН, свидетельствуют в пользу существования связей алиментарно-зависимых заболеваний с рационом питания на генетическом уровне [10; 11]. Последний аргумент, в частности, и может объяснять, почему специалисты в области диетологии и нутрициологии в РФ при выработке нормативов здорового питания включают в перечень рекомендаций количественные ориентиры по снижению уровня потребления насыщенных жиров [12; 13].

Но что может подталкивать людей к злоупотреблению жирной пищей? Влияет ли на рацион питания, в аспекте потребления жиров, уровень образования и качество жизни людей? Попытке ответа на эти вопросы и посвящено настоящее исследование.

Обзор современного состояния исследований

Основными научными направлениями, в рамках которых произошли значительные достижения в сторону объяснения нарушений качества питания на примере феномена ожирения, можно назвать неоклассический и поведенческий подходы.

Так, в рамках неоклассического подхода можно выделить работы [14; 15], в которых изменение объемов потребления пищи раскрывается через стремление людей к достижению оптимального для них уровня веса. В этих работах утверждается, что рациональным решением индивидов является стремление к повышению уровня веса при росте дохода, если его текущие уровни веса и дохода являются низкими, и к поддержанию веса на стабильном уровне или к его снижению, если определенный пороговый уровень веса и дохода уже достигнут. Также можно выделить работу [16], в которой увеличение объемов потребления пищи связывается с относительным снижением цен на продукты питания.

Важной, в рамках поведенческой экономики является работа [17], в которой привычки питания объясняются через представленную в работе теорию рациональных пристрастий (*rational addiction*). Основу этой теории составляет идея Г. Беккера о накоплении «капитала вредной привычки», который положительно связывает текущую полезность с объемами потребления товара в прошлом, что, в свою очередь, означает, что текущий рацион питания может сильно предопределяться его рационом питания в прошлом. Заслуживает внимания также работа Д. Лейбсона [18], в которой автор, развивая подход Г. Беккера и К. Мерфи, строит теоретическую модель сигналов в потреблении. Эта модель, в частности, объясняет возникновение спонтанных покупок и незапланированного потребления благ через изменение

предельной полезности от потребления благ вследствие реализации некоторых импульсов или сигналов (*cues*), которые работают как триггер, вызывая у индивида воспоминания о потреблении того или иного блага в прошлом (запах свежее выпеченного печенья, звук льда, падающего в стакан для виски, вид чаши с мороженым). Работа хорошо дополняет исследования Г. Беккера и К. Мерфи по части объяснения причин нарушения качества питания, наводя на мысль, что, если рацион питания индивида является нездоровым, а он перманентно получает сигнал, ассоциирующий его с потреблением привычного для него товара, это способствует закреплению потребления привычного для него нездорового рациона питания.

Отдельного упоминания также заслуживают работы, связанные с межвременным выбором и заложенной в него идеей, что люди с высокой ставкой дисконтирования будущей полезности при прочих равных условиях каждый период времени будут отдавать предпочтение нездоровой пище (которая дает им больше удовольствия «здесь и сейчас»), чем здоровой (которая могла бы дать им выигрыш от сохранения здоровья в будущем). В поведенческой экономике эта идея получила название гиперболического дисконтирования полезности, которая развивалась, в частности, Р. Талером, Д. Эйнсли, Д. Лэйбсоном, О'Донохью, М. Рэбином, Б. Козжеги, А. Рубинштейном [19–24], и состояла в тенденции индивидов дисконтировать полезность во времени по гиперболически убывающей ставке. Эта идея может служить косвенным объяснением того, что индивиды могут недооценивать идею здорового питания, связывая выгоду от него с очень отдалённым для себя будущим.

Наряду с исследованиями в области неоклассической и поведенческой экономики, одной из важных отправных точек в экономических исследованиях, которая вызвала значительный интерес к поиску факторов нарушения рациона питания людей, можно назвать теорию нутрициологического перехода Б. Попкина (см., напр. [25–28]). Эта теория развивалась еще с 90-х годов прошлого столетия, об идущем во всём мире начиная с 70-х годов с экономически развитых стран структурном сдвиге в рационах питания от продуктов, богатых клетчаткой, в сторону обработанных продуктов, насыщенных жирами и сахаром.

Важным детерминантом питания, о котором пойдёт речь в данном исследовании, является образование человека. Уровень образования в тематической литературе считается фактором, сдерживающим людей от нерационального питания, включая избыточное потребление жирной пищи, по той причине, что оно повышает осведомленность людей об угрозах нарушения питания либо повышает их способность брать контроль над собственной жизнью (см., напр., [29]). В то же время, в современных исследованиях встречаются результаты, расходящиеся с этим интуитивным предположением. В частности, в работе

[30] позднепереходный Китай выступает исключением из общего правила. Причиной тому выступают исторически сформировавшиеся там рационы питания бедных, состоящие преимущественно из рыбных продуктов, и богатых, в которых преобладают жиронасыщенные мясopродукты, существование которых подкреплено действием эффекта Веблена³ (демонстративного потребления). Образование, выступая лифтом восходящей социальной мобильности, содействует переходу людей из категории бедных в категорию богатых. Положительную взаимосвязь между уровнем образования и склонностью к злоупотреблению жирами обнаруживают и Л. Родионова и Е. Копнова [23] на российских данных. Авторы осторожно заключают, что хоть в РФ образование и сдерживает людей от избыточного потребления сладкой пищи и недостаточного потребления фруктов и овощей, тем не менее, более образованные люди больше склонны злоупотреблять жирной пищей, нежели менее образованные.

В дополнение к исследованиям взаимосвязи образования и питания хотелось бы отметить теорию «диффузии инноваций», которая получила изложение, например, в работе Ф. Пампея [34]. В его работе теория была рассмотрена на примере распространения идеи, что курение равно социальному успеху, которая выступила своего рода инновацией. Согласно этой теории, распространение инноваций идёт со стороны более развитых регионов либо индивидов (в случае с индивидами – более богатых и образованных) в сторону менее развитых. Так и в нашем случае, такой инновацией может выступать идея, что демонстративное потребление (в том числе жирной пищей) является проявлением социального успеха.

Обзор вышеуказанных работ подводит нас к выработке гипотезы о том, что полученный на данных Л. Родионовой и Е. Копновой людей с высшим образованием от людей без высшего образования в злоупотреблении жирной пищей ослабевает по мере улучшения качества жизни в месте проживания респондентов.

Модель взаимосвязи уровня образования с переделанием жиров с учетом численности населения места проживания (города или села)

В силу того, что зависимая переменная потребления жиров в рамках нормы ВОЗ (не выше 30%) или выше нормы [35], принимает бинарный характер, разумной эмпирической стратегией для оценки

³ Поведенческий эффект, фактор нефункционального спроса, связанный со стремлением людей путём потребления блага подчеркнуть свой высокий статус, исключительную платёжеспособность [31; 32]

взаимосвязи уровня образования с переяданием жиров с учетом размера населенного пункта является использование моделей бинарного выбора. В частности, в качестве базовой мы оцениваем используем следующую постановку логит-модели бинарного выбора:

$$P(GIR_i = 1) = \frac{1}{1 + e^{-Z_i}},$$

где $Z_i = \text{const} + \beta_1 * POP_i + \beta_2 * HIGHET_i + \beta_3 * POP_i * HIGHET_i + \alpha \cdot C_i + \varepsilon_i$,

где ε_i – случайная ошибка модели.

В данной модели участвуют следующие переменные (см. табл. 1):

Таблица 1

Описание переменных модели

<i>GIR</i>	Индикатор потребления жиров* (1 – выше нормы в 30%, 0 – не выше нормы)
<i>POP</i>	Численность населения населенного пункта (в категориальных группах: для городов – от 1 (менее 50 тыс. человек) до 6 (1 млн человек и более); для сельской местности – от 1 (до 20 человек) до 4 (более 5000 человек)
<i>HIGHED</i>	Индикаторная переменная наличия высшего образования у респондента (1 – есть, 0 – нет)
<i>C</i>	Вектор контрольных переменных**
<i>AGE</i>	Возраст, в годах
<i>AGE²</i>	Квадрат возраста респондента
<i>CHILD</i>	Количество детей в домохозяйстве
<i>IFCHILD</i>	Индикатор наличия детей в домохозяйстве (1 – есть, 0 – нет)
<i>MARRIED</i>	Индикатор брачного статуса (1 – в зарегистрированном или незарегистрированном браке, 0 – иначе)
<i>DOX</i>	Самооценка доходов домохозяйства (от 1– денег с трудом хватает даже на еду, до 5 – легко могу позволить себе крупные покупки вроде автомобиля или квартиры)

* Показатель строился на основе оценки уровня среднесуточного потребления жиров (респонденты воспроизводили информацию о видах и объемах потребленной пищи за последние сутки при помощи альбомов типовых порций блюд, исходя из которой рассчитывался суммарный объём потребления жиров в граммах), взятого в отношении к общему суточному объёму потребления энергии.

** Контрольные переменные представлены в модели в виде произведения вектора-строки самих переменных (C_i) и вектора-столбца коэффициентов при этих переменных (α): $\alpha \cdot C_i = \alpha_1 * AGE_i + \alpha_2 * AGE_i^2 + \alpha_3 * CHILD_i$ (или $IF CHILD_i$) + $\alpha_4 * MARRIED_i + \alpha_5 * DOX_i$.

Мы ожидаем, что больший размер места проживания (численность населения города или села) может быть фактором более высокого потребления жирной пищи, так как там больше заведений общепита с нездоровым питанием и более напряженный ритм жизни, что не способствует полноценному домашнему питанию ($\beta_1 > 0$). Гипотеза будет подтверждена в будущем тем, что размер имеет значение в городах, но не в сельской местности. Также ранее на тех же данных Л. Родионова и Е. Копнова установили, что люди с высшим образованием склонны к злоупотреблению жирной пищей ($\beta_2 > 0$). Наша гипотеза состоит в том, что по мере увеличения размера населённого пункта более образованные быстрее проходят фазу демонстративного потребления, с меньшим «головокружением» от последующей за ней восходящей социальной мобильностью, что выражается в сокращении величины разрыва между образованными и необразованными в риске злоупотребления жирной пищей ($\beta_3 < 0$). Мы также используем контрольные переменные на базе использованных в работе Родионовой и Копновой – самооценку доходов⁴ (которая демонстрирует увеличение потребления продуктов в целом и жиросодержащих продуктов в частности по мере повышения их экономической доступности для респондентов), возраст респондентов (мы также от себя добавляем переменную квадрата возраста на коррекцию на возможный нелинейный характер объемов потребления жирной пищи с возрастом перевернутого U-образного вида, обусловленного как повозрастной динамикой состояния здоровья индивидов, из-за которой ближе к пожилым возрастам накапливаются диетологические ограничения, так и, опять же, разной степенью экономической доступности продуктов питания для разных возрастных групп), переменную наличия или количества детей (как предполагаемый фактор, сдерживающий от перепотребления жиров), а также брачного статуса (нахождение респондента в браке также повышает объемы потребления продуктов питания в целом и жиросодержа-

⁴ В опроснике ВНРП содержится 3 вопроса, измеряющие доходы домохозяйства. Один из них отражает среднемесячный доход домохозяйства на основе вопроса «Укажите приблизительно, сколько составлял денежный доход Вашего домохозяйства в среднем за один месяц на протяжении последних трёх месяцев?», где из вариантов ответа нужно выбрать наиболее близкий интервал дохода. Второй вопрос представляет собой среднедушевой денежный доход в расчете на члена домохозяйства. Третий вопрос представляет собой субъективную оценку материального благополучия домохозяйства с категориями, проранжированными от 1 – «Доходов не хватает даже на еду» до 5 – «Средств хватает, чтобы купить самое необходимое». В качестве основного измерителя дохода был выбран последний подход, поскольку он, на наш взгляд, в отличие от предыдущих двух подходов, позволяет нам учесть поправку на региональные различия в уровнях цен. Первые же два подхода использовались нами в ходе проверки результатов на устойчивость.

щих в частности, опять же – по причине расширения бюджета домохозяйства, или же, в некоторых случаях респонденты перестают следить за собой по причине утрачивания стимулов поддерживать конкурентоспособность на брачном рынке, включая поддержание хорошей физической формы).

Описание данных

С целью проверки гипотезы о сглаживании разрыва в злоупотреблении жирной пищей более образованными и менее образованными индивидами, мы, пользуясь данными выборочного наблюдения рациона питания населения за 2013 г. (ВНРП-2013)⁵, строим серию логит-моделей бинарного выбора отдельно для обоих полов и для городской и сельской местности (см. табл. 2). Итоговый объем общей выборки составил немногим более 156 тыс. наблюдений. Подвыборка женщин, живущих в городской местности, насчитывает чуть более 66 тыс. наблюдений, мужчин в городской местности в подвыборке около 46 тысяч, женщин из сельской местности – чуть менее 25 тыс., а мужчин из сельской местности – немногим менее 19 тыс.

В модели отсутствуют регрессоры, для которых значения частных коэффициентов корреляции Пирсона или ранговой корреляции Спирмена по модулю превышали бы 0,5, что говорит об уровне связи между регрессорами ниже среднего. Все коэффициенты значимы на 1%-ном уровне за исключением коэффициента корреляции между наличием высшего образования и числом детей, который значим лишь на 10%-ном уровне. Это, в свою очередь, позволяет нам совместно использовать регрессоры в модели, не опасаясь мультиколлинеарности.

Портрет среднего респондента по данным 1 волны ВНРП (табл. 3), выглядит так: это зрелый человек, ему/ей 48 полных лет, с 41%-ной вероятностью – мужского пола, с 61%-ной вероятностью – женат или замужем, имеет в своем домохозяйстве не более одного ребенка, может спокойно приобретать на средства домохозяйства еду и одежду, но осуществление более дорогих покупок, начиная с крупной бытовой техники, для него/неё уже проблематично. Преимущественно не имеет высшего образования (33%), склонен недоедать фруктов (71%) и овощей (75%) и переедать насыщенных жирами продуктов (85%), однако не злоупотребляет сахаром (43%). Город, в котором проживает домохозяйство среднего респондента (см. табл. 4), вмещает в себя

⁵ Выборочное наблюдение рациона питания населения (2013) – RPN-2013. gks.ru (дата обращения 03.10.21).

примерно 1,75 млн человек⁶, а село – чуть больше 7000 человек. Такое смещение средних вправо связано с тем, что самые крупные по размеру города и села в России насчитывают на порядок больше человек, чем города и села в указанных в таблице пределах.

Таблица 2

Средние предельные эффекты логит-моделей бинарного выбора злоупотребления жирной пищей. Зависимая переменная – индикатор нарушения нормы среднесуточного потребления жиров (выше 30% в общем объеме энергии)

	Модель 1: женщины, город	Модель 2: мужчины, город	Модель 3: женщины, село	Модель 4: мужчины, село
Численность населения	0,0079*** (0,0008)	0,0082*** (0,0008)	0,0013 (0,0031)	0,0081** (0,0033)
Высшее образование (1 – есть, 0 – нет)	0,0321*** (0,0061)	0,0220*** (0,0060)	0,0260 (0,0239)	0,0470* (0,0243)
Численность населения * Высшее образование	-0,0050*** (0,0016)	-0,0041** (0,0016)	-0,0020 (0,0082)	-0,0073 (0,0092)
Женат/замужем (1 – да, 0 – нет)	0,0151*** (0,0029)	0,0211*** (0,0037)	0,0232*** (0,0058)	0,0333*** (0,0077)
Количество детей в домохозяйстве	-0,0054** (0,0021)	-0,0077*** (0,0019)	-0,0245*** (0,0030)	-0,0210*** (0,0030)
Самооценка доходов	0,0368*** (0,0017)	0,0308*** (0,0016)	0,0598*** (0,0034)	0,0510*** (0,0036)
Возраст (в годах)	0,0028*** (0,0004)	0,0031*** (0,0004)	0,0044*** (0,0008)	0,0048*** (0,0009)
Квадрат возраста	-0,0001*** (0,0000)	-0,0001*** (0,0000)	-0,0001*** (0,0000)	-0,0001*** (0,0000)
Число наблюдений	66079	46424	24939	18852
Доля корректно предсказанных исходов, %	84,73	89,49	78,09	81,82

Примечание: Здесь и далее стандартные ошибки заданы как робастные с учетом гетероскедастичности. Уровни значимости: *** – 1%, ** – 5%, * – 10%. Все модели здесь и далее значимы на 1%-ном уровне.

Источник: составлено автором в программном пакете Stata 14.2.

⁶ При расчете соответствующих средних в качестве верхней границы использовались размеры самого крупного российского города – Москвы на 2013 г. (почти 12 млн человек) и самого крупного российского села – Каневской станицы по данным переписи 2010 г. (свыше 44 тыс. человек).

Описательные статистики данных ВНРП-2013

	Пол	Возраст	Оценка финансового положения	Число детей в д/х	Женат	Имеет высшее образование	Вероятность передачи жиров	
Среднее	0,41	48,52	2,86	0,51	0,61	0,33	0,85	
95%-ный довери- тельный интер- вал для среднего	нижняя граница	0,41	48,43	2,86	0,50	0,61	0,33	0,85
	верхняя граница	0,42	48,60	2,87	0,51	0,61	0,33	0,85
Среднее по выборке, усеченной на 5%	0,40	48,16	2,85	0,41	0,62	0,31	0,89	
Медиана	0,00	49,00	3,00	0,00	1,00	0,00	1,00	
Дисперсия	0,24	294,76	0,77	0,67	0,24	0,22	0,13	
Стандартное отклоне- ние	0,49	17,17	0,88	0,82	0,49	0,47	0,36	
Минимум	0,00	19,00	1,00	0,00	0,00	0,00	0,00	
Максимум	1,00	99,00	5,00	8,00	1,00	1,00	1,00	
Диапазон	1,00	80,00	4,00	8,00	1,00	1,00	1,00	
Межквартильный диа- пазон	1,00	27,00	1,00	1,00	1,00	1,00	0,00	
Асимметрия	0,35	0,19	0,22	1,89	-0,46	0,72	-1,93	
Экссесс	-1,88	-0,86	-0,47	4,68	-1,79	-1,48	1,73	

Примечание: Переменная «Пол» представлена категориями: 1 – мужской, 0 – женский; переменная «Оценка финансового положения» представлена: 1 – «Доходов не хватает даже на еду», 2 – «Хватает на еду, покупка одежды и оплаты ЖКХ – трудности», 3 – «Хватает на еду и одежду; покупка крупной бытовой техники – проблемно», 4 – «Хватает на еду, одежду и крупную бытовую технику», 5 – «Средств достаточно, чтобы купить все, что считаем нужным»; переменная «Женат»: 1 – если женат или замужем, 0 – иначе; переменная «Имеет высшее образование»: 1 – если у респондента есть высшее образование, 0 – иначе; переменная «Вероятность передания жиров»: 1 – если среднесуточное потребление жиров у респондента выше 30% от общего потребления энергии, 0 – иначе.

Источник: составлено автором по данным ВНРП-2013 в программном пакете IBM SPSS Statistics.

Таблица 4

Распределение домохозяйств ВНРП-2013 по городским и сельским населенным пунктам в зависимости от его размера

	Категория	Наблюдения	%
Размер городского населенного пункта, тыс. чел.	Менее 50,0	16893	18,8
	50,0–99,9	7243	8,0
	100,0–249,9	9158	10,2
	250,0–499,9	9525	10,6
	500,0–999,9	8182	9,1
	1000 и более	13479	15,0
Размер сельского населенного пункта, чел.	До 200	1577	1,8
	201–1000	8026	8,9
	1001–5000	9884	11,0
	Более 5000	6033	6,7

Результаты регрессионного анализа

В таблице 2 приведены данные регрессионного анализа. Поскольку, как было показано в работе [33], мужчины и женщины, а также жители городской и сельской местности имеют значимые различия в моделях потребления жиров⁷, мы оцениваем отдельно наборы из 4 моделей: женщин в городской местности, мужчин в городской местности, женщин в сельской местности и мужчин в сельской местности. Для учета фактора детей в домохозяйстве мы используем переменную «количество детей» вместо показателя «наличие детей», поскольку, как было показано в этой же работе [33], в многодетных семьях ниже экономическая доступность продуктов питания, нежели в малодетных или бездетных семьях.

Результаты регрессионного анализа подтверждают исходную гипотезу анализа для городских жителей безотносительно пола респондентов. Мы видим, что действительно больше злоупотребляют жирной пищей люди с высшим образованием и в более крупных по численности населения городах. В среднем, повышение размера города на одну ступень повышает вероятность злоупотребления жирами на 0,79% для женщин и на 0,81% для мужчин. А получение высшего образования в среднем повышает вероятность злоупотребления жирами для женщин на 3,2%, а для мужчин – на 2,2% по сравнению с теми, кто высшее

⁷ Жители городской местности в среднем потребляют больше жиров, чем жители сельской; женщины до 40 лет потребляют в среднем больше жиров, чем мужчины той же возрастной группы, после 40 лет – наоборот, мужчины потребляют жиров больше, чем женщины

образование не получил. При этом разрыв в злоупотреблении жирной пищей между людьми с наличием и без высшего образования сокращается по мере увеличения размера города. В среднем, по мере роста размера города от одной ступени к другой, более образованные женщины начинают злоупотреблять жирами с вероятностью на 0,5% меньше, чем менее образованные, а более образованные мужчины – на 0,41% меньше, чем менее образованные. Обращает также на себя внимание результат, полученный для параметра обеспеченности домохозяйств: в среднем, чувствительность злоупотребления жирной пищей к доходам выше в сельской местности, чем в городской. А именно, в сельской местности повышение доходов домохозяйств на одну ступень повышает склонность женщин к злоупотреблению жирами почти на 6%, а мужчин – на 5,1%, а в городской – женщин почти на 3,7%, а мужчин – почти на 3,1%. Это отражает сравнительно более благоприятную картину для жителей крупных городов, поскольку такой результат может говорить в пользу как в среднем более высокой экономической доступности продуктов питания для городских жителей по сравнению с сельскими, так и в пользу того, что различия в экономической доступности продуктов питания между более и менее образованным населением в городе становятся менее выраженными по мере роста города. Подобного не скажешь о жителях сельской местности, в которой для обоих полов различия в злоупотреблении жирной пищи между более и менее образованными предстают незначимыми по мере роста размера села. Возможно, здесь играет роль то, что социальные связи в городской местности проживания менее тесные, что подрывает образованным респондентам из города стимулы к потреблению товаров роскоши включая жирную пищу, с целью подчеркивания исключительно высокого социального статуса. Не исключено также и объяснение через описанную ранее теорию «диффузии инноваций»: то есть, полученные результаты могут указывать на то, что в России жители более крупных городов в большей мере успели пройти фазу, на которой демонстративное потребление (в том числе жирной пищей) является проявлением социального успеха, в то время как для сел и меньших по размеру городов эта идея не сбавляет актуальности.

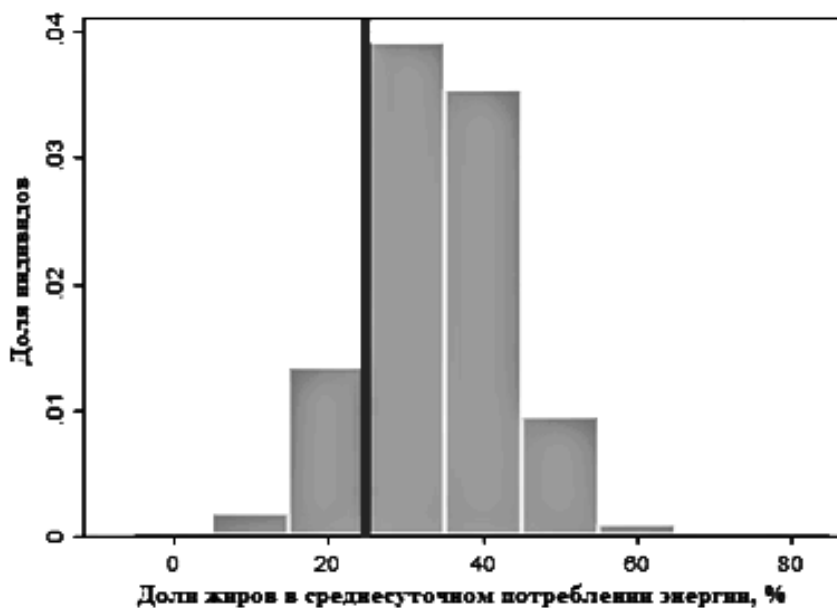
Любопытен также результат, что в сельской местности женщины с разным уровнем образования и в разных по размеру селах не различаются между собой степенью склонности к злоупотреблению жирной пищи. Однако эти же различия значимо проявляются для мужчин, среди которых как живущие в более крупных селах, так и более образованные потребляют больше жирной пищи. Это может косвенно свидетельствовать в пользу того, что в сельской местности больше распространено традиционное представление о гендерных моделях поведения.

Модели демонстрируют достаточно высокий уровень точности, верно предсказывая от 80 до 90% исходов.

Проверка результатов на устойчивость

Результаты были подвергнуты проверке на устойчивость через построение аналогичных пробит-моделей бинарного выбора и МНК-моделей, через построение моделей с использованием индикатора наличия детей вместо их количества, а также через построение моделей с альтернативными индикаторами качества жизни населения на микроуровне вместо макроуровня (на основе самооценки доходов и денежного дохода на члена домохозяйства). Также результаты были подвергнуты проверке на устойчивость при помощи построения аналогичных моделей на данных второй волны ВНРП за 2018 г. Во всех моделях с незначительными различиями в величинах и уровнях значимости предельных эффектов воспроизводятся все полученные ранее результаты⁸.

Другим способом проверки результата на устойчивость может быть построение модели с альтернативным правилом определения нарушения питания. Гистограмма распределения (см. рис. 1) показывает наличие плотной концентрации индивидов, потребляющих жиры выше нормы вблизи 30%.

Источник: построено автором в программном пакете Stata 14.2.

Рис. 1. Гистограмма распределения индивидов по интервалам доли жиров в общем объеме потребления энергии.

⁸ В приложении к данной статье три таблицы с результатами логит-моделей бинарного выбора с индикатором наличия детей; пробит-моделей и МНК-моделей с параметром количества детей (см. приложение, табл. 1–3).

По рекомендации ВОЗ [35], структура потребления должна быть устроена так, чтобы жиры составляли не больше 30% от общего объёма потребления энергии. Этой рекомендации следует только чуть больше 15% респондентов. При этом наибольший процент респондентов (39%) сконцентрирован в интервале от 30 до 40% доли жира в энергии, что не выглядит существенным отклонением от нормы ВОЗ.

В связи с этим представленная выше гистограмма подталкивает нас к перепроверке результатов модели, где зависимой переменной будет выступать также бинарный индикатор нарушения нормы потребления жиров, но с пересмотренными границами нормы в сторону более высокого порога. Проверим результаты модели последовательно при помощи установления пороговых значений в 35 и 40% жиров в общем объеме потребления энергии в день. В новых моделях с 35%-ным порогом (см. табл. 5) воспроизводятся полученные ранее результаты для городских жителей обоих полов по части большего злоупотребления жирами более образованными респондентами и жителями более крупных городов, а также более узкого разрыва в злоупотреблении насыщенными жирами продукцией между людьми с разным уровнем образования в более крупных городах. Однако проявляются и слабо заметные свидетельства (на 10%-ном уровне значимости) наличия сокращения этого разрыва для мужчин, проживающих в сельской местности, а также более сильного злоупотребления жиросодержащей продукцией женщинами, проживающими в сельской местности.

В новой модели (см. табл. 5), как и прежде, различия в злоупотреблении жирной пищей между женщинами с высшим образованием и женщинами без высшего образования становятся менее выраженными по мере роста размера городов. Однако изменение порога определения нездорового питания до 40% повлекло за собой потерю значимых различий в аналогичном разрыве для городских мужчин. Обращает также на себя внимание исчезновение значимого разрыва для сельских мужчин, который также не наблюдался в модели с порогом в 30% жира в общем объеме среднесуточного потребления энергии, но проявился в модели с 35%-ным порогом. Формально этот результат означает, что если мы определяем неумеренное потребление жирной пищи через ее содержание в общем объеме энергии на уровне выше 35%, то теперь не только в городской, но и в сельской местности мужчины в более крупных поселениях, получая более высокое образование, начинают потреблять жирную пищу все же не так интенсивно, как в более мелких городах⁹. То есть, что более

⁹ Возможно, такой результат получился в силу того, что почти пятая часть мужской сельской подвыборки потребляет жиров больше 30%, но меньше 35% от общего

Таблица 5

Средние предельные эффекты логит-моделей бинарного выбора злоупотребления жирной пищей. Зависимая переменная – индикатор нарушения нормы среднесуточного потребления жиров (выше 35% в общем объеме энергии)

	Модель 1: женщины, город	Модель 2: мужчины, город	Модель 3: женщины, село	Модель 4: мужчины, село
Численность населения	0,0106*** (0,0012)	0,0144*** (0,0013)	-0,0027 (0,0041)	0,0058 (0,0044)
Высшее образование (1 – есть, 0 – нет)	0,0529*** (0,0084)	0,0513*** (0,0094)	0,0586* (0,0286)	0,1030*** (0,0323)
Численность населения * Высшее образование	-0,0099*** (0,0021)	-0,0087*** (0,0024)	-0,0007 (0,0096)	-0,0225* (0,0115)
Женат/замужем (1 – да, 0 – нет)	0,0163*** (0,0040)	0,0183*** (0,0056)	0,0124** (0,0071)	0,0438*** (0,0099)
Количество детей в домохозяйстве	-0,0011 (0,0045)	-0,0131*** (0,0050)	-0,0312*** (0,0081)	-0,0482*** (0,0090)
Самооценка доходов	0,0533*** (0,0023)	0,0507*** (0,0025)	0,0657*** (0,0041)	0,0615*** (0,0043)
Возраст (в годах)	0,0071*** (0,0006)	0,0091*** (0,0007)	0,0093*** (0,0011)	0,0089*** (0,0012)
Квадрат возраста	-0,0001*** (0,0000)	-0,0002*** (0,0000)	-0,0002*** (0,0000)	-0,0001*** (0,0000)
Число наблюдений	66079	46424	24939	18852
Доля корректно предсказанных исходов, %	70,63	74,20	64,57	63,46

объема пищи, и после того, как мы переопределили эту часть подвыборки в число тех, кто потребляет жиры умеренно, поменялись пропорции более и менее образованных, живущих в крупных и мелких селах, а также потребляющих жиры больше и меньше нормы таким образом, что эффект сокращения склонности к злоупотреблению жирной пищей у более образованных индивидов по мере роста размера села стал значимым на 10%-ном уровне. Однако тот факт, что при пересмотренном пороговом уровне жиров в общем объеме питания до 35% качество моделей в терминах доли корректно предсказанных исходов сократилось в среднем на 10–15%-ных пунктов, говорит о том, что результаты первоначальных моделей больше заслуживают доверия.

образованные мужчины в равной мере сильнее злоупотребляют жирами по сравнению с менее образованными как в более крупных, так и в более мелких селах. Аналогичное снижение точности работы моделей наблюдается и при использовании порогового уровня потребления жиров в 40% (см. табл. 6).

Из табл. 6 следует, что в сельской местности склонность злоупотреблять жирной пищей для обоих полов не зависит от размера поселения, однако опять же заметно выше у людей с высшим образованием (также безотносительно пола респондента). Этот результат может указывать на то, что в городе более быстрый ритм жизни и более тесная концентрация заведений общественного питания (которые усиливаются по мере роста размера города) могут подталкивать городских жителей к более высокому уровню потребления жирной пищи, чего не наблюдается в селах.

Таблица 6

Средние предельные эффекты логит-моделей бинарного выбора злоупотребления жирной пищей. Зависимая переменная – индикатор нарушения нормы среднесуточного потребления жиров (выше 40% в общем объеме энергии)

	Модель 1: женщины, город	Модель 2: мужчины, город	Модель 3: женщины, село	Модель 4: мужчины, село
Численность населения	0,0107*** (0,0014)	0,0127*** (0,0016)	-0,0037 (0,0042)	0,0035 (0,0046)
Высшее образование (1 – есть, 0 – нет)	0,0512*** (0,0092)	0,0316*** (0,0111)	0,0586** (0,0285)	0,1005*** (0,0355)
Численность населения * Высшее образование	-0,0102*** (0,0022)	-0,0029 (0,0027)	-0,0032 (0,0090)	-0,0174 (0,0111)
Женат/замужем (1 – да, 0 – нет)	0,0103** (0,0043)	0,0139** (0,0064)	0,0136** (0,0069)	0,0539*** (0,0096)
Количество детей в домохозяйстве	-0,0052 (0,0047)	-0,0185*** (0,0057)	-0,0396*** (0,0077)	-0,0594*** (0,0088)
Самооценка доходов	0,0498*** (0,0024)	0,0535*** (0,0028)	0,0530*** (0,0038)	0,0576*** (0,0042)
Возраст (в годах)	0,0113*** (0,0007)	0,0132*** (0,0009)	0,0100*** (0,0011)	0,0105*** (0,0013)
Квадрат возраста	-0,0002*** (0,0000)	-0,0002*** (0,0000)	-0,0002*** (0,0000)	-0,0001*** (0,0000)
Число наблюдений	66079	46424	24939	18852
Доля корректно пред- сказанных исходов, %	60,45	57,29	62,24	61,45

С другой стороны, заметно выраженное падение предсказательной силы моделей с повышением пороговой доли жира в энергии в моделях: если в первых моделях верно предсказывалось от 80 до 90% всех исходов, то по мере повышения порога жира с 30 до 40% доля корректно предсказанных исходов сократилась вплоть до колебаний вблизи 60%. Это означает, что результаты последних моделей заслуживают доверия немногим больше, чем если бы мы определяли, будет ли респондент с определенным набором характеристик злоупотреблять жирной пищей или нет, при помощи простого броска монеты.

Это дает нам основание судить о том, что сокращение разрыва в злоупотреблении жирной пищей между людьми с высшим образованием и без него по мере роста размера населенного пункта характерно скорее для городских жителей, чем для сельских. По-видимому, в более крупных городах распределение экономически доступных продуктов питания является в большей степени равномерным, чем в более мелких, чего не скажешь о селах разного размера. Или же в городах по мере роста их размера сокращается теснота социальных связей, что, в свою очередь сокращает стимулы к демонстративному потреблению (включая жиросодержащие продукты питания, которые могут подчеркнуть их высокий социальный статус), чего не наблюдается в селах. Возможно также, что жители более крупных городов дольше находились под влиянием идеи, что демонстративное потребление (включая жирную пищу) является признаком социального успеха, что ее актуальность в большей мере ослабла для них по сравнению с жителями сел и более мелких городов.

Также на основе сравнения предсказательной силы моделей мы можем судить о том, что в сельских домохозяйствах все же выражена роль патриархальных установок, из-за которых большее злоупотребление жиросодержащими продуктами жителями более крупных сел и респондентами с высшим образованием касается скорее мужчин, в то время как для сельских женщин склонность к чрезмерному употреблению жирной пищи не сильно зависит от того, в каком по размеру селе они живут и имеют ли они высшее образование.

Выводы и дискуссия

Несмотря на некоторую степень чувствительности результатов к выбору порогового значения доли жиров в общем среднесуточном потреблении энергии, начиная с которого потребление жиров считается нездоровым (мы перебрали уровни в 30%, 35% и 40% жира в энергии), в нашей работе преимущественно подтвердилась гипотеза о том, что с ростом качества жизни места, в котором проживает респондент, разрыв в рационах питания между людьми с высшим образованием

и людьми без высшего образования в части склонности к переяданию жирной пищи сглаживается. В основном полученный результат распространяется на жителей городской местности. Это означает, что значимым условием для повышения рациональности питания людей с целью последующей минимизации уровня заболеваемости и смертности от алиментарно-зависимых заболеваний является повышение качества жизни их мест проживания.

Для выдвижения более точечных рекомендаций требуется дополнительное исследование. В частности, как следует из обзора исследований в области поведенческой экономики, решение в пользу жиронасыщенного рациона вместо более здоровой пищи может быть более предпочтительным для индивидов с точки зрения индивидуальных выгод (демонстративное потребление, «капитал вредной привычки», достижение максимума полезности при решении задачи межвременного выбора и пр.).

В то же время оптимум на индивидуальном уровне может расходиться с общественным оптимумом в силу того, что нездоровое питание (в частности, злоупотребление насыщенными жирами) может вызывать экономические потери, как прямые (издержки на медицинскую помощь), так и косвенные (в частности, потери работодателя и государства, связанные с абсентеизмом, снижением производительности труда, ранним выходом на пенсию и преждевременной смертностью). По мнению автора, добиться баланса между индивидуальными и общественными выгодами в области выбора рациона питания можно путем разработки рекомендаций, которые, с одной стороны, давали бы индивидам полезность на уровне не меньшем, чем вариант статус-кво (злоупотребление насыщенными жирами), а с другой, – по стоимости были бы ниже величины общественных потерь от нездорового питания.

В частности, как это может следовать из теории Ф. Пампеля, более эффективным, чем простая пропаганда здорового образа жизни, может быть распространение в индивидуальной среде суждения, что «здоровый образ жизни суть социальный успех» (чтобы создать у индивидов стимулы к демонстративному потреблению уже не жиронасыщенной пищи, а овощей, фруктов и продуктов, богатых клетчаткой). Возможным способом создания такого суждения среди населения может быть, например, органичное вплетение в характеры персонажей в отечественной кино- и сериальной индустрии склонность к потреблению здоровой пищи как идею-фикс с целью вызвать у зрителя желание последовать примеру этих персонажей.

К иным способам стимулирования здорового питания можно отнести просвещение населения о культуре питания путем активного введения темы питания еще в школьные программы, а также повышение

прозрачности пищевого состава продуктов питания для населения (например, путем подталкивания производителей к использованию маркировки «светофор» через предоставление им субсидий или льготных кредитов на ведение бизнеса в случае их подключения к проекту). Или же использовать схемы субсидирования агропроизводителей, предполагающие продажу овощей и фруктов населению по льготной цене (с целью повышения экономической доступности овощей и фруктов для населения) с возмещением разницы производителям.

Для тщательного расчета стоимости экономических стимулов здорового питания исходя из величины экономических потерь от избыточного потребления жирной пищи требуется дополнительное исследование, которое на данном этапе не представляется возможным в силу ненадлежащего качества данных. В частности, подход, связанный с построением популяционно-атрибутивных фракций (ПАФ) (долей неблагоприятных исходов, в частности, случаев ишемической болезни сердца, относимых на злоупотребление жирной пищей), осложнен двумя обстоятельствами: 1) для его осуществления желательны лонгитюдные данные (чтобы отразить лагированную реакцию заболевания на плохое питание), которые доступны только в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за период с 2000 по 2005 гг., 2) при попытке его осуществления на данных разных волн с 2000 по 2010 гг. (с учетом того, что при злоупотреблении жирной пищей неблагоприятные исходы для здоровья могут происходить не мгновенно, а с пятилетним лагом [36]) происходит слишком большой разброс значений ПАФ, включая отрицательные, что говорит в пользу ненадежности такой методики для оценки экономических потерь от злоупотребления жирной пищей.

Оценка потерь рабочего времени по причине злоупотребления жирной пищей также лишена содержательного основания: такой подход применяется по отношению к оценке потерь рабочего времени от ожирения или лишнего веса, однако в случае с ожирением абсентеизм может быть подкреплён социальной стигматизацией или наличием трудностей при передвижении, что вряд ли имеет место в случае со злоупотреблением жирной пищей.

С технической стороны, на данных ВНРП-2013 также наблюдается результат, говорящий в пользу непригодности этого подхода для целей оценки экономических потерь: среднее число отработанных часов в неделю в подгруппе индивидов, злоупотребляющих жирами, выше, нежели в подгруппе тех, кто потребляет жиры в меру.

В то же время, проведенная работа не свободна от отдельных ограничений. В частности, склонность к злоупотреблению жирами как составная часть рациона питания людей, – достаточно сложный объект, подверженный влиянию большого числа подчас ненаблюдаемых

факторов, что может приводить к риску смещения оценок из-за пропуска существенных переменных. Сам по себе показатель доли потребления насыщенных жиров в энергии может также быть подвержен ошибкам измерения из-за ошибок респондентов в оценивании энергетической ценности блюд, или же эффекта «социальной желательности» (фальсификации информации о потреблённой пище из-за желания казаться лучше перед интервьюером, например, занижению объемов потребления жирной пищи, которая может считаться вредной). Кроме того, как в ВНРП-2013, так и в ВНРП-2018, к сожалению, отсутствуют переменные, отвечающие требованиям экзогенности и релевантности (валидности) для уровня образования и численности населения мест проживания респондентов, что не дает нам возможности применить инструментальный подход, чтобы с максимальной надежностью утверждать, что полученные результаты не подвержены эндогенности из-за двусторонней причинно-следственной связи.

Также, безусловно, упомянутый выше пространственный (а не панельный) характер данных накладывает определенные ограничения на проведенный анализ. В частности, если бы ВНРП носило лонгитюдный характер, это могло бы дать нам возможность проследить историю «жизни» домохозяйств в динамике, в том числе, меняются ли привычки питания одного и того же индивида под влиянием изменения его благосостояния, уровня образования, места проживания, и если да, то в какой степени, что могло бы позволить нам более уверенно рассуждать о полученных результатах. В силу вышесказанного, за неимением более надежных данных мы вынуждены мириться с несовершенством информационной базы исследования.

Наконец, проведенное исследование лишь дает ответ на вопрос, как можно сгладить пагубное пристрастие людей с высшим образованием к жирной пище. Причины «загадки» положительной взаимосвязи образования со склонностью к злоупотреблению жирами, как и прежде, остаются нераскрытыми. В связи с этим, возможным дальнейшим направлением развития работы могут быть шаги в сторону исследования этой связи. В частности, изучить, есть ли различия в интенсивности труда и распространенности стрессовых ситуаций между людьми, имеющими и не имеющими высшее образование, в России. Возможно, у людей с высшим образованием режим работы в среднем отличается более высокими нагрузками, что снижает частоту и регулярность их приемов пищи и в большей степени вынуждает их перекусывать на бегу, нежели у людей без высшего образования. Проверка этой гипотезы выходит за рамки проведенного исследования, но она интересна для будущих исследований и могла бы приблизить нас к разгадке контринтуитивной взаимосвязи образования со злоупотреблением жирной пищей, наблюдаемой на российских данных.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

**Средние предельные эффекты логит-моделей
бинарного выбора злоупотребления жирной пищей.
Модели с переменной наличия детей. Зависимая переменная –
индикатор нарушения нормы среднесуточного потребления жиров
(выше 30% в общем объеме энергии)**

	Модель 1: женщины, город	Модель 2: мужчины, город	Модель 3: женщины, село	Модель 4: мужчины, село
Численность населения	0,0080*** (0,0008)	0,0084*** (0,0008)	-0,0020 (0,0032)	0,0076** (0,0033)
Высшее образование (1 – есть, 0 – нет)	0,0320*** (0,0061)	0,0222*** (0,0060)	0,0275 (0,0239)	0,0479** (0,0243)
Численность населения * Высшее образование	-0,0049*** (0,0016)	-0,0041** (0,0016)	0,0024 (0,0083)	-0,0076 (0,0093)
Женат/замужем (1 – да, 0 – нет)	0,0139*** (0,0029)	0,0191*** (0,0037)	0,0200*** (0,0057)	0,0249*** (0,0077)
Наличие детей в домохозяйстве	-0,0046 (0,0033)	-0,0063* (0,0033)	-0,0227*** (0,0067)	-0,0183*** (0,0069)
Самооценка доходов	0,0370*** (0,0017)	0,0311*** (0,0016)	0,0613*** (0,0034)	0,0527*** (0,0036)
Возраст (в годах)	0,0031*** (0,0004)	0,0033*** (0,0004)	0,0053*** (0,0008)	0,0055*** (0,0009)
Квадрат возраста	-0,0001*** (0,0000)	-0,0001*** (0,0000)	-0,0001*** (0,0000)	-0,0001*** (0,0000)
Число наблюдений	66079	46424	24939	18852
Доля корректно предска- занных исходов, %	84,73	89,49	78,09	81,83

Пробит-модели

Таблица 2

**Средние предельные эффекты пробит-моделей
бинарного выбора злоупотребления жирной пищей.
Зависимая переменная – индикатор нарушения нормы
среднесуточного потребления жиров
(выше 30% в общем объеме энергии)**

	Модель 1: женщины, город	Модель 2: мужчины, город	Модель 3: женщины, село	Модель 4: мужчины, село
Численность населения	0,0084*** (0,0009)	0,0087*** (0,0009)	-0,0017 (0,0033)	0,0082** (0,0034)
Высшее образование (1 – есть, 0 – нет)	0,0336*** (0,0062)	0,0229*** (0,0062)	0,0250 (0,0238)	0,0482* (0,0246)
Численность населения * Высшее образование	-0,0058*** (0,0016)	-0,0047*** (0,0016)	0,0017 (0,0081)	-0,0080 (0,0091)
Женат/замужем (1 – да, 0 – нет)	0,0152*** (0,0029)	0,0222*** (0,0038)	0,0236*** (0,0058)	0,0343*** (0,0077)
Количество детей в домохозяйстве	-0,0058*** (0,0021)	-0,0084*** (0,0033)	-0,0248*** (0,0031)	-0,0216*** (0,0031)
Самооценка доходов	0,0367*** (0,0017)	0,0308*** (0,0017)	0,0590*** (0,0034)	0,0499*** (0,0035)
Возраст (в годах)	0,0038*** (0,0004)	0,0037*** (0,0005)	0,0051*** (0,0008)	0,0051*** (0,0009)
Квадрат возраста	-0,0001*** (0,0000)	-0,0001*** (0,0000)	-0,0001*** (0,0000)	-0,0001*** (0,0000)
Число наблюдений	66079	46424	24939	18852
Доля корректно предска- занных исходов, %	84,73	89,51	78,08	81,83

МНК-модели

Таблица 3

**Коэффициенты МНК-модели злоупотребления
жирной пищей. Зависимая переменная – индикатор нарушения
нормы среднесуточного потребления жиров
(выше 30% в общем объеме энергии)**

	Модель 1: женщины, город	Модель 2: мужчины, город	Модель 3: женщины, село	Модель 4: мужчины, село
Численность населения	0,0094*** (0,0010)	0,0096*** (0,0009)	-0,0020 (0,0033)	0,0081** (0,0035)
Высшее образование (1 – есть, 0 – нет)	0,0370*** (0,0060)	0,0295*** (0,0065)	0,0166 (0,0202)	0,0454* (0,0238)
Численность населения * Высшее образование	-0,0073*** (0,0014)	-0,0064*** (0,0015)	0,0026 (0,0066)	-0,0073 (0,0077)
Женат/замужем (1 – да, 0 – нет)	0,0146*** (0,0029)	0,0241*** (0,0040)	0,0231*** (0,0056)	0,0365*** (0,0078)
Количество детей в домохозяйстве	-0,0071*** (0,0020)	-0,0106*** (0,0021)	-0,0250*** (0,0031)	-0,0231*** (0,0034)
Самооценка доходов	0,0357*** (0,0017)	0,0315*** (0,0017)	0,0558*** (0,0031)	0,0490*** (0,0034)
Возраст (в годах)	0,0067*** (0,0004)	0,0056*** (0,0006)	0,0070*** (0,0008)	0,0058*** (0,0010)
Квадрат возраста	-0,0001*** (0,0000)	-0,0001*** (0,0000)	-0,0001*** (0,0000)	-0,0001*** (0,0000)
Число наблюдений	66079	46424	24939	18852
R ²	0,0638	0,0358	0,0674	0,0299

ЛИТЕРАТУРА

1. *Перова Н.В. и др.* Пищевые жирные кислоты. Влияние на риск болезней системы кровообращения // Рациональная фармакотерапия в кардиологии. 2011. Т. 7. № 5.
2. *Кобелькова И.В. и др.* Режим питания в сохранении здоровья работающего населения // Вопросы питания. 2017. Т. 86. № 5. С. 17–21.
3. *Еганян Р. А.* Значение жирового компонента рациона в профилактике ишемической болезни сердца // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2014. Т. 13. № 1.
4. *Kopelman P. G.* Obesity as a medical problem // Nature. 2000. V. 404. № 6778. С. 635–643.

5. Bray G.A. Medical consequences of obesity // *The Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism*. 2004. V. 89. № 6. С. 2583–2589.
6. Lin W.Y., et al. Body mass index and all-cause mortality in a large Chinese cohort // *CMAJ*. 2011. V. 183. № 6. С. E329–E336.
7. Погожева А.В. и др. Роль консультативно-диагностических центров «Здоровое питание» в диагностике и алиментарной профилактике неинфекционных заболеваний // *Вопросы питания*. 2014. Т. 83. № 6.
8. Погожева А.В. и др. Разработка системы диагностики и алиментарной профилактики неинфекционных заболеваний // *Альманах клинической медицины*. 2015. № S1.
9. Мартинчик А.Н. и др. Разработка и оценка достоверности базового индекса здорового питания населения России // *Вопросы питания*. 2019. Т. 88. № 6.
10. Сметнева Н.С. и др. Роль оптимального питания в профилактике сердечно-сосудистых заболеваний // *Вопросы питания*. 2020. Т. 89. № 3.
11. Всемирная Организация Здравоохранения. Ожирение и избыточный вес. 2020. <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight> (дата обращения: 03.08.2021).
12. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб. / Росстат. Р76. М. 2020. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/KrPEshqr/year_2020.pdf (дата обращения: 28.10.19).
13. Путин В. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года // *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. 2007. <https://docs.cntd.ru/document/902064587> (дата обращения: 03.08.2021).
14. Philipson T.J., Posner R.A. The long-run growth in obesity as a function of technological change // *Perspectives in Biology and Medicine*. 2003. V. 46. № 3. С. 87–107.
15. Lakdawalla D., Philipson T. The growth of obesity and technological change // *Economics & Human Biology*. 2009. V. 7. № 3. С. 283–293.
16. Burke M.A., Heiland F. Social dynamics of obesity // *Economic Inquiry*. 2007. V. 45. № 3. С. 571–591.
17. Becker G.S., Murphy K.M. A theory of rational addiction // *Journal of political Economy*. 1988. V. 96. № 4. С. 675–700.
18. Laibson D. A cue-theory of consumption // *The Quarterly Journal of Economics*. 2001. Т. 116. № 1. С. 81–119.
19. Thaler R. Some empirical evidence on dynamic inconsistency // *Economics letters*. 1981. V. 8. № 3. С. 201–207.
20. Ainslie G., Haslam N. Hyperbolic discounting // *Choice over time*. 1992. С. 57–92.
21. Laibson D. Golden eggs and hyperbolic discounting // *The Quarterly Journal of Economics*. 1997. V. 112. № 2. С. 443–478.
22. O'Donoghue T., Rabin M. Doing it now or later // *American Economic Review*. 1999. Т. 89. № 1. С. 103–124.
23. Diamond P., Köszegi B. Quasi-hyperbolic discounting and retirement // *Journal of Public Economics*. 2003. V. 87. № 9–10. С. 1839–1872.
24. Rubinstein A. Economics and psychology? The case of hyperbolic discounting // *International Economic Review*. 2003. V. 44. № 4. С. 1207–1216.
25. Popkin B.M. The nutrition transition in low-income countries: an emerging crisis // *Nutrition reviews*. 1994. V. 52. № 9. С. 285–298.

26. *Drewnowski A., Popkin B. M.* The nutrition transition: new trends in the global diet // Nutrition reviews. 1997. V. 55. № 2. С. 31–43.
27. *Popkin B. M.* Urbanization, lifestyle changes and the nutrition transition // World development. 1999. V. 27. №11. С. 1905–1916.
28. *Popkin B.M.* The nutrition transition and obesity in the developing world // The Journal of nutrition. 2001. V. 131. № 3. С. 871S–873S.
29. *Drewnowski A., Specter S. E.* Poverty and obesity: the role of energy density and energy costs // The American journal of clinical nutrition. 2004. V. 79. № 1. С. 6–16.
30. *Devaux M. et al.* Exploring the relationship between education and obesity // OECD Journal: Economic Studies. 2011. № 1. С. 1–40.
31. *Leibenstein H.* Bandwagon, snob, and Veblen effects in the theory of consumers' demand // The quarterly journal of economics. 1950. V. 64. №2. С. 183–207.
32. *Veblen T.* The theory of the leisure class // New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1994. (1899).
33. *Родионова Л.А., Копнова Е.Д.* Статистический анализ характеристик рационального питания населения России // Вопросы статистики. 2017. № 7. С. 28–40.
34. *Pampel F.C.* Diffusion, cohort change, and social patterns of smoking // Social science research. 2005. V. 34. № 1. С. 117–139.
35. Всемирная Организация Здравоохранения // Здоровое питание, 2018. <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/healthy-diet> (дата обращения: 03.08.2021).
36. *Weyer C. et al.* Determinants of energy expenditure and fuel utilization in man: effects of body composition, age, sex, ethnicity and glucose tolerance in 916 subjects // International journal of obesity. 1999. V. 23. № 7. С. 715–722.

REFERENCES

1. *Perova N.V., Metel'skaya V.A., Sokolov E.I., Shchukina G.N., Fomina V.M.* (2011). Dietary fatty acids. Effects on the risk of cardiovascular diseases // Rational Pharmacotherapy in Cardiology. 2011. V. 7. № 5. (In Russ.).
2. *Kobelkova I.V., Martinchik A.N., Kudryavtseva K.V., Baturin A.K.* Diet pattern and health of working people // Voprosy pitaniia [Problems of Nutrition]. 2017. T. 86. № 5. С. 17–21. (In Russ.).
3. *Eganian R.A.* Dietary lipids and coronary heart disease prevention // Cardiovascular Therapy and Prevention. 2014. T. 13. № 1. (In Russ.).
4. *Kopelman, P.G.* Obesity as a medical problem // Nature. 2000. T. 404. № 6778. P. 635–643.
5. *Bray G.A.* Medical consequences of obesity // The Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism. 2004. T. 89. № 6. P. 2583–2589.
6. *Lin W.Y., Tsai S. L., Albu J.B., Lin C.C., Li T.C., Pi-Sunyer F.X., ... Huang K.C.* Body mass index and all-cause mortality in a large Chinese cohort // CMAJ. 2011. V. 183. №6. P. E329–E336.
7. *Pogozheva A.V., Sorokina E.Yu., Baturin A.K., Peskova E.V., Makurina O.N., Levin L.G., Soto S.Kh., Aristarkhova T.V., Korosteleva M.M., Denisova N.N., Solntseva T.N., Aleshina I.V., Toboleva M.A., Redzyuk L.A., Polyakova A.V.* The role of the Consultative and Diagnostic Centre «Healthy Nutrition» in the diagnosis and nutritional prevention of non-communicable diseases // Voprosy pitaniia [Problems of Nutrition]. 2014. V. 3. № 6. (In Russ.).

8. *Pogozheva A.V., Sorokina E.Yu., Baturin A.K., Peskova E.V., Makurina O.N., Levin L.G., Aristarkhova T.V., Korosteleva M.M., Denisova N.N., Solntseva T.N., Aleshina I.V., Toboleva M.A.* The development of diagnostics and alimentary prevention system of non-communicable diseases // *Almanac of Clinical Medicine*. 2015. № S1.
9. *Martinchik A.N., Baturin A.K., Mikhaylov N.A., Keshabyants E.E., Kambarov A.O.* Development and assessment of the reliability of the basic healthy eating index for the Russian population // *Voprosy pitaniia [Problems of Nutrition]*. 2019. V. 88. № 6. P. 34–44. doi: 10.24411/0042-8833-2019-10062 (accessed on: 08.09.21). (In Russ.).
10. *Smetneva N.S., Pogozheva A.V., Vasil'ev Yu. L., Dydykin S.S., Dydykina I.S., Kovalenko A.A.* The role of optimal nutrition in the prevention of cardiovascular diseases // *Voprosy pitaniia [Problems of Nutrition]*. 2020. V. 89. № 3. P. 114–24. DOI: 10.24411/0042-8833-2020-10035 (accessed on: 08.09.21).
11. World Health Organization. Obesity and overweight. 2020. <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight> (accessed on: 03.08.2021). (In Russ.).
12. Russian Statistical Yearbook 2020: Stat.book/Rosstat. R76. M., 2020. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/KrPEshqr/year_2020.pdf (accessed on: 28.10.19). (In Russ.)
13. *Putin V.* On the approval of the Concept of the Demographic Policy of the Russian Federation for the period until 2025 // *Electronic fund of legal and normative and technical information*. 2007. <https://docs.cntd.ru/document/902064587> (accessed on: 03.08.2021). (In Russ.)
14. *Philipson T.J., Posner R.A.* The long-run growth in obesity as a function of technological change // *Perspectives in Biology and Medicine*. 2003. V. 46. № 3. P. 87–107.
15. *Lakdawalla D., Philipson T.* The growth of obesity and technological change // *Economics & Human Biology*. 2009. T. 7. № 3. P. 283–293.
16. *Burke M.A., Heiland F.* Social dynamics of obesity // *Economic Inquiry*. 2007. V. 45. № 3. P. 571–591.
17. *Becker G.S., Murphy K.M.* A theory of rational addiction // *Journal of political Economy*. 1988. V. 96. № 4. P. 675–700.
18. *Laibson D.* A cue-theory of consumption // *The Quarterly Journal of Economics*. 2001. 116(1):81–119.
19. *Thaler R.* Some empirical evidence on dynamic inconsistency. // *Economics letters*. 1981. T. 8. № 3. C. 201–207.
20. *Ainslie G., Haslam N.* Hyperbolic discounting // *Choice over time*. 1992. Pp. 57–92.
21. *Laibson D.* Golden eggs and hyperbolic discounting // *The Quarterly Journal of Economics*. 1997. V. 112. № 2. Pp. 443–478.
22. *O'Donoghue T., Rabin M.* Doing it now or later // *American Economic Review*. 1999. T. 89. № 1. Pp. 103–124.
23. *Diamond P., Köszegi B.* Quasi-hyperbolic discounting and retirement // *Journal of Public Economics*. 2003. V. 87. № 9–10. Pp. 1839–1872.
24. *Rubinstein A.* Economics and psychology? The case of hyperbolic discounting // *International Economic Review*. 2003. V. 44. № 4. Pp. 1207–1216.
25. *Popkin B.M.* The nutrition transition in low-income countries: an emerging crisis // *Nutrition reviews*. 1994. V. 52. № 9. Pp. 285–298.
26. *Drewnowski A., Popkin B. M.* The nutrition transition: new trends in the global diet // *Nutrition reviews*. 1997. № 55. № 2. Pp. 31–43.
27. *Popkin B.M.* Urbanization, lifestyle changes and the nutrition transition // *World development*. 1999. V. 27. № 11. Pp. 1905–1916.

28. Popkin B.M. The nutrition transition and obesity in the developing world // The Journal of nutrition. 2001. V. 131. № 3. Pp. 871S–873S.
29. Drewnowski A., Specter S. E. Poverty and obesity: the role of energy density and energy costs // The American journal of clinical nutrition. 2004. V. 79. № 1. P. 6–16.
30. Devaux M. et al. Exploring the relationship between education and obesity // OECD Journal: Economic Studies. 2011. №1. Pp. 1–40.
31. Leibenstein H. Bandwagon, snob, and Veblen effects in the theory of consumers' demand // The quarterly journal of economics. 1950. V. 64. № 2. Pp. 183–207.
32. Veblen T. The theory of the leisure class // New Brunswick, NJ: Transaction Publishers. 1994. (1899). (In Russ.)
33. Rodionova L.A., Kopnova E.D. Statistical analysis of characteristics of balanced nutrition of population in Russia // Voprosy statistiki. 2017. № 7. P. 28–40. (In Russ.).
34. Pampel F.C. Diffusion, cohort change, and social patterns of smoking // Social science research. 2005. V. 34. № 1. P. 117–139. (In Russ.).
35. World Health Organization. Healthy diet. 2018. <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/healthy-diet> (accessed on: 03.08.2021).
36. Weyer C. et al. Determinants of energy expenditure and fuel utilization in man: effects of body composition, age, sex, ethnicity and glucose tolerance in 916 subjects // International journal of obesity. 1999. V. 23. № 7. Pp. 715–722.

ABOUT THE AUTHOR

Kolotusha Anton Vasilyevich – Post-graduate student of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
tony_kol@mail.ru

SEARCH FOR DIET DETERMINANTS AS A BASIS OF HUMAN HEALTH: EDUCATIONAL ASPECT

This work is aimed at finding determinants of the diet as the basis of human health, which is one of the most important factors in the reproduction of human capital. The work is aimed at studying one of the elements of the human diet – the consumption of fats. According to the data of selective observation of the diet of the population at the FSGS (ROSSTAT), based on a series of binary choice models, the following results were obtained: the gap between the indicators of the abuse of fatty foods by people with higher education and people without higher education, decreases with the size of cities of residence. However, as the size of the village grows, the gap between these categories of the surveyed people in their propensity to abuse fatty foods is not smoothed out. Such a result may argue in favor of a relatively even distribution of the economic affordability of food among all categories of the population in cities. Also, as a result of empirical research, it was confirmed that an increase in the propensity to abuse fats is related with an increase in the size of the city, but not the countryside, which may indicate a higher rhythm of life and a closer concentration of catering facilities in cities than in countryside.

Keywords: *spatial sampling, logit model, binary choice models, nutrition, health, education, education and economic development*

JEL: C21, C25, I12, I15, I25, J19.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М.И. ВОЕЙКОВ

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором политической
экономики ФГБУН Институт экономики РАН

Э.Н. СОБОЛЕВ

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

Г.В. АНИСИМОВА

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

СОЦИАЛЬНЫЙ ИМПЕРАТИВ Е.И. КАПУСТИНА И СОВРЕМЕННОСТЬ (к столетию со дня рождения)

В статье рассматриваются основные этапы научного творчества Е.И. Капустина как самобытного представителя российской экономической школы. По мнению авторов статьи, существенный вклад Е.И. Капустина в экономическую теорию состоял в разработке концепции социального императива, что означает необходимость разворота всей экономики к нуждам и потребностям человека. В своих последних работах Е.И. Капустин убедительно показал, что либеральные экономические реформы в России привели к существенному ухудшению качества жизни простого человека, что выражается в резком росте социально-экономического неравенства, бедности, в снижении доходов, ухудшении качества питания и здоровья большей части населения нашей страны.

Ключевые слова: *социальный императив, государственная политика, заработная плата, прожиточный минимум, доходы, качество жизни.*

JEL: A11, E24, I13.

DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_188_202.

Выдающийся российский ученый, общественный и государственный деятель Евгений Иванович Капустин родился 24 октября 1921 г. в селе Окорокowo Колязинского района Калининской области в семье рабочих. Учился Е.И. Капустин в московской средней школе, а после ее окончания поступил в 1939 г. на экономический факультет Института философии, литературы, искусства (ИФЛИ). Но уже в октябре 1939 г. он был призван в Красную армию.

Еще до начала Великой Отечественной войны в 1941 г. Капустина перевели в танковое училище в г. Борисов (Белоруссия), где его и застала война. Вся дальнейшая воинская служба Евгения Ивановича в основном была связана с танковыми частями. На войне он получил тяжелое ранение, последствия которого давали о себе знать всю жизнь¹.

После войны Е.И. Капустин поступил на экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, окончив который в 1949 г. с отличием, поступил в аспирантуру. Предметом его научных исследований стали проблемы распределительных отношений. В 1953 г. Е.И. Капустин защищает кандидатскую диссертацию на тему «Распределение по труду – экономический закон социализма», а в 1964 г. – докторскую диссертацию на тему «Качество труда и заработная плата». Этими вопросами он занимался всю последующую жизнь.

Трудовая деятельность Е.И. Капустина, кроме преподавания в МГУ имени М.В. Ломоносова, была связана еще с двумя организациями: с Государственным комитетом СССР по труду и социальным вопросам, включая НИИ труда, где он был директором (1965–1971 гг.), и с Институтом экономики АН СССР, где он проработал 34 года – с 1971 г. по 1986 г., когда он был директором, а затем до конца дней (2005 г.) – главным научным сотрудником².

Рассматривая научную деятельность Евгения Ивановича Капустина содержательно, т. е. направления его научного поиска, методы и подходы к решению тех или иных проблем, и даже сам дух, если можно так выразиться, его научной работы, можно обнаружить определенную тенденцию в его экономических исследованиях, традиционно свойственную российской школе экономической мысли. Именно российская школа во главу угла ставит общегосударственные интересы экономического развития, гармонизацию социальных, в том числе классовых отношений, нацеленность на обеспечение роста народного благосостояния, определение места человека в системе экономических отношений, развитие демократизации управления как экономикой в целом, так и отдельным предприятием, развитие отношений коллективизма. И этот круг проблем всегда находился в центре научных интересов Евгения Ивановича. И это не случайно.

¹ Подробнее об участии Е.И. Капустина в Великой Отечественной войне см.: *Маслова И.С.* Евгений Иванович Капустин. Видный ученый-экономист. // Фронтвики-ученые. К 70-летию Великой победы / Отв. ред. И.И. Орлик. М.: Институт экономики РАН, 2015.

² Подробнее см.: *Маслова И.С.* Капустин Евгений Иванович // Институт экономики Российской академии наук в лицах / Отв. ред. М.И. Воейков. СПб.: Алетейя, 2020. С. 129–152.

Уже почти два столетия среди представителей интеллектуальной среды России идет острый спор между западным и российским, самобытным направлениями социальной мысли. Западники считали и считают, что Россия должна пройти или повторить основные этапы западного курса экономического развития. Самобытники (к ним можно отнести славянофилов, евразийцев, современную народно-патриотическую оппозицию), напротив, полагают, что России совершенно необязательно полностью копировать западную историю, что у России есть свой, особый путь развития, что «Россия – не Америка». Не вдаваясь в анализ этих двух направлений отечественной социальной мысли, отметим, что есть резон в каждой точке зрения. Естественно, что все отечественные ученые, в т. ч. экономисты, придерживались той или иной тенденции. В советский период это не было очень заметно, ибо все были обязаны думать и смотреть одинаково. Но в реальности такой одинаковости не было – все думали и смотрели по-разному, в большей или меньшей мере склоняясь к какому-то одному из этих направлений.

Не вдаваясь в поиск ответа на вопрос о том, какого рода социализм был построен в нашей стране и был ли он построен вообще, отметим, что в социалистическом императиве официальной идеологии значительную долю занимали ценности самобытного пути развития России. Иначе говоря, превалировали экономические ценности не западного, не рыночного пути развития. Хотя в реальной хозяйственной жизни все было намного сложнее и запутанней, но в интеллектуальной или теоретической трактовке многих конкретных экономических проблем сталкивались именно эти два направления. Евгений Иванович в своих исследованиях занимал четкие позиции, оставаясь на стороне именно самобытного, самостоятельного пути развития нашей страны. Это хорошо видно на примере проводимого им исследования заработной платы в СССР и в западных странах. В западной литературе заработная плата исследовалась в основном в контексте рынка труда: обосновывались кривые спроса и предложения, изучалось влияние занятости и безработицы на заработную плату и т. п. В нашей стране исследования велись в иной плоскости: внимание сосредоточивалось на проблемах труда и заработной платы непосредственно в самом процессе производстве. Был создан (точнее, восстановлен) Институт труда, который занимался нормированием труда и его оплатой. Директором этого института, в лучшие годы его работы, был Евгений Иванович Капустин. Естественно, в тех условиях заработная плата не могла рассматриваться как рыночная категория, так как рынка труда, в его классическом виде, просто не существовало. Теперь, с изменением основ экономического строя, вновь возникает вопрос о предмете теории заработной платы.

Сегодня зарплата (цена труда) в значительной мере формируется *вне*, под воздействием рынка труда (здесь господствует свобода субъективного выбора и маржинализм). Но это не равносильно утверждению, что трудовая теория оплаты труда, как порой полагают, вообще не пригодна. Заработная плата формируется и *внутри* предприятия на основе нормирования труда (нормозатраты, в какой-то мере напрямую оценивающие стоимостные затраты), тем более, что опыт стран с развитой рыночной экономикой свидетельствует об органическом присутствии нормирования труда в деятельности современных фирм. На основе нормирования определяются зарплата и премии значительной части работников. Основными методами нормирования в производственных корпорациях США, Канады, Германии и других стран являются старый добрый хронометраж и использование различного рода микроэлементных нормативов. Особенно это касается того промышленного производства, которое переносится из развитых стран в менее развитые (Восточная Европа, Юго-Восточная Азия, да и Россия). Таким образом, современный подход к заработной плате предполагает не ограничиваться исследованием только рыночных закономерностей ее динамики, но с необходимостью включает также нормативно-производственный подход.

Однако с середины 1960-х годов у нас все больше начинают превалировать экономические авторитеты западного интеллектуального направления, которое полностью победило в конце 1980-х годов. Представители самобытного направления были вытеснены на обочину официальной экономической мысли, оказались в тени теоретиков рыночного фундаментализма. Одной из жертв этого процесса стал Евгений Иванович. Именно поэтому его вклад в отечественную экономическую науку до сих пор не оценен в полной мере.

Евгений Иванович как человек, ученый и гражданин заслуженно пользуется всеобщим уважением и авторитетом. Мы уже отмечали, в каких областях и в каком направлении развивалась его научная деятельность. Теперь же попытаемся выделить и оценить его личный вклад в экономическую теорию.

Основную проблему, над которой работал ученый, можно определить как социальный императив экономического развития. Социальные требования развития общества ставились в его работах на первое место и получали главенствующее значение: лишь то общество хорошее, считает Е.И. Капустин, где большинству людей живется хорошо. Все теоретические разработки и практические предложения Евгения Ивановича были направлены именно на обоснование этого положения. Ярким примером служит его большая теоретическая и практическая работа по переходу на пятидневную рабочую неделю, в результате которого люди получили два выходных дня. Являясь крупнейшим

специалистом по тарифной системе и нормативному хозяйству, Евгений Иванович разработал положение о недопустимости административного пересмотра трудовых норм. Постоянные пересмотры норм выработки в плановом хозяйстве, да и не только в нем, составляли крупнейшую проблему и были тормозом на пути повышения производительности труда. Рабочие были не заинтересованы в превышении норм, ибо они тем самым наказывали самих себя, ожидая очередного повышения норм выработки. Евгений Иванович предложил обновлять трудовые нормы только с введением новой технологии и новой техники, т. е., по существу, вводить новую норму. К сожалению, старый хозяйственный механизм это нововведение не воспринял.

В 1960-е годы Евгений Иванович активно занимался проблемой прожиточного минимума, его соотношения с минимальной заработной платой. Для определения величины прожиточного минимума использовалась методология подсчета минимального потребительского бюджета, который представлял собой скорее социально приемлемый минимум благосостояния, реально достигнутый на определенный момент времени, а не физиологический минимум для выживания. Его величина использовалась государственными органами как отправная точка для определения размеров минимума оплаты труда. В результате в советской системе установленная государством минимальная заработная плата в общем и целом выполняла свои функции, обеспечивая доступ хотя и к низкому, но социально приемлемому уровню потребления благ и услуг. Советский минимум оплаты труда превышал прожиточный минимум почти в 1,5 раза. Все это резко контрастирует с сегодняшним положением дел.

С начала процесса рыночных реформ динамика официальной минимальной заработной платы стала существенно отставать от роста цен на основные потребительские товары и услуги. На протяжении 1990-х годов этот норматив составлял не более 10–15% прожиточного минимума и лишь сравнительно недавно сравнялся с величиной прожиточного минимума. При этом по сравнению с советским периодом принципиально изменилась методология подсчета величины прожиточного минимума, который сегодня фактически обеспечивает лишь минимум для физического выживания, совершенно недостаточный для воспроизводства работника и не позволяющий ему стать полноценным социальным субъектом.

Для современной России характерна весьма негативная тенденция роста бедности. Как показывают данные официальной статистики (см. табл. 1), за 2012–2020 гг. численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума увеличилась. Если в 2012 г. в России насчитывалось 15,4 млн человек с доходами ниже прожиточного минимума, то в 2020 г. их число составило 17,8 млн.

Таблица 1

**Численность населения с доходами ниже величины
прожиточного минимума**

Годы	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума:		Величина прожиточного минимума (руб. в месяц; до 1998 г. – тыс. руб.)
	млн человек	в % от общей численности населения	
1992	49,3	33,5	1,9
1993	46,1	31,3	20,6
1994	32,9	22,4	86,6
1995	36,5	24,8	264,1
1996	32,5	22,1	369,4
1997	30,5	20,8	411,2
1998	34,3	23,4	493,3
1999	41,6	28,4	907,8
2000	42,3	29,0	1210
2001	40,0	27,5	1500
2002	35,6	24,6	1808
2003	29,3	20,3	2112
2004	25,2	17,6	2376
2005	25,4	17,8	3018
2006	21,6	15,2	3422
2007	18,8	13,3	3847
2008	19,0	13,4	4593
2009	18,4	13,0	5153
2010	17,7	12,5	5688
2011	17,9	12,7	6369
2012	15,4	10,7	6510
2013	15,5	10,8	7306
2014	16,1	11,2	8050
2015	19,1	13,3	9701
2018	18,4	12,6	10287
2019	18,1	12,3	10890
2020	17,8	12,1	11312

Источник: численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level; Россия в цифрах. 2021: Крат. стат. сб. / М.: Росстат. 2021. С. 56.

Можно привести еще одно интересное положение, развиваемое Е.И. Капустинным, которое не нашло применения в старой системе. Речь идет о его предложении отменить налоги с физических лиц. Поскольку все граждане в советский период работали у одного работодателя – у государства, взимание подоходного налога выглядело бессмысленным. Однако сбор подоходного налога требовал уйму трудовых, временных и денежных затрат, обеспечивая при этом результат, который можно было бы получить существенно проще и дешевле – просто на эту величину уменьшить заработную плату. Думается, что и сегодня эта идея актуальна для государственных служащих и всей бюджетной сферы. Пусть налоги платит частный сектор, особенно богатые и сверхбогатые. Как пишет Е.И. Капустин, «экономическая верхушка этого нового для России общественного строя захватила в свои руки основную часть национального богатства и половину реальных доходов населения страны»³.

Можно назвать и другие конкретные разработки Е.И. Капустина. Причем в них во всех можно заметить одну закономерность – все они направлены на улучшение жизни людей. Иными словами, социальные требования трудящегося большинства находились в центре научных исследований ученого.

Теоретические обобщения в рамках социального императива Евгений Иванович осуществил в цикле работ второй половины 1970-х годов, среди которых выделяется монография «Социалистический образ жизни: экономический аспект» (М.: Мысль, 1976). Основной лейтмотив книги состоит в доказательстве следующего положения: трудящиеся в подлинно социалистическом обществе должны быть действительными хозяевами общественного производства. Автор выдвинул и развил это положение, сформулировал набор конкретных предложений, реализация которых способствовала бы трансформации в данном направлении советской системы хозяйствования. Конечно, Евгений Иванович, по существовавшим тогда установкам, не мог говорить и писать, что в 1970-е годы в СССР еще не было условий для воспитания чувства подлинного хозяина производства, но он предполагал, что при необходимой политической воле система в конечном счете смогла бы создать такие условия.

Но здесь интересно и другое. Практически то же самое и почти в тех же словах писали в 1920-х годах евразийцы. Так, П. Савицкий, например, разработал целое учение о «добром хозяине» как антиподе западному индивидуализированному предпринимателю. «Добрый хозяин», согласно евразийцам, считает, что основа хозяйства – это

³ Капустин Е.И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука, 2006. С. 94.

люди, которые действуют в нем⁴. Таким образом, мы видим, что в 70-х годах прошлого века Евгений Иванович разрабатывал ту же проблему и в том же направлении, что и евразийцы в 20-х годах. Не вина, а беда советских экономистов, что многие эмигрантские работы им не были доступны. Приходилось начинать как бы с начала, но все эти исследования проводились в лучших традициях отечественной экономической мысли. Связь времен порой затруднялась, но не прерывалась.

Еще на одном сюжете следует остановиться. В российской общественной традиции, в том числе и в экономической мысли, всегда важное значение придавали коллективности или общинности хозяйственного поведения. К этому, кроме всего прочего, располагали своеобразные географические и климатические условия страны. Приоритетное значение коллективистскому началу в хозяйствовании придавали не только народники и народнические экономисты, но и евразийцы, и, в значительной степени, русские социалисты. Принцип коллективности пронизывал все этапы развития отечественной экономической мысли. На современном этапе одним из наиболее последовательных и глубоких его разработчиков являлся Е.И. Капустин. Это выразилось в его усилиях по развитию бригадных форм организации труда, своеобразной трактовке «социалистического соревнования», и главное – в проблематике участия трудящихся в управлении производством. Последней проблеме Евгений Иванович уделял исключительно большое внимание. Здесь им были осуществлены чрезвычайно интересные и плодотворные разработки в области демократизации планирования, организации труда и заработной платы.

Так, например, основная заслуга Е.И. Капустина в разработке проблемы демократизации планирования как своеобразной формы участия трудящихся в управлении производством в том, что он сформулировал принципы разработки “встречного плана”, когда индивидуальные возможности превышают среднеотраслевые нормы затрат. Причем предлагалось принимать этот план, идущий снизу, не после утверждения государственного плана в форме пресловутых соцобязательств, а в самом процессе разработки государственного плана. Однако эта теоретическая разработка практического применения в то время не нашла – хозяйственная и политическая практика продолжала ориентироваться на принятие соцобязательств и перевыполнение планов. В западной литературе этот вопрос вообще не исследовался, хотя для западной практики демократизация внутрифирменного планирования весьма актуальна в плане демократизации управления производством. Наши западные коллеги не знают, как к этой проблеме подступиться, а мы знаем, но, к сожалению, не используем и начинаем забывать.

⁴ Савицкий П.Н. Хозяин и хозяйство // Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 217–253.

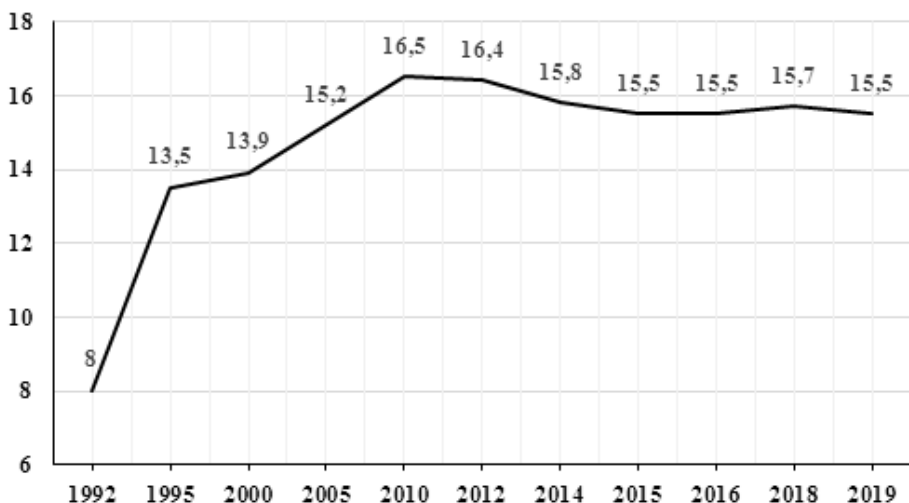
Однако хотелось бы обсудить и более общий вопрос, который активно ставил в последние годы своей жизни Евгений Иванович. В советский и в постсоветский периоды ведутся научные исследования в области социальных проблем и труда. Но раньше эти исследования имели большую отдачу, на них был больший спрос. Евгений Иванович прямо заявлял о том, что рыночная проблематика должна дополняться трудовой проблематикой и решением социальных проблем, и ссылался при этом на европейский социал-демократический опыт.

В чем же здесь проблема? Дело в политической или, точнее, в социально-политической ориентации правительства, если хотите, в идеологии проводимой экономической политики. Принятая сегодня на вооружение политика рыночного либерализма возводит рынок в главный и основной стержень общественного устройства. Социальные проблемы, которые при этом возникают, рынок старается не замечать – для рынка они не существенны: рынок – это достижение высокой экономической эффективности – и только. Чем меньше при этом будет внимания обращаться на социальные проблемы, тем для рынка лучше, тем выше будет экономическая эффективность. Возьмем, например, пенсионную систему. Что такое пенсионер? С точки зрения рыночного механизма, это отработанный материал, «механизм», выработавший свой трудовой ресурс, содержание которого снижает экономическую эффективность.

Или возьмем проблему социально-экономического неравенства, о чем очень определенно писал Е.И. Капустин: «Самое главное и отличительное качество России сегодня – это экономически необоснованное и социально несправедливое распределение доходов»⁵. Действительно, итогом либеральных преобразований явилось невиданное ранее огромное неравенство в российском обществе. Так, если в 1992 г. доходы наиболее обеспеченного населения превышали доходы наименее обеспеченного в 8 раз, то к 2020 г. этот разрыв увеличился почти в два раза (см. рис. 1).

Е.И. Капустин постоянно выступал с положением о том, что рынок надо дополнять решением социальных проблем. Это, конечно, правильно. Но для этого надо изменить идеологию государственной экономической политики. Надо признать, что рынок, будучи хорошим, может быть, даже идеальным механизмом для максимизации экономической эффективности, увеличения отдачи с каждого вложенного в дело рубля или доллара, совершенно недостаточен для поддержания современного цивилизованного общественного устройства. Поэтому, скажем, социал-демократическое направление во многих европей-

⁵ Капустин Е.И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука, 2006. С. 93.

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России, 2001. С. 130; Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>.

Рис. 1. Динамика коэффициента фондов (коэффициента дифференциации доходов), в размах.

ских странах (периодически в большинстве стран Европейского Союза у власти находятся социалисты) ограничивает рынок, «загоняет» его в определенные цивилизованные рамки, постепенно социализирует общество.

Изменение идеологии экономического курса правительства должно состоять не в отказе от рыночной экономики – это просто невозможно, а в признании того, что рынок – не самоцель, и его надо разумно социализировать. Для этого и надо развивать исследования социальных и трудовых проблем. На это акцентировал свое внимание Евгений Иванович в своих последних работах.

В советский период трудовое и социальное направление исследований (социальный императив), чем много и плодотворно занимался Евгений Иванович, естественным образом входило в официальную советскую идеологию и потому пользовалось большим вниманием со стороны властей. Конечно, при этом было немало догматизма, схоластики, да и прямого политического диктата. Интересные и творческие разработки в этой области воспринимались плохо, часто власти высказывали недовольство, и многие разработки Евгения Ивановича так и остались лишь в его теоретических трудах. Но значение социальной проблематики в советский период признавалось очень высоким.

После 1991 г. и перехода к официальной идеологии рыночного либерализма исследования по проблемам трудовой и социальной

проблематики в принципе оказались ненужными. Некоторый интерес к этой тематике еще проявляют наши профсоюзы, да и международные организации, которые хорошо понимают значение социальных проблем. Прежде всего это касается Международной организации труда (МОТ). Как-то Евгений Иванович Капустин во время одной дискуссии в Институте экономики в 2000 г. очень точно заметил: «В настоящее время в средствах массовой информации, которые активнейшим образом влияют на население, можно найти олигархов, банкиров, предпринимателей, в худшем случае бандитов, спекулянтов и т. д., но не человека труда»⁶. Действительно, в либеральной экономической концепции для человека труда места почти нет.

В советский период у нас были директивные органы, которым представлялись какие-то рекомендации и предложения. Сейчас таких органов нет. К кому обращаться? Вот Евгений Иванович Капустин считал, что, если правительство нас не хочет слушать, то надо обращаться к обществу в лице парламента и других общественных организаций. Это, конечно, верно, и так придется поступать. Но в связи с этим возникает вот какой вопрос: если обращаться к обществу, минуя правительство, то это означает, что правительственная экономическая политика нас не устраивает и мы предлагаем мероприятия, которые расходятся политически с курсом правительства. То есть мы внедряемся в сферу политики, пусть экономической политики, но все-таки политики. И следовательно, мы должны искать те политические силы, которым наши разработки будут нужны. Иными словами, политическая составляющая становится частью нашей научной деятельности.

Возможно, конечно, иная стратегия: замкнуться в сугубо теоретические, даже абстрактные области исследований или заняться историческими проблемами. Но возможно ли сидеть и спокойно констатировать рост безработицы, снижение жизненного уровня населения и последовательное его вымирание? Ведь уже к началу этого года за период либеральных реформ население страны уменьшилось (без учета миграции) примерно на 6 млн человек. Процесс депопуляции связан с разнонаправленной динамикой изменения уровня рождаемости и смертности («русский крест») (см. табл. 2). В период 1992–2020-х годов для России стала характерна уникально низкая рождаемость, не обеспечивающая простого воспроизводства населения, на фоне исключительно высоких показателей смертности, существенно опережающих коэффициенты рождаемости (в ряде регионов более чем в два раза).

⁶ Капустин Е.И. Выступление // Экономические исследования Института: итоги и перспективы. Материалы «Круглых столов». М.: Институт экономики РАН, 2000. С. 262.

Общие коэффициенты естественного движения населения

Годы	На 1000 человек населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост, убыль (-)
1992	10,7	12,2	-1,5
1995	9,3	15,0	-5,7
2000	8,7	15,3	-6,6
2001	9,0	15,6	-6,6
2002	9,7	16,2	-6,5
2003	10,2	16,4	-6,2
2004	10,4	16,0	-5,6
2005	10,2	16,1	-5,9
2006	10,4	15,2	-4,8
2007	11,3	14,6	-3,3
2008	12,1	14,7	-2,6
2009	12,3	14,1	-1,8
2010	12,5	14,2	-1,7
2011	12,6	13,5	-0,9
2012	13,3	13,3	-0,0
2013	13,2	13,0	0,2
2014	13,3	13,1	0,2
2015	13,3	13,0	0,3
2018	10,9	12,5	-1,6
2019	10,1	12,3	-2,2
2020	9,8	14,6	-4,8

Источники: Россия в цифрах, 2006. С. 75; 2009. С. 84; 2015. С. 83; 2016. С. 83; 2021. С. 43.

Конечно, сокращение рождаемости является общемировой демографической тенденцией, но в период экономических реформ оно происходило чрезвычайно быстрыми темпами. Это позволяет предположить, что существенными факторами снижения рождаемости выступали дестабилизация социально-экономического положения и снижение уровня и качества жизни населения, неуверенность в завтрашнем дне.

Сугубо научный подход требует беспристрастного анализа даже катастрофических процессов, где роль ученого сводится к наблюдению и объяснению происходящих явлений. Возможна, конечно, и выработка рекомендаций по ускорению данного процесса или по его замедлению, смотря по тому, какой социальный заказ будет дан. Но нормальные люди не могут равнодушно взирать на разрушение соб-

ственного дома – они ищут пути спасения. Ученые в большинстве тоже нормальные люди и тоже не могут спокойно взирать на нарастание напряженности социальных проблем. Тем более, что ученые могут предложить действенные средства для борьбы с этим социальным недугом. Для этого недостаточно только научных разработок – нужны и политические действия. Поэтому научные исследования, особенно по социальной и трудовой проблематике, должны содержать и политическую составляющую.

Последняя монография Капустина посвящена исследованию актуальной проблемы уровня, качества и образа жизни населения современной России⁷. Начинается работа с выяснения теоретической сущности таких категорий, как «уровень жизни», «качество жизни» и «образ жизни» населения. Затем исследуются проблемы прожиточного минимума, бедности и заработной платы основной массы трудоспособного населения страны. Проводится тщательный анализ потребления населением страны материальных и духовных благ, проблемы социальной защиты и социальной помощи населению. На большом фактическом материале показана противоречивая динамика образа жизни в стране в постсоветский период, всесторонне обосновывается вывод, что экономические реформы, проводимые в стране после 1991 г., привели к катастрофическому снижению уровня жизни значительной части российского населения.

Неравенство материального положения влечет за собой *неравенство жизненного уровня и состояния здоровья*, дискриминацию при получении образования и медицинского обслуживания. Известно, что состояние здоровья во многом зависит от возможности качественного питания, т. е. прежде всего от уровня доходов. Эту зависимость подтверждают и результаты обследования, проведенного при участии Минздравсоцразвития России, Росспорта, Института социальных исследований в 24 субъектах Российской Федерации (см. табл. 3). Люди с высокими доходами не испытывают и проблем с высококачественным медицинским обслуживанием, с покупкой любых лекарств, с расходами на отдых.

Как свидетельствуют данные, в группе респондентов с низким уровнем доходов практически каждый второй опрошенный указал на наличие болезней опорно-двигательного аппарата и системы кровообращения, а в среднем 8–9 респондентов из каждых десяти опрошенных страдают двумя заболеваниями. Данные опроса дают веские основания для вывода о том, что главным источником стрессов является социальная неустроенность. Например, в группе респондентов, имеющих низкие доходы, в полтора-два раза чаще, чем в высокодоходной группе, проявляется состояние острой психологической тре-

⁷ Капустин Е.И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука, 2006.

Таблица 3

Заболееваемость в группах с разным уровнем доходов (в %)

Заболевания	Уровень доходов			Всего
	высокий	средний	низкий	
Остеохондроз	27,2	36,6	45,6	32,2
Гипертоническая болезнь и/или ишемическая болезнь сердца	21,5	32,2	41,2	27,0
Артрит	7,1	12,9	21,2	10,5
Холецистит	7,6	13,4	12,8	10,0
Бронхит	6,9	9,2	20,8	8,9
Патология щитовидной железы	6,5	8,5	10,6	7,5
Язва желудка и/или двенадцатиперстной кишки	5,0	8,5	8,4	6,7
Мочекаменная болезнь	4,6	7,2	7,5	5,8
Диабет	1,4	5,3	7,5	3,4
Астма	1,2	2,7	7,5	2,5

Источник: краткие итоги выборочного обследования «Влияние поведенческих факторов на состояние здоровья населения». М.: Росстат, 2009. http://www.gks.ru/free_doc/2008/demo/zdr08.htm.

воги по поводу неясной перспективы существования, чувство одиночества, беспокойство, вызванное возможностью потери работы. Такое нервное состояние, сохраняющееся в течение многих лет, обуславливает широкое распространение аномии общества. Она выражается в противоречивости сознания и поведения многих людей, в том числе в отношении к своему здоровью, как к ценности и главному фактору, определяющему качество жизни. Чрезмерное социально-экономическое расслоение населения, вызывая стрессы и депрессии, приводит к ухудшению здоровья, повышая уровень смертности у низкодоходных групп населения.

Возвращаясь к последней книге Евгения Ивановича, хотелось бы отметить, что в ней в целом дается обстоятельный и глубокий анализ экономических проблем образа жизни населения современной России. Привлекает внимание – и это хотелось бы подчеркнуть особо – государственно-патриотическая позиция автора, убежденно заявляющего о необходимости экономического и духовного возрождения и процветания страны. «Не только произошло обвальное падение уровня жизни и снижение ее качества, – утверждает Е.И. Капустин, – но также явно проявилась социальная деградация нашего общества, размывание моральных ценностей и снижение социальной ответ-

ственности его членов, рост бессмысленной жестокости, вандализма и насилия в самом грубом их проявлении»⁸. Это слова не только ученого, но гражданина и патриота России.

Таковы главные уроки и выводы, вытекающие из рассмотрения научной деятельности Евгения Ивановича Капустина.

ABOUT THE AUTHORS

Voeykov Michail Ilarionovich – Doctor of Economics Sciences, Professor, Head of the Sector of Political Economy of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
mvok1943@mail.ru

Sobolev Edward Nenevich – Doctor of Economics Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
edsobol@rambler.ru

Anisimova Galina Vladimirovna – Candidate of Economics Sciences, Assistant Professor, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia
anisimovagalina@bk.ru

SOCIAL IMPERATIVE OF E.I. KAPUSTIN AND MODERNITY (TO THE CENTENARY OF BIRTH)

The article examines the main stages of the scientific work of E.I. Kapustin as an original representative of the Russian economic school. In the opinion of the authors, E.I. Kapustin significantly contributed economic theory developing the concept of a social imperative, which assumes a turn of the economy to the needs and requirements of people. In his last works, E.I. Kapustin convincingly showed that liberal economic reforms in Russia led to a significant deterioration in the quality of life of an ordinary common man. This is reflected in a sharp increase in socio-economic inequality, poverty, a decrease in income, deterioration in the quality of nutrition and the health of the most of the population.

Keywords: *social imperative, government policy, wages, cost of living, income, quality of life.*

JEL: A11, E24, I13.

⁸ Капустин Е.И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука, 2006. С. 281.